

Московский
государственный
университет
имени М. В. Ломоносова

Филиал МГУ
в городе Севастополе

ISSN 3034-6193

МИФОЛОГОС

*Серия «Миф и общество: история,
политика, социология»*

№ 4

*Севастополь
2022*

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

МИФОЛОГОС

№ 4

Серия «Миф и общество: история, политика,
СОЦИОЛОГИЯ»

2022

MYTHOLOGOS

№ 4

Myth and Society:
History, Politics, Sociology

2022

УЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ООО «ТБС Пабблишинг»

Регистрационное свидетельство: Эл № ФС77-88701

ISBN 978-5-907330-96-2

ISSN 3034-6193

DOI: 10.35103/SMSU.2022.59.36.045

Подписной индекс

«Объединенный каталог: Пресса России. Газеты и журналы»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ставицкий Андрей Владимирович, *главный редактор*, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат философских наук.

Мартынкин Андрей Владимирович, заведующий кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат исторических наук.

Теплова Любовь Ивановна, доцент кафедры иностранных языков Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат филологических наук.

Галанова Екатерина Михайловна, доцент кафедры русского языка и литературы Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат филологических наук.

Ильянович Екатерина Борисовна, доцент кафедры философии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», кандидат философских наук, доцент.

Кузина Ольга Андреевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Филиала МГУ в городе Севастополе, кандидат филологических наук (ученый секретарь).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алентьева Татьяна Викторовна, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук, профессор (г. Курск, Россия).

Анчев Стефан Иванов, заслуженный доцент кафедры новой и новейшей истории факультета истории Университета св. Кирилла и Мефодия, доктор истории (г. Велико Тырново, Республика Болгария).

Апаева Софья Хусеиновна, декан Кыргызско-китайского факультета, доцент кафедры Китайского языка и литературы Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, кандидат филологических наук, доцент (г. Бишкек, Кыргызстан).

Арпентьева Мариям Равильевна, профессор Института психологии ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», доктор психологических наук, доцент (г. Калуга, Россия).

Баранов Андрей Владимирович, заведующий кафедрой политологии и политического управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор (г. Краснодар, Россия).

Габриелян Олег Аршавирович, заведующий кафедрой философии, декан Философского факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», доктор философских наук, профессор (г. Симферополь, Россия).

Гагаев Павел Александрович, профессор кафедры педагогики ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», доктор педагогических наук, профессор (г. Пенза, Россия).

Гарбузов Дмитрий Викторович, профессор кафедры философии Философского факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», доктор философских наук, доцент (г. Симферополь, Россия).

Евлампиев Игорь Иванович, профессор кафедры русской философии и культуры Института философии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

Завершинский Константин Федорович, профессор кафедры теории и философии Института философии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор политических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

Земцов Владимир Николаевич, заведующий кафедрой всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин ФГАОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», доктор исторических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия).

Иванов Андрей Геннадиевич, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет», доктор философских наук, доцент (г. Липецк, Россия).

Карабыков Антон Владимирович, профессор кафедры философии социально-гуманитарного профиля ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор философских наук, доцент (г. Симферополь, Россия).

Кирюхина Елена Михайловна, профессор кафедры истории, философии и социологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия», доктор культурологии (г. Нижний Новгород, Россия).

Корнилова Елена Николаевна, профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», доктор филологических наук (г. Москва, Россия).

Королева Светлана Борисовна, профессор кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова», доктор филологических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия).

Крайнов Григорий Никандрович, профессор кафедры политологии, истории и социальных технологий ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», доктор исторических наук, профессор (г. Москва, Россия).

Лесовиченко Андрей Михайлович, ведущий научный сотрудник научно-аналитического отдела Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского (г. Москва, Россия).

Маленко Сергей Анатольевич, заведующий кафедрой философии, культурологии и социологии ФБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», доктор философских наук, профессор (г. Великий Новгород, Россия).

Мартишина Наталья Ивановна, заведующий кафедрой философии и культурологии ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный университет путей сообщения», доктор философских наук, профессор (г. Новосибирск, Россия).

Найдыш Вячеслав Михайлович, профессор кафедры онтологии и теории познания ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия).

Некита Андрей Григорьевич, профессор кафедры философии, культурологии и социологии ФБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», доктор философских наук, профессор (г. Великий Новгород, Россия).

Пивоев Василий Михайлович, профессор кафедры общеправовых и гуманитарных дисциплин Северного института (филиала) ФГБОУ «Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ)» в г. Петрозаводске, доктор философских наук, профессор (г. Петрозаводск, Россия).

Пименова Марина Владимировна, ректор АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тян-Шанского», доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

Поздьева Светлана Михайловна, профессор кафедры философии и политологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», доктор философских наук, профессор (г. Уфа, Россия).

Соегов Мурадгелди, консультант Национального института рукописей АНТ, доктор филологических наук, профессор, действительный член (академик) Академии наук

Туркменистана (г. Ашхабад, Республика Туркменистан).

Тимошук Алексей Станиславович, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВЮИ ФСИН России, доктор философских наук, доцент (г. Владимир, Россия).

Тихонова Софья Владимировна, профессор кафедры теоретической и социальной философии ФБГОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», доктор философских наук, доцент (г. Саратов, Россия).

Фиденко Юлия Леонидовна, декан музыкального факультета, профессор кафедры истории музыки ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный институт искусств», доктор искусствоведения, доцент (г. Владивосток, Россия).

Филимонова Мария Александровна, ведущий научный сотрудник научной лаборатории «Центр изучения США», ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук (г. Курск, Россия).

Царева Надежда Александровна, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Дальневосточный технический рыбохозяйственный университет», доктор философских наук, доцент (г. Владивосток, Россия).

Яковлева Елена Людвиговна, заведующий кафедрой философии и социально-политических дисциплин ФГБОУ ВПО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова», д. философских наук, кандидат культурологии, профессор (г. Казань, Россия).

Электронный научный журнал теоретических и прикладных исследований

Индексируется РИНЦ, E-library

Издается с 2022 года. Журнал выходит 4 раза в год

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

© ООО «ТБС Пабблишинг»

© Авторы

МИФОЛОГОС.

Серия «Миф и общество: история, политика, социология»

№ 4, 2022. 199 с.

Подписано в печать

Формат 79x100/16

Усл. печ. л. 28

ISBN 978-5-907330-96-2

COFOUNDERS:

Lomonosov Moscow State University, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education
LLC «CSB Publishing»
Registration Certificate: El No. FS77-88701
ISBN 978-5-907330-96-2
ISSN 3034-6193
DOI: 10.35103/SMSU.2022.59.36.045

EDITORIAL BOARD:

Stavitskiy Andrey Vladimirovich, *Editor-in-Chief*, Associate Professor of the Department of History and Foreign Affairs of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in Philosophy.

Martynkin Andrey Vladimirovich, Head of the Department of History and Foreign Affairs of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in History.

Teplova Lyubov Ivanovna, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in Philology.

Galanova Ekaterina Mikhailovna, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Literature of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in Philology.

Ilyanovich Ekaterina Borisovna, Associate Professor of the Department of Philosophy of Vernadsky Crimean Federal University, PhD in Philosophy.

Kuzina Olga Andreevna, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages of Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, PhD in Philology.

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Alentyeva Tatiana Viktorovna, Professor, Department of General History, Faculty of History, Kursk State University, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kursk, Russia).

Anchev Stefan Ivanov, Associate Professor, Department of New and Modern History, Faculty of History, St. Cyril and Methodius University, Doctor of History (Veliko Tarnovo, Republic of Bulgaria).

Apaeva Sofia Khuseinovna, Dean of the Kyrgyz-Chinese Faculty, Associate Professor of Chinese Language and Literature, Jusup Balasagyn Kyrgyz National University, PhD in Philology, Associate Professor (Bishkek, Kyrgyzstan).

Arpentieva Mariyam Ravilievna, Professor, Institute of Psychology, Kaluga State University. Doctor of Psychology, Associate Professor (Kaluga, Russia).

Baranov Andrey Vladimirovich, Head of the Department of Political Sciences and Political Management, Kuban State University, Doctor of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Krasnodar, Russia).

Gabrielyan Oleg Arshavirovich, Head of the Department of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy, Taurida Academy, Vernadsky Crimean Federal University, Doctor of Philosophy, Professor (Simferopol, Russia).

Gagaev Pavel Aleksandrovich, Professor, Department of Pedagogy, Penza State University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Penza, Russia).

Garbuzov Dmitriy Viktorovich, Professor, Department of Philosophy, Faculty of Philosophy, Taurida Academy, Vernadsky Crimean Federal University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Simferopol, Russia).

Evlampiev Igor Ivanovich, Professor, Department of the Russian Philosophy and Culture, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg, Russia).

Zavershinsky Konstantin Fedorovich, Professor, Department of Theory and Philosophy, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia).

Ivanov Andrey Gennadievich, Head of the Department of Philosophy, Lipetsk State Technical University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Lipetsk, Russia).

Karabykov Anton Vladimirovich, Professor, Department of Philosophy of Socio-Humanitarian Profile, Vernadsky Crimean Federal University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Simferopol, Russia).

Kiryukhina Elena Mikhailovna, Professor, Department of History, Philosophy and Sociology, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod State Agricultural Academy) Doctor of Cultural Sciences (Nizhny Novgorod, Russia).

Kornilova Elena Nikolaevna, Professor, Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philological Sciences (Moscow, Russia).

Koroleva Svetlana Борисовна, Professor, Department for teaching Russian as a native and foreign language at Lomonosov Moscow State University, Nizhny Novgorod, Russia. D. in Philology, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia).

Kraynov Grigory Nikandrovich, Professor, Department of Political Science, History and Social Technologies, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "Russian University of Transport", Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia).

Lesovichenko Andrey Mikhailovich, Leading Researcher, Research and Analytical Department, Tchaikovsky Moscow State Conservatory (Moscow, Russia).

Malenko Sergey Anatolievich, Head of Chair of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Yaroslav the Wise Novgorod State University, Doctor of Philosophy, Professor (Veliky Novgorod, Russia).

Martishina Natalya Ivanovna, Head of Chair of Philosophy and Cultural Studies, Siberian State University of Railway Transport, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia).

Naydysh Vyacheslav Mikhailovich, Professor, Chair of Ontology and Theory of Knowledge, FGBOU VPO "Peoples' Friendship University of Russia", Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia).

Nekita Andrey Grigorievich, Professor, Chair of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Yaroslav the Wise Novgorod State University, Doctor of Philosophy, Professor (Veliky Novgorod, Russia).

Pivoev Vasily Михайлович, Professor, Department of General Legal and Humanitarian Disciplines, Northern Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russian Justice Ministry) in Petrozavodsk, Doctor of Philosophy, Professor (Petrozavodsk, Russia).

Pimenova Marina Vladimirovna, Rector, Semyonov – Tien-Shansky International Humanitarian University, Doctor of Philological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia).

Pozdyaeva Svetlana Mikhailovna, Professor, Chair of Philosophy and Political Science, Bashkir State University, Doctor of Philosophy, Professor (Ufa, Russia).

Soeghov Muradgeldi, Consultant at the National Institute of Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Doctor of Philological Sciences, Professor, Full Member (Academician) of the Academy of Sciences of Turkmenistan (Ashkhabad, Republic of Turkmenistan).

Timoshchuk Aleksey Stanislavovich, Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Russian Federal Law Enforcement Agency, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Vladimir, Russia).

Tikhonova Sofia Vladimirovna, Professor of Theoretical and Social Philosophy Department, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevskiy, PhD, Associate Professor (Saratov, Russia).

Fidenko Yulia Leonidovna, Dean of the Faculty of Music, Professor, Department of History of Music, Far Eastern State Institute of Arts, Doctor of Art History, Associate Professor (Vladivostok, Russia).

Filimonova Maria Alexandrovna, Leading Researcher, Research Laboratory "Center for US Studies", Kursk State University, PhD in History (Kursk, Russia).

Tsareva Nadezhda Aleksandrovna, Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Far Eastern Technical University of Fisheries, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Vladivostok, Russia).

Yakovleva Elena Lyudvigovna, Head of the Department of Philosophy and Social and Political Disciplines, V. G. Timiryazov Kazan Innovative University, Doctor of Philosophy, Candidate of Cultural Sciences, Professor (Kazan, Russia).

Electronic scientific journal of theoretical and applied research

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library

The journal has been published since 2022.

4 issuer per year.

All rights reserved.

Copying of materials from the journal is permitted only in agreement with the editorial board.

© Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Professional Education
"Lomonosov Moscow State University".

© LLC «CSB Publishing»

© Authors

MYTHOLOGOS.

Myth and Society: History, Politics, Sociology Series.

№ 4, 2022. 199 p.

СОДЕРЖАНИЕ	
Редакционная коллегия	2
Содержание	8
Введение	12
МИФОИСТОРИЯ: СМЫСЛ И ПРИРОДА	
<i>Алентьева Т.В.</i> Мифы англо-американской войны 1812–1815 годы	15
<i>Крайнов Г. Н.</i> Миф о новой экономической политике как «советской модели социализма»	25
<i>Пирогова Е.П.</i> Скрытая и явная мифологизация происхождения неродовитых уральских горнозаводчиков XVIII века	34
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ: КУЛЬТЫ И ТАБУ	
<i>Баранов А.В.</i> Этнополитический миф в каталонском конфликте (на материалах выступлений К. Пучдемона)	42
<i>Белозёрова М.В.</i> «Великая Черкесия»: к вопросу о мифах в информационном поле и историографии Западного Кавказа	53
<i>Филимонова М.А.</i> Воображаемое прошлое Америки: мифологизация колониального прошлого в период образования США	65
ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ: ТИПОЛОГИЯ И МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ	
<i>Трофимцева С.Ю.</i> «Вечность» этатистского мифа в закрытых обществах и «бессмертное» философско-политическое наследие Г.В.Ф. Гегеля	75
<i>Шмелева О.Ю.</i> Миф о единстве как идейно-семантическая матрица восприятия современного российского государства гражданами РФ	86
<i>Онопко О.В.</i> Политический миф о «мировой гибридной войне»: сюжетные и структурные особенности (по материалам аналитических докладов Национального института стратегических исследований Украины)	100
<i>Пименова М.В., Родичева А.А., Зайцева Т.А.</i> Фейк как современный политический антимиф	113
<i>Демидова Е.Е.</i> Мифы о власти и власть мифа: когнитивный аспект	122

МИФОТВОРЧЕСТВО ГЛОБАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ	
<i>Шинкаренко В.Д.</i> Современные идеологические мифы капитализма	135
<i>Кольчев П.М.</i> Мифотворчество как главная стратегия стагнации современного общества потребления	147
<i>Кузина О.А., Ситько Ю.Л.</i> Символические знаковые ситуации и формирование мифа в цветных революциях	158
<i>Ставицкий А.В.</i> Глобальный вызов и природа Эпохи Перемен	176
<i>Авторы</i>	189

CONTENT	
Editorial Board	2
Content	8
Foreword	12
MYTHOHISTORY: MEANING AND NATURE	
<i>Alentieva T.V.</i> Myths of the Anglo-American War of 1812-1815	15
<i>Krainov G.N.</i> The Myth of the New Economic Policy as the "Soviet Model of Socialism"	25
<i>Pirogova E.P.</i> Hidden and Explicit Mythologization of Origin Unnatural Industrialists of the Urals in the 18th Century	34
ETHNO-POLITICAL MYTHOLOGY: CULTS AND TABOOS	
<i>Baranov A. V.</i> Ethnopolitical Myth in the Catalan Conflict (Based on the Materials of the Speeches of C. Puigdemont)	42
<i>Belozerova M.V.</i> «Great Circassia»: on the Issue of Myths in the Information Field and Historiography of the Western Caucasus	53
<i>Filimonova M.A.</i> The Imaginary Past of America: Mythologizing the Colonial Past during the Formation of the United States	65
POLITICAL MYTH: TYPOLOGY AND MECHANISMS OF INFLUENCE	
<i>Trofimtseva S.Yu.</i> The "Eternity" of the Statist Myth in Closed Societies and the "Immortal" Philosophical and Political Heritage of G.V.F. Hegel	75
<i>Shmeleva O.Yu.</i> The Myth about the Unity as a Semantic Matrix of Perception of the Modern Russian State by Citizens of the Russian Federation	86
<i>Onopko O.V.</i> The Political Myth of the "World Hybrid War": Plot and Structural Features (Based on Analytical Reports of the National Institute for Strategic Studies of Ukraine)	100
<i>Pimenova M.V., Rodicheva A.A., Zaitseva T.A.</i> Fake as a Modern Political Antimyth	113
<i>Denidova E.E.</i> Myths about Power and the Power of Myth: a Cognitive Aspect	122
THE MYTH-MAKING OF GLOBAL INTERACTIONS	
<i>Shinkarenko V.D.</i> Modern Ideological Myths of Capitalism	135

<i>Kolychev P.M.</i> Creation of Myths as the Main Strategy of Stagnation in the Modern Consumer Society	147
<i>Kuzina O.A., Sitko Yu.L.</i> Symbolic Sign Situations in Forming Myths about Color Revolutions	158
<i>Stavitskiy A.V.</i> Global Challenge and the Tature of the Age of Change	176
Authors	189

ВВЕДЕНИЕ

Уважаемые коллеги, читатели, друзья!

Перед вами четвёртый выпуск научного периодического журнала «Мифологос» – единственного в РФ журнала, который целиком посвящен только одной теме – мифу и мифотворчеству во всех его формах и проявлениях. Данный журнал призван объединить всех исследователей мифа, которые в своих исследованиях не ограничиваются классической мифологией и не сводят миф к его архаичным формам, предлагая воспринимать и рассматривать его как цельное, синкретическое явление, созданное человеком на заре его бытия и существующее с ним на всём протяжении его истории, меняясь вместе с ним и играя в его жизни крайне важную роль.

Мы исходим из того, что миф не противостоит реальности, но дополняет её, наделяя тем смыслом, в котором человек нуждается. Ведь миф является базовой универсалией культуры, его смысловой матрицей, формирующей поле ценностно означенных смыслов. Этот миф неотделим от человека и его истории и верно служит ему, представляя собой в образно-символической форме отражённую сознанием реальность, которая возникает как образ реальности и становится реальностью сознания.

Именно на этих позициях базируется современная неклассическая мифология, выстраивающая свою традицию в исследованиях и трудах Ф.В.Й. Шеллинга и А.А. Потебни, Э. Кассирера и А.Ф. Лосева, З. Фрейда и К. Юнга, Р. Барта и К. Леви-Строса, Ю.М. Лотмана и Г.Д. Гачева, К. Хюбнера и С. Московичи, В.М. Найдыша и А.М. Лобока. Отмечу, что эта традиция отличается разными стратегиями понимания мифа, связанными, как правило, с исходной специализацией каждого конкретного исследователя. И, возможно, поэтому её сторонники не смогли на данной основе договориться о создании общей теории мифа (ОТМ). Однако многозначность мифа нормальна, а все необходимые для создания ОТМ предпосылки и основания были ими уже заложены. И нам остаётся только их синтезировать и развить, раскрыв всё богатство и многообразие значений явления под названием МИФ.

«в отличие от установок классической науки, которая полностью отрицала современный миф, воспринимая его как нечто вредное, порочное, рудиментальное, основные идеи общей теории мифа органично сочетаются с разработанной в XX в. концепцией неклассической науки, показывая, что наука и миф довольно плодотворно работают, взаимодействуя по принципу взаимной дополняемости, хотя сама наука в лице наиболее видных её представителей признаваться в этом не заинтересована».

В свою очередь, дабы сохранить эту онтологически выверенную мифологическую цельность, организаторы журнала разделили его на четыре основных блока, соответствующие четырём направлениям, каждое из которых будет выходить по одному номеру в год. Вот они:

1. Философия мифа: онтология, аксиология, методология.
2. Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования.
3. Миф в культуре: литература, язык, поэтика, искусство, фольклор.
4. Миф и общество: история, политика, социология.

Напомню, что этот журнал стал естественным продолжением международной научной междисциплинарной конференции «Миф в истории, политике, культуре. За последние шесть лет в конференции приняли участие сотни исследователей из 19

стран. По результатам её работы было выпущено пять сборников, где было опубликовано около 600 статей¹, которые стали заметным явлением в научной сфере.

Четвёртый номер журнала посвящен социальным аспектам мифотворчества, подтверждая, что всё, что для человека является важным, обретает для него значимость, а что становится значимым, мифологизируется, становясь чем-то бóльшим, чем просто явление или предмет. У каждой подвергшейся мифологизации вещи, как бы возникает второе, погружённое в поле ценностных смыслов, «тело». Так, в результате постоянного мифотворчества в культуре формируется мифологическая метареальность, которая проявляется как в знаках, идеях и символах, так и в вещах и нарративах. Эта реальность существовала с тех пор, как человек впервые создал свою мифологическую Вселенную, и обслуживала его, меняясь вместе с ним. И заменить такой миф наука не может, лишь время от времени провозглашая победу над тем конкретным мифом, который в социальной жизни себя исчерпал.

В этом смысле наука и миф решают схожие задачи, но разными средствами, представляя в рамках культуры одно диалектически оформленное целое. И, значит, наука оказалась к мифу намного ближе, чем считалось ранее. Особенно на фоне вторжения мифа в историческое и символическое пространство социума, придавая данной теме стратегическую актуальность в рамках изучения мифологии людей, вещей и идей, где прошлое обладает непреходящей властью над настоящим и будущим через глубоко опосредованное воздействие на сознание, когда люди не просто черпают из прошлого опыт, но выстраивают себя под него.

При этом следует признать, что историки, как правило, избегают подобных выводов, оставаясь в рамках традиционного дискурса, в лучшем случае вспоминая сентенцию академика М.Н. Покровского о том, что история есть «политика опрокинутая в прошлое». Связано это с тем, что мифотворчество особенно заметно в социально-политической деятельности, а также в исторической мысли и политике, где, правда, до сих пор доминирует представление, что миф противостоит реальности и является синонимом лжи, наиболее полно проявляясь в былинах, эпосах, сказках. Но и здесь заметны существенные изменения.

Установки неклассической науки применительно к истории, в рамках продолжающейся не одно десятилетие плодотворной дискуссии (И.Г. Дройзен, Р.Дж. Коллингвуд, М. Блок, Л. Февр, М. Фуко, Р. Барт, Ж. Деррида), приведшей к «смене режима историчности» (Фр. Арто), вынуждают признать изменчивость и неоднозначность самого исторического знания. Связано это с тем, что историки, вопреки прежним заявлениям, не могут показать «как было на самом деле» (Л. фон Ранке) в силу недостатка информации, многообразия и изменчивости контекстов, что, в свою очередь, подводит к необходимости взглянуть на проблему отношения истории с мифом шире и глубже, заново переформатировав их и подводя к выводу, что в широком смысле история есть бесконечно трактуемый миф во времени, поскольку для нас мир таков, каким мы его мыслим.

Впрочем, данные предварительные установки не исчерпывают вопрос, но лишь показывают, что журнал «Мифологос» открыт для дискуссии по данным темам, предлагая в четвёртом номере 15 статей, которые объединены в четыре раздела.

В первом разделе «Мифоистория: смысл и природа» представлены труды, касающиеся мифов англо-американской войны 1812–1815 гг. (Т.В. Алентьева), новой

¹ Сайт Филиала МГУ в г. Севастополе. URL: <https://sev.msu.ru/mif-v-istorii-politike-kul-ture/>

экономической политики как «советской модели социализма» (Г.Н. Крайнов), а также скрытой и явной мифологизации происхождения неродовитых уральских горнозаводчиков XVIII века (Е.П. Пирогова).

Второй раздел «Этнополитическая мифология: культы и табу» включает статьи, рассматривающие темы этнополитического мифа в каталонском конфликте (на материалах выступлений К. Пучдемона) (А.В. Баранов), «Великой Черкесии»: к вопросу о мифах в информационном поле и историографии Западного Кавказа (М.В. Белозёрова), воображаемого прошлого Америки: мифологизация колониального прошлого в период образования США (М.А. Филимонова).

В третьем разделе «Политический миф: типология и механизмы воздействия» размещены работы, посвящённые темам «вечности» этатистского мифа в закрытых обществах и «бессмертного» философско-политического наследия Г.В.Ф. Гегеля (С.Ю. Трофимцева), мифа о единстве как идейно-семантической матрицы восприятия современного российского государства гражданами РФ (О.Ю. Шмелева), политического мифа о «мировой гибридной войне»: сюжетные и структурные особенности (по материалам аналитических докладов Национального института стратегических исследований Украины) (О.В. Онопко), фейка как современного политического антими́фа (М.В. Пименова, А.А. Родичева, Т.А. Зайцева), мифов о власти и власти мифа: когнитивный аспект (Е.Е. Демидова).

Завершает журнал раздел «Мифотворчество глобальных взаимодействий» в который вошли статьи, посвящённые современным идеологическим мифам капитализма (В.Д. Шинкаренко), мифотворчеству как главной стратегии стагнации современного общества потребления (П.М. Колычев), символическим знаковым ситуациям и формированию мифа в цветных революциях (О.А. Кузина, Ю.Л. Ситько), глобальному вызову и природе Эпохи Перемен (А.В. Ставицкий).

Последние темы напоминают нам о той роли, которую играет в обществе грамотно поданная и ангажированная история, активизирующая запрос на темы, которые созвучны нашему времени. В свете этого миф может быть представлен как мощное когнитивное, информационно-психологическое, интеллектуальное и организационное оружие, в котором государство и общество нуждаются, дабы эффективно конкурировать в интеллектуальной сфере, контролируя ключевые идеи эпохи в интересах социума. Данное оружие несомненно является нелетальным оружием массового поражения, объектом воздействия которого является сознание людей. И поэтому сейчас данный вопрос для журнала является одним из ключевых.

В заключении напоминаю, что журнал «Мифологос» ищет новых авторов среди исследователей мифа, равно как известных, авторитетных, так и молодых, которые в исследовании мифа видят своё призвание и судьбу.

Всего вам доброго!
С уважением,
главный редактор журнала «Мифологос»
Андрей В. Ставицкий

МИФОИСТОРИЯ: СМЫСЛ И ПРИРОДА

УДК 94(73).07

DOI: 10.35103/SMSU.2022.98.65.046

МИФЫ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ 1812–1815 ГГ.

Алентьева Татьяна Викторовна

Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению мифов англо-американской войны 1812–1815 годов, сложившихся как в ее ходе, так и впоследствии. Актуальность рассмотрения проблемы определяется дискуссионностью самого события в американской историографии, живучестью его мифов в сознании современных американцев, а также тем, что в ходе войны 1812 года появились такие национальные символы США, как образ дяди Сэма и государственный гимн. Автором проанализированы причины конструирования мифов, их содержание, а также влияние на последующую историю и политику США. Наиболее распространенными мифами стали: мифы о новых героях: Дж. Лоуренсе, О. Перри, Э. Джексоне, У.Г. Гаррисоне, о славных победах моряков и эпической победе под Новым Орлеаном. В статье доказывается, что война, хотя фактически проигранная, была настолько мифологизирована, что в полной мере способствовала формированию патриотизма, национальной гордости американцев. Мифологизации события во многом способствует современная политика памяти, коммеморация события, реализуемая как инструмент символической политики.

Ключевые слова: США; XIX век; англо-американская война 1812–1815 гг.; миф; национальная символика; дядя Сэм; гимн США

MYTHS OF THE ANGLO-AMERICAN WAR OF 1812-1815

Alentieva Tatyana Viktorovna

Kursk State University (Kursk, Russia)

Abstract

The article is devoted to the myths of the Anglo-American war of 1812-1815, which developed both during the war-time and afterwards. The relevance of the problem is determined by the controversial nature of the event itself in American historiography, the persistence of its myths in the minds of modern Americans, as well as the fact that during the war of 1812, such national symbols of the United States as the image of Uncle Sam and the national anthem appeared. The author analyzes the reasons for the construction of myths, their content, as well as their impact on the subsequent history and politics of the United States. The most common myths were: myths about new heroes (J. Lawrence, O. Perry, A. Jackson, W. H. Harrison), about the glorious victories of the sailors and the epic victory near New Orleans. The article proves that the war, although actually lost, was so mythologized that it fully contributed to the formation of patriotism, national pride of Americans. The mythologization of the event is largely promoted by the modern politics of memory, the commemoration of the event, implemented as an instrument of symbolic politics.

Keywords: USA; XIX century; Anglo-American War of 1812-1815; myth; national symbols; Uncle Sam; US national anthem.

Введение (Introduction)

Англо-американская война 1812–1815 гг. для США – знаковое событие, ее не случайно называют второй Войной за независимость. Война породила символы,

мифы, легенды и героев, на которых в дальнейшем строилась американская национальная идентичность. Именно тогда появился такой узнаваемый образ США, как дядя Сэм. Во время героической обороны форта Макгенри около Балтимора родился государственный гимн «Усеянное звездами знамя». Именно после этой войны резиденция американских президентов стала именоваться Белым домом, в политическом лексиконе появился термин «военные ястребы», а в общественном сознании – миф о «проклятии Текумсе». Современные американцы не очень много знают о своей войне 1812 года, которую заслонили такие события, как Война за независимость и Гражданская война. Наиболее памятными эпизодами остаются захват британцами Вашингтона в 1814 году, а также сражение под Новым Орлеаном в 1815 году. В американском обществе и исторической науке не утихают споры и дискуссии. Одна точка зрения состоит в том, что этот конфликт был «ненужной», «бесмысленной», «разрушительной» войной м-ра Мэдисона», во время которой американцы пережили национальный позор, а их столица была сожжена врагом. Противоположная точка зрения заключается в том, что США защитили свое национальное достоинство, поскольку главной причиной конфликта была защита их кораблей от захвата английскими судами, а американских моряков от насильственной вербовки в британский флот. В связи с неоднозначностью оценок англо-американской войны 1812–1815 гг. возрастает актуальность ее научного изучения. Поскольку конфликт способствовал конструированию мифов в коллективной памяти американцев, задачей данной статьи является анализ сложившихся мифологем и их влияния на общественное сознание и современный политический ландшафт.

Методы (Methods)

Большое значение для изучения заявленной темы имеет работа французского философа, представителя постструктурализма Ролана Барта «Мифологии». Миф рассматривается им как знаковая система, в которой существуют два уровня смыслов и сообщений: основной смысл (денотация) и мифический или идеологический (коннотация). В статье «Миф сегодня» он определял современный мир как привилегированное поле для мифологизирования. По его мнению, из орудия архаического образного мышления миф превращается в инструмент политической борьбы, в средство манипулирования общественным сознанием, способствует трансформации истории в идеологию. Барт полагал, что «мифом может стать все что угодно» [6, с. 72]. Произшедший в конце XX в. лингвистический поворот в историописании ввел в практику историка метод дискурсивного анализа, применимый к анализу мифологем. Использование данного метода в заявленном исследовании предполагает интерпретацию взаимосвязей различных значений дискурса, конкретных символов, выделение ведущих концептов. Также использовался многофакторный анализ, предполагающий оценку места и роли мифа в исторической реальности.

Литературный обзор (Literature Review)

В отечественной историографии англо-американская война 1812–1815 гг. остается изученной недостаточно. В.В. Яровой исследовал причины и характер войны в свете сравнительного анализа международной ситуации [12]. С позиций классового подхода, через анализ экономических интересов торговой и промышленной буржуазии анализировала англо-американский конфликт Е.Г. Куликова [8]. Вышедшая недавно книга Т.В. Алентьевой, А.И. Тимченко посвящена отношению к конфликту разных слоев американского общества [4].

Подробная картина морской истории войны содержится в работе С.П. Махова [9]. Следует также отметить написанную С.А. Исаевым обстоятельную биографию Джеймса Мэдисона [7], на президентство которого пришелся военный конфликт с Великобританией. Мифы, созданные в ходе войны и после нее, в работах отечественных исследователей не рассматривались.

В настоящее время у американских историков нет единства мнений по поводу того, была ли англо-американская война 1812–1815 гг. «неизбежной» или «ненужной войной м-ра Мэдисона», носила ли она справедливый или завоевательный характер [30; 31]. Как показывает анализ американской историографии, наиболее изученными являются проблемы причин конфликта, военных действий на суше и на море, выдающихся военачальников и моряков, последствий конфликта. Достаточно много внимания уделялось политической и дипломатической истории, партийным разногласиям федералистов и республиканцев, биографиям их выдающихся лидеров, в том числе президентам Т. Джефферсону, Дж. Мэдисону.

Общей мифологизацией истории войны, таких ее проблем, как причины, финансирование, военные действия на суше и на море, занимался только Дональд Хики [18; 19; 20], но данная проблематика заслуживает дальнейшего изучения и конкретизации с позиций современности. Многие мифы, созданные этой войной, так и остаются недостаточно изученными или неизвестными даже американской общественности, не говоря уже о российской.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Исторический миф – явление сложное и многозначное. В нем прошлое отражается в чувственно воспринимаемой и образно-символической форме [10, с. 86; 11, с. 193–194]. Избежать мифотворчества история может и должна, если она претендует быть наукой. И у нее для этого есть целый арсенал научных методов познания. Однако, часто оказываясь заложницей политики, история действительно способствует конструированию исторических и политических мифов. Для любой нации историческое прошлое является матрицей формирования национальной идентичности. И, как правило, всегда создается официальная история, призванная легитимизировать сложившийся порядок вещей, убедить общество в наличии у него безукоризненного прошлого, пантеона национальных героев, которыми стоит и следует гордиться. Отсюда и происходит стремление создавать исторические мифологемы, способные даже проигранную войну превратить в предмет национального почитания. Особенно этому способствует публичная история, делающая акцент на изучение того, как прошлое отражается и воспроизводится в национальной символике, политике памяти, мемориалах, романах, театральных постановках, кинофильмах, мюзиклах, реконструкциях и т.д.

Война с Англией в 1812–1815 гг., с одной стороны, не дает особых оснований для гордости. Завоевать Канаду американцам так и не удалось, а их представления о том, что канадцы, «страдающая от колониального гнета Великобритании», охотно присоединятся к Штатам, оказались абсолютно не соответствующими действительности. На суше американская армия не одержала сколь-нибудь значительных побед за исключением битвы под Новым Орлеаном, которой постарались придать эпический характер. И в этой войне американцам пришлось испытать горькое чувство национального унижения, позора, так как их столица, город Вашингтон был занят врагом, устроившим в ее центре военный

парад. Были сожжены все значимые федеральные здания: Белый дом, Капитолий, Библиотека Конгресса, министерства [27].

И, тем не менее, уже в ходе войны и после нее возник новый пантеон героев, поскольку американцы предпочитали забыть о негативной стороне происшедшего, утешившись, что мир был подписан на условиях статус-кво. В разряд этих национальных героев, в которых так остро нуждалась молодая американская нация, попали будущие президенты: генералы Эндрю Джексон и Уильям Генри Гаррисон, а также моряки: Оливер Хазард Перри и Стивен Декейтер. Слова умирающего капитана Джеймса Лоуренса «Не сдавайте корабль!» (Don't give up the ship!) стали девизом американского флота.

Интересно проследить, каким образом этот лозунг стал мифом войны 1812 года. Во многом его возникновение обязано поэзии. Поэты пытались найти способ представить проигранные битвы в позитивном свете, чтобы культивировать чувство национальной гордости. Таким образом проигранное на море сражение стало мобилизующим лозунгом на протяжении войны. В июне 1813 г. американский корабль «Чесапик» встретил британский «Шеннон» у Бостонской гавани. В ходе боя командир «Чесапика» Джеймс Лоуренс был смертельно ранен. В стихотворении неизвестного автора «Поражение и победа» описана сцена, когда раненного командира унесли в каюту, но он продолжал призывать своих людей сражаться, хотя поражение было почти неизбежным. Поэт писал: «Доблестный Лоуренс, раненый, умирающий, / Говорит уже непослушными губами, / Прежде чем испить последнюю горькую чашу:/ «Держите флаг развевающимся!/ Сражайтесь до тех пор, пока есть, чем стрелять!/ Не сдавайте корабль!» [28, р. 302]. Хотя «Чесапик» был потерян, слава его командира и команды была воспета, а лозунг был подхвачен прославленным коммодором Оливером Перри.

На волне подъема патриотических чувств в стране был создан новый фольклорный герой, вытеснивший впоследствии брата Джонатана, – Дядя Сэм. Этот символ стал олицетворением США. Точная история возникновения этого образа неизвестна. Но американский фольклор утверждает, что прообразом Дяди Сэма был поставщик мяса Сэмюэль Уилсон (1766–1854), снабжавший говядиной нью-йоркскую военную базу в городке Троя. Уилсон помечал бочонки с мясом буквами U.S., имея в виду Соединенные Штаты (United States), а солдаты в шутку уверяли, что мясо прибыло от Дяди Сэма (Uncle Sam) [21; 25, р. 81]. В Арлингтоне, родном городе Уилсона, Дяде Сэму установлен памятный монумент.

В анналы американской истории вошла героическая оборона Балтимора. Город считался третьим по величине в США, поэтому англичане так стремились к его захвату. К тому же Балтимор был базой американских каперов, захватывавших и топивших британские суда. За все время войны американское государство выдало более 500 каперских свидетельств. По оценкам историка Мэхэна, в общей сложности было захвачено 1344 приза [4, с. 175]. Готовясь к нападению англичан, намеревавшихся захватить форт Макгенри, прикрывавший Балтимор, его командир майор Джордж Армистед приказал поднять над ним огромный по размерам американский флаг, чтобы показать врагам, что не намерен сдаваться. После сражения флаг стал национальной реликвией и в настоящее время хранится в музее американской истории Смитсоновского института.

Атака британцев началась 13 сентября 1814 г. Англичане вели бомбардировку форта с 19 кораблей, причем применяли ракеты Конгрива, новейшее оружие того времени. Бомбардировка продолжалась 27 часов, по форту

было выпущено около 1800 снарядов. Сломить сопротивление американцев не удалось, форт выстоял [4, с. 176–177]. Свидетелем бомбардировки форта Макгенри был юрист и поэт Френсис Скотт Ки (1779–1843), описавший свои впечатления в поэме «Защита форта Макгенри» [15, р. 149; 24, р. 20–24]. Слова поэмы стали современным национальным гимном США. Так локальное событие войны превратилось в эпический подвиг.

Форт Макгенри сейчас – важнейший экскурсионный объект, который посещают ежегодно сотни тысяч туристов. Сотрудниками службы национальных парков разработан специальный маршрут – историческая тропа, которая называется тропой «Усеянного звездами знамени» (Star-Spangled Banner National Historic Trail) [2, с. 270–273].

В период празднования 200-летия войны 1812 г., его организаторы стремились придать этому событию характер второй Войны за независимость, старательно поддерживался миф о единстве нации перед лицом врага, что абсолютно не соответствовало исторической действительности. В реальности страна в период войны раздиралась межпартийными распрями между республиканцами и федералистами. Не способствовал единению общества существовавший тогда секционализм и регионализм. Дело дошло до открытого проявления сепаратизма, когда в Хартфорде собрался конвент представителей недовольных штатов Новой Англии, пригрозивший отделиться и выйти из состава Союза штатов [17, р. 587–604; 29, р. 176]. Вполне очевидно, что конструированию исторических мифов способствует замалчивание фактов, прямое искажение действительности.

Немало мифов возникло вокруг победы Эндрю Джексона под Новым Орлеаном, с которой начинается его общенациональная известность. Именно звание «героя Нового Орлеана» помогло ему впоследствии победить на выборах 1828 года и стать 7-м президентом США [3, с. 151]. В честь этой значительной и практически единственной крупной победы в войне с англичанами конные памятники генералу и президенту были воздвигнуты в Новом Орлеане и в Вашингтоне. В пылу борьбы с памятниками южным конфедератам в 2017 и 2020 годах, а также в связи с движением BLM, ставился вопрос о демонтаже памятника в Новом Орлеане, а в Вашингтоне были серьезные попытки толпы уничтожить памятник Э. Джексону напротив Белого дома. Личность 7-го президента ассоциировалась с рабовладением и расизмом. Однако действовавший тогда президент Дональд Трамп защитил своего кумира.

Какие же мифы окружают битву под новым Орлеаном?

Миф №1, самый распространенный, заключается в утверждении, что битва за Новый Орлеан произошла после официального окончания войны 1812 года. Вопреки распространенному мнению, Великобритания и Соединенные Штаты все еще официально находились в состоянии войны, когда 24 декабря 1814 г. мирный договор был подписан в Генте (Бельгия). В тексте прямо заявлялось, что «...армиям, флотилиям, офицерам, подданным и гражданам двух держав будут направлены приказы прекратить все военные действия» только «после ратификации этого договора обеими сторонами» [26]. Великобритания ратифицировала Гентский договор в течение нескольких дней после его подписания, но документ прибыл в Вашингтон (округ Колумбия) после его медленного трансатлантического путешествия на корабле только 14 февраля 1815 г., более чем через неделю после того, как новости о победе Джексона достигли

столицы. Сенат США единогласно ратифицировал договор 16 февраля 1815 г., и президент Джеймс Мэдисон, вынужденный покинуть Белый дом после его сожжения англичанами, подписал документ в своем временном пристанище, Октагон-хаусе. Обмен ратификационными грамотами между двумя странами означал официальное завершение войны 1812 года, более чем через месяц после битвы при Новом Орлеане.

Миф №2 утверждает, что битва за Новый Орлеан была последним военным сражением войны 1812 года. Хотя победа Джексона действительно была последней крупной битвой, это был не последний раз, когда британские и американские войска обменивались выстрелами. Вытесненный из Нового Орлеана, британский флот двинулся на восток вдоль побережья Мексиканского залива и предпринял десантную атаку на форт Бауэр, охранявший вход в бухту Мобайл. Командир форта сдался через три дня, хотя захватить портовый город Мобайл британцам не удалось, так как, наконец, пришло известие о заключении мирного договора и его ратификации [23].

Еще одним распространенным мифом является утверждение о том, что победа американцев была достигнута исключительно благодаря кентуккийским стрелкам. За несколько дней до главного сражения, 8 января 1815 г. в Новый Орлеан прибыло свыше 2 тыс. необученных кентуккийских ополченцев, готовых защищать город. Однако у большинства плохо экипированных стрелков отсутствовали винтовки. Сражаясь с самодельным оружием, добровольцы из Кентукки мало повлияли на ход боя, более того, убежали в разгар сражения. «Подкрепления из Кентукки, на которые так полагались, бесславно бежали, – писал генерал Э. Джексон, на следующий день после сражения, – уступив неприятелю самую важную позицию». Однако, популярная песня 1821 г., написанная Сэмюэлем Вудвортом «Охотники из Кентукки», переписала историю, преувеличив роль местных стрелков [20, р. 347]. Несмотря на то, что песня прославляла тех самых бойцов, о которых Джексон был столь нелестного мнения, ее популярность убедила «старого Гикори» принять ее в качестве своей предвыборной на президентских выборах 1828 года.

И еще один, распространенный миф, связанный с битвой за Новый Орлеан, подкрепленный Голливудом, снявшим несколько фильмов о нью-орлеанских буканьерах, заключался в утверждении, что героем сражения был пират Жан Лаффит. Пират и капер французского происхождения Ж. Лаффит бороздил воды залива Баратария и Мексиканского залива в начале 1800-х гг. и остается легендарной фигурой в Новом Орлеане [16, р. 159]. Рядом с городом организован национальный парк его имени.

Склоняемый к сотрудничеству англичанами, Лаффит вместо этого предложил Джексону свои услуги и оружие в обмен на помилование некоторых из его людей, арестованных американскими властями. Баратарийские пираты составляли небольшой процент американских сил в сражении 8 января 1815 г., но их опыт использования пушек на каперских кораблях оказался весьма ценным для артиллерийских батарей Джексона. Лаффит был провозглашен героем после войны, хотя о том, что он сражался лично вместе со своими людьми во время главного сражения, историки спорят до сих пор [23].

С англо-американской войной 1812 года связан и довольно живучий миф о проклятии американских президентов индейским вождем Текумсе. В 1809–1811 гг. «индейская угроза» представлялась американцам более чем опасной. В это время

индейские племена начинают объединяться для борьбы с американской экспансией по инициативе легендарного вождя шауни Текумсе (1768–1813). В августе 1810 г. американский губернатор территории Индиана Уильям Генри Гаррисон (1772–1841) вел переговоры с Текумсе о сохранении мирных отношений. На самом деле американцы совсем не стремились к миру, им нужны были индейские земли. В 1811 г. в битве при Типпекано американцы под командованием Гаррисона разгромили индейцев [13]. Эту не такую уж большую победу в американском обществе отметили с большим воодушевлением. Даже была сочинена баллада «Песнь о Типпекано», слова которой были отпечатаны в виде плаката [13]. Текумсе во время этой битвы находился в другом месте, и позже стал воевать на стороне англичан. Отношение к англо-американской войне индейцев было основано на ненависти к американцам, захватывавших их земли. Вождь шауни погиб в сражении в 1813 году. Имя Текумсе увековечено в географии США и Канады. Города Текумсе существуют в штатах Канзас, Небраска, Оклахома, Мичиган, провинции Онтарио (Канада). В штате Нью-Гэмпшир есть гора его имени.

У.Г. Гаррисон еще в период войны был произведен официальной пропагандой в национальные герои. Книгоиздательская фирма «Currier» выпустила литографию под названием «Уильям Генри Гаррисон, герой Типпекано, форта Мимс и сражения на Темзе». Согласно легенде о «проклятии Текумсе», У.Г. Гаррисон, а затем каждый американский президент, избранный в год, заканчивавшийся на ноль и с интервалом в 20 лет, умрет насильственной или преждевременной смертью, не дожив до конца срока президентских полномочий. Первым, как считается, испытал на себе «проклятье Текумсе» У.Г. Гаррисон, избранный президентом в 1840 году. Он умер через месяц после инаугурации, простудившись во время церемонии. В 1860 году президентом стал Авраам Линкольн, убитый в 1865. В 1880 году 20-м президентом США стал Джеймс Гарфильд. Он скончался в 1881 году от смертельного ранения в результате покушения. В 1900 году на второй срок переизбрался Уильям Мак-Кинли, также ставший жертвой покушения. В 1920 году выборы выиграл Уоррен Хардинг, смерть которого в 1923 году многие историки считают очень подозрительной, существует версия, что он умер от отравления. В 1940 году на третий срок был избран Франклин Рузвельт, скончавшийся в 1945 году от кровоизлияния в мозг. В 1960 году президентом стал Джон Кеннеди, застреленный 22 ноября 1963 года в Далласе. Казалось бы, после этого так и оставшегося во многом загадочного убийства, «проклятье Текумсе» перестало действовать. Однако, 30 марта 1981 года при выходе из отеля «Хилтон» в Рональда Рейгана, избранного президентом за год до этого, выпустил шесть пуль Джон Хинкли. Рейган, правда, выжил. На Джорджа Буша-младшего, ставшего президентом в 2000 году, также было совершено покушение [5]. Все эти совпадения достаточно любопытны, только вряд ли они делают легенду достоверной, ведь, как правило, подобные мифы рассчитаны на простодушных обывателей.

И последний миф, о котором стоит упомянуть, связан с названием резиденции американских президентов в Вашингтоне. Популярная версия мифа гласит, что президентский особняк был впервые окрашен в белый цвет, чтобы скрыть следы пожара, оставшиеся после того, как британские солдаты его подожгли во время войны 1812 года. На самом деле Белый дом впервые был окрашен известковой побелкой в 1798 г., чтобы защитить наружный камень от влаги и растрескивания во время зимних заморозков. Термин «Белый дом» иногда

употреблялся еще до войны 1812 года. Тем не менее, официальное название особняк исполнительной власти получил только в 1901 г., когда президент Теодор Рузвельт официально назвал его «Белым домом». До этого Белый дом именовался по-разному, включая названия «Президентский дом» и «Особняк президента». В XX в. название Белый дом стало общепринятым [22].

Заклучение (Conclusions)

На примере неудачной в целом для американцев войны 1812–1815 гг. отчетливо видно, как мифологизация этого события способствовала формированию патриотизма, чувства национальной гордости. Гентский мирный договор был заключен на условиях статус-кво и не фиксировал, кто является победителем в этой войне. Это позволило американцам, не снискавшим особой военной славы, именовать это событие «второй войной за независимость», конструируя мифы как в ходе самого военного конфликта, так и в последующие годы. Послевоенная мифологизация позволила американцам сформировать свою патриотическую идентичность, чтобы укрепить национальную гордость. Мифы этой войны оказались настолько живучи, что существуют в общественном сознании американцев до сих пор, укрепляя преувеличенное представление об этом, в общем-то незначительном для европейских стран конфликте, происходящем на фоне гигантских по масштабу наполеоновских войн.

Литература

1. Абакумов А.А. Текумсе: Штрихи к портрету. URL: <http://america-xix.org.ru/library/abakumov> (дата обращения: 24.12.2020).
2. Алентьева Т.В. Историко-культурное наследие США. Заметки американиста. Курск: Курск. гос. ун-т, 2018. 314 с.
3. Алентьева Т.В. Роль общественного мнения в «джексоновскую эпоху» в США. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2020. 356 с.
4. Алентьева Т.В., Тимченко А.И. Англо-американская война 1812–1815 гг. и американское общество. Санкт-Петербург: Алетейя, 2018. 234 с.
5. Альтшулер М. Проклятие американских президентов // URL: http://paranormal-news.ru/news/prokljatie_amerikanskikh_prezidentov/2014-12-15-10234 (дата обращения: 09.02.2021).
6. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс; Универс, 1994. С. 72–130.
7. Исаев С.А. Джеймс Мэдисон: политическая биография. Санкт-Петербург: Наука, 2006. 552 с.
8. Куликова Е.Г. США: начало промышленного переворота, Конгресс и война 1812 г. М.: АОН, 1990. 199 с.
9. Махов. С.П. Нулевая война. Англо-американское противостояние. 1812–1815 гг. URL: <http://www.milhist.info/2015/03/10/махов> (дата обращения: 10.03.2021).
10. Ставицкий А.В. Миф как смысловая матрица культуры и ее универсалия // Миф в истории, политике, культуре. №4. 2020. С. 86–93.
11. Ставицкий А.В. Мифотворчество в истории: причины, условности, мотивации // Миф в истории, политике, культуре. №4. 2020. С. 193–195.
12. Яровой В.В. Происхождение англо-американской войны 1812–1815 гг. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 384 с.

13. A Bloody Battle between the United States Troops under the Command of Gov. Harrison, and Several Tribes of Indians, near the Prophet's Town. 7 Nov. 1811. Boston, 1811.
14. Buel R. *America on the Brink: How the Political Struggle over the War of 1812 almost Destroyed the Young Republic*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005. – 302 p.
15. *Encyclopedia of Media and Propaganda in Wartime America* / ed. by M.J. Manning, C.R. Wyatt. N.Y.: ABC-CLIO, 2010. 800 p.
16. Groom W. *Patriotic Fire. Andrew Jackson and Jean Laffite at the Battle of New Orleans*. N.Y.: Random House, Inc., 2006. 292 p.
17. Hickey D. *New England's Defense Problem and the Genesis of the Hartford Convention* // *The New England Quarterly*. Vol. 50. 1977. №4 (December). P. 587–604.
18. Hickey D. *The War of 1812: A Forgotten Conflict*. Urbana: University of Illinois Press, 1989. 480 p.
19. Hickey D. *The War of 1812: Still a Forgotten Conflict?* // *The Journal of Military History*. Vol. 65 (3). 2001. P. 741–769.
20. Hickey D.R. *Don't Give Up the Ship! Myths of the War of 1812*. Urbana: University of Illinois Press, 2006. – 430 p.
21. Hicks T.A. *Uncle Sam*. N.Y.: Marshall Cavendish Benchmark, 2007. 40 p.
22. *How did the White House get its name?* URL: <https://www.whitehousehistory.org/questions/how-did-the-white-house-get-its-name> (дата обращения: 18.02. 2021).
23. Klein C. *6 Myths About the Battle of New Orleans*. URL: <https://www.history.com/news/6-myths-about-the-battle-of-new-orleans-3> (дата обращения: 20.02. 2021).
24. Leepson M. *What so Proudly We Hailed: Francis Scott Key, a Life*. N.Y.: St. Martin's Press, 2014. 256 p.
25. Morgan W. *An American Icon: Brother Jonathan and American Identity*. Newark: University of Delaware Press, 1988. 225 p.
26. *Peace and amity (Treaty of Ghent)*. URL: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/b-gb-ust000012-0041.pdf> (дата обращения: 2.03.2021).
27. Pitch A.S. *The Burning of Washington: The British Invasion of 1814*. Annapolis: Naval Institute Press, 1998. 336 p.
28. Stevenson B.E. *Poems of American History*. N.Y.: HardPress Publishing, 2013. 762 p.
29. Stuart R. *Civil-Military Relations During the War of 1812*. Santa Barbara (CA), 2009. 174 p.
30. Trautsch J. «Mr. Madison's War» or the Dynamic of American Nationalism? // *Early American Studies*. Vol. 10. № 3. 2012. P. 630–670
31. Trautsch J. *The Causes of the War of 1812: 200 Years of Debate* // *Journal of Military History*. Vol. 77 (1). January 2013. P. 273–293.

References

1. Abakumov A.A. *Tekumse: Shtrikhi k portretu* []. URL: <http://america-xix.org.ru/library/abakumov> (дата обращения: 24.12.2020). (In Russian).

2. Alent'eva T.V. Istoriko-kul'turnoe nasledie SShA. Zametki amerikanista []. Kursk: Kursk. gos. un-t, 2018. 314 s. (In Russian).
3. Alent'eva T.V. Rol' obshchestvennogo mneniia v «dzheksonovskii epokhu» v SShA []. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: INFRA-M, 2020. 356 s. (In Russian).
4. Alent'eva T.V., Timchenko A.I. Anglo-amerikanskai voina 1812–1815 gg. i amerikanskoe obshchestvo []. Sankt-Peterburg: Aleteiia, 2018. 234 s. (In Russian).
5. Al'tshuler M. Prokliatie amerikanskikh prezidentov [] // URL: http://paranormal-news.ru/news/prokljatie_amerikanskikh_prezidentov/2014-12-15-10234 (data obrashcheniia: 09.02.2021). (In Russian).
6. Bart R. Mif segodnia [] // Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika []. Moskva: Progress; Univers, 1994. S. 72–130. (In Russian).
7. Isaev S.A. Dzheims Medison: politicheskaiia biografiiia []. Sankt-Peterburg: Nauka, 2006. 552 s. (In Russian).
8. Kulikova E.G. SShA: nachalo promyshlennogo perevorota, Kongress i voina 1812 g. []. M.: AON, 1990. 199 s.
9. Makhov. S.P. Nulevaiia voina. Anglo-amerikanskoe protivostoiianie. 1812–1815 gg. []. URL: <http://www.milhist.info/2015/03/10/maxov> (data obrashcheniia: 10.03.2021).
10. Stavitskiy A.V. Mif kak smyslovaiia matritsa kul'tury i ee universaliiia [] // Mif v istorii, politike, kul'ture []. №4. 2020. S. 86–93.
11. Stavitskiy A.V. Mifotvorchestvo v istorii: prichiny, uslovnosti, motivatsii [] // Mif v istorii, politike, kul'ture []. №4. 2020. S. 193–195.
12. Iarovoï V.V. Proiskhozhdenie anglo-amerikanskoï voïny 1812–1815 gg. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1987. 384 s.
13. A Bloody Battle between the United States Troops under the Command of Gov. Harrison, and Several Tribes of Indians, near the Prophet's Town. 7 Nov. 1811. Boston, 1811.
14. Buel R. America on the Brink: How the Political Struggle over the War of 1812 almost Destroyed the Young Republic. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005. – 302 p.
15. Encyclopedia of Media and Propaganda in Wartime America / ed. by M.J. Manning, C.R. Wyatt. N.Y.: ABC-CLIO, 2010. 800 p.
16. Groom W. Patriotic Fire. Andrew Jackson and Jean Laffite at the Battle of New Orleans. N.Y.: Random House, Inc., 2006. 292 p.
17. Hickey D. New England's Defense Problem and the Genesis of the Hartford Convention // The New England Quarterly. Vol. 50. 1977. №4 (December). P. 587–604.
18. Hickey D. The War of 1812: A Forgotten Conflict. Urbana: University of Illinois Press, 1989. 480 p.
19. Hickey D. The War of 1812: Still a Forgotten Conflict? // The Journal of Military History. Vol. 65 (3). 2001. P. 741–769.
20. Hickey D.R. Don't Give Up the Ship! Myths of the War of 1812. Urbana: University of Illinois Press, 2006. – 430 p.
21. Hicks T.A. Uncle Sam. N.Y.: Marshall Cavendish Benchmark, 2007. 40 p.
22. How did the White House get its name? URL: <https://www.whitehousehistory.org/questions/how-did-the-white-house-get-its-name> (data obrashcheniia: 18.02. 2021).
23. Klein C. 6 Myths About the Battle of New Orleans. URL: <https://www.history.com/news/6-myths-about-the-battle-of-new-orleans-3> (data obrashcheniia: 20.02. 2021).

24. Leepson M. What so Proudly We Haïled: Francis Scott Key, a Life. N.Y.: St. Martin's Press, 2014. 256 p.
25. Morgan W. An American Icon: Brother Jonathan and American Identity. Newark: University of Delaware Press, 1988. 225 p.
26. Peace and amity (Treaty of Ghent). URL: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/b-gb-ust000012-0041.pdf> (data obrashcheniiâ: 2.03.2021).
27. Pitch A.S. The Burning of Washington: The British Invasion of 1814. Annapolis: Naval Institute Press, 1998. 336 p.
28. Stevenson B.E. Poems of American History. N.Y.: HardPress Publishing, 2013. 762 p.
29. Stuart R. Civil-Military Relations During the War of 1812. Santa Barbara (CA), 2009. 174 p.
30. Trautsch J. «Mr. Madison's War» or the Dynamic of American Nationalism? // Early American Studies. Vol. 10. № 3. 2012. P. 630–670
31. Trautsch J. The Causes of the War of 1812: 200 Years of Debate // Journal of Military History. Vol. 77 (1). January 2013. P. 273–293.

Сведения об авторе:

Алентьева Татьяна Викторовна

профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук, профессор (г. Курск, Россия).

E-mail: alenttv@mai.ru

Bionotes:

Alentieva Tatyana Viktorovna

Professor, Department of World History, Kursk State University, Doctor of History, Professor (Kursk, Russia).

Для цитирования:

Алентьева Т.В. Мифы англо-американской войны 1812–1815 гг. // Мифологос. Серия «Миф и общество: история, политика, социология», № 4, 2022. С. 15–25.

For citation:

Alentieva T.V. Myths of the Anglo-American War of 1812-1815 // Mythologos. Myth and Society: History, Politics, Sociology Series, no. 4, 2022. С. 15–25.

УДК 316.422

DOI: 10.35103/SMSU.2022.29.79.047

МИФ О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ КАК «СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛИЗМА»

Крайнов Григорий Никандрович

Российский университет транспорта. (Москва, Россия)

Аннотация

Актуальность и цель. Отмечая 100-летие перехода к новой экономической политике в 1921 г., актуально рассмотреть исторический опыт и уроки НЭПа с точки зрения мифологического ее представления как «советской модели социализма». Цель работы – с использованием новейших источников и литературы рассмотреть эволюцию взглядов на НЭП как на «советскую модель социализма» и показать мифологичность такого понимания вследствие кратковременного ее использования как инструмента выхода из кризиса начала 1920-х годов.

Материалы и методы. На основе принципов историзма и объективности, многофакторного подхода в понимании истории рассмотрены теория и практика проведения, оценки новой экономической политики с разных позиций. Среди специально-исторических методов на первый план были выдвинуты конкретно-исторический, проблемно-хронологический, историко-сравнительный, ретроспективный методы, позволившие проанализировать многоплановый, противоречивый процесс НЭПа, показать ее кратковременный характер и неизбежную ликвидацию «сверху».

Результаты. НЭП можно рассматривать как первую в истории попытку строительства «советской модели социализма» в переходный период, сочетающую в себе регулирующую рыночную экономику и авторитарную политическую систему. К сожалению, эта модель развития страны не была всесторонне теоретически разработана и не реализована в полной мере, свернута в угоду марксистским доктринам, революционной практике того времени.

Выводы. НЭП как первая в истории «советская модель социализма» использовалась как антикризисный инструмент и позволила быстро восстановить народное хозяйство, но авторитарная политическая система большевиков, скованная марксистскими революционными догмами, ограничивала и постепенно вытесняла НЭП из жизни страны. Опыт и уроки НЭПа сегодня учитываются, используются в современной России, Китае, Вьетнаме и других странах мира.

Ключевые слова: миф; новая экономическая политика (НЭП); социализм; рыночный социализм; авторитаризм; «советская модель социализма»

THE MYTH OF THE NEW ECONOMIC POLICY AS THE "SOVIET MODEL OF SOCIALISM"

Krainov Grigory Nikandrovich

Russian University of Transport (Moscow, Russia)

Abstract

Relevance and Purpose. Marking the 100th anniversary of the transition to a new economic policy in 1921, it is relevant to examine the historical experience and lessons of the NEP in terms of its mythological representation as a "Soviet model of socialism". Using recent sources and literature, the paper aims to examine the evolution of the view of the NEP as a "Soviet model of

socialism" and show the mythological nature of this understanding due to its short-lived use as a tool for overcoming the crisis of the early 1920s.

Materials and methods. Based upon the principles of historicism and objectivity, as well as a multi-factor approach to understanding of history, the author considers theory and practice of the new economic policy from different points of view. Specific-historical, problem-chronological, historical-comparative, retrospective methods, which allowed us to analyze the multidimensional, controversial process of the NEP, to show its short-lived nature and inevitable elimination "from above", have been highlighted among special historical methods.

Results. The NEP can be regarded as the first attempt in history to build a "Soviet model of socialism" in a period of transition, which combined a regulated market economy and an authoritarian political system. Unfortunately, this model of the country's development was not comprehensively theoretical and not fully implemented, and was curtailed in favor of the Marxist doctrines and revolutionary practices of the time.

Conclusions. The NEP, as the first ever "Soviet model of socialism", was used as an anti-crisis tool and allowed for a rapid recovery of the national economy, but the authoritarian political system of the Bolsheviks, constrained by Marxist revolutionary dogma, limited and gradually ousted the NEP from the life of the country. The experience and lessons of the NEP are taken into account today and used in modern Russia, China, Vietnam and other countries.

Keywords: myth; new economic policy (NEP); socialism; market socialism; authoritarianism; "Soviet model of socialism"

Введение

При оценке новой экономической политики (НЭП) некоторые исследователи используют понятие «советская модель социализма» [1; 2]. Но при тщательном анализе теории и практики нэповской политики Советского правительства в 1920-е годы можно понять, что НЭП как отступление к капитализму был изначально временным и чуждым марксистско-ленинско-сталинской доктрине построения социализма и коммунизма. Пришедшая к власти в октябре 1917 г. партия большевиков была вооружена революционной марксистской идеологией, которая, казалось бы, изложила ясную доктрину, схему победы, построения социалистического общества. Советское правительство во главе с Лениным, коммунисты, революционеры в первое время и пытались навязать стране свою волю и следовать марксистской доктрине, сразу перейти к коммуне. Но «гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить», практическая жизнь была намного сложнее, в ней было много непредвиденного, случайного.

Военно-коммунистическая политика привела к глубокому кризису в стране, возникла реальная угроза большевистской власти. В этих условиях Ленин сумел увидеть причинно-следственные связи между происходящими событиями, процессами и отказаться от прямого следования марксистской доктрине. Он предложил антикризисный проект в виде НЭПа – рыночную модель экономики, учитывающей интересы общества, прежде всего крестьянства. В условиях НЭПа мы видим эволюцию взглядов Ленина в сторону кооперативного, рыночного социализма, но такой подход после его смерти не утвердился в сталинском руководстве. Уже с 1926 г., после взятия курса на индустриализацию на XIV съезде партии в 1925 г., начинается ограничение и вытеснение НЭПа из жизни. Политика вновь оказалась главнее экономики [3]. В данной статье мы попытаемся ответить на вопрос: «Почему Нэп не стал и не мог стать (или не успел стать) в то время органической частью социалистической теории и практики? и почему нэповская «советская модель социализма» является мифом?».

Результаты и обсуждение

Основные теоретические основы НЭПа разработал В.И. Ленин², но завершённой ее Концепции не успел создать. Еще в марте 1920 г. Ленин твердо выступал против предложений введения продналога и свободной торговли, то через год признал это упорство ошибочным. Реальная практика первых лет Советского государства вынудила отказаться от военно-коммунистической политики и перейти к новой экономической политике (НЭПу). К концу 1920 г. общественно-политическое и социально-экономическое положение Советской страны после семи лет империалистической и гражданской войн, революционных событий и военно-коммунистических экспериментов было катастрофическим. Весной 1921 г. по всей стране начались крестьянские восстания против политики продразверстки, возникла реальная угроза большевистской власти. В марте 1921 г., накануне X съезда РКП(б), начался Кронштадтский мятеж матросов Балтийского флота и крепости. Лозунгами восставших матросов и крестьян стали: «Советы без коммунистов!», «Долой продразверстку!», «Свобода торговли!». Ленин писал: «Экономика весны 1921 г. превратилась в политику: «Кронштадт».

Кризис был не только экономическим, социально-политическим, но и внутрипартийным, теоретическим, нравственным. Примером этому была острая профсоюзная дискуссия, развернувшаяся в конце 1920 г. [5]. Классический марксизм считал, что для перехода к социализму нужен высокий уровень развития производительных сил, которым уже тесно в рамках старых капиталистических производственных отношений; для утверждения социализма нужна победа социалистических революций не только в одной, но и в ряде развитых капиталистических стран. Однако, такой ситуации тогда не было: в России уровень развития производительных сил был низким, попытки проведения мировой пролетарской революции в нескольких странах Европы потерпели крах. В этих условиях необходимо было менять стратегию и тактику дальнейшего развития.

Такие радикальные изменения произошли на X съезде РКП(б), состоявшемся 8–16 марта 1921 г. На нем были приняты важнейшие решения на предстоящие годы: о замене продразверстки натуральным продналогом, о единстве партии, о переходе к новой экономической политике. Ленин называл НЭП обходным, опосредованным путем к социализму. Нэповская модель Ленина – это вынужденная переходная система с известной свободой хозяйствования мелких товаропроизводителей с целью укрепления союза рабочего класса и трудящегося крестьянства, снижения острого недовольства большевистской властью, обеспечения политической стабильности в обществе. Поэтому НЭП можно рассматривать как своеобразную антикризисную программу большевистского правительства. Тактической целью НЭПа было преодоление всеобъемлющего кризиса для достижения стратегической цели – построения и победы социализма.

Ленин определил принципиальные положения нэповской модели социализма:

- командные высоты в наших руках;
- крупная индустрия (и крупное сельское хозяйство) в наших руках;
- земля у государства;

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 218–229; Он же. Т. 42. С. 333; Он же. Т. 45. С. 87; Он же. Т. 44. С. 157 и др.

- частный капитал конкурирует с государственным капитализмом, «государственный капитализм такого рода, что мы привлекаем частный капитал вместе с нашим капиталом»;

- свобода хозяйственной деятельности крестьян, развитие кооперации.

Опираясь на идеи Чаянова о кооперации, в своей работе «О кооперации» Ленин сделал вывод, что «простой рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». Ленин определил социализм как «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией»³.

Ленин пришел к выводу, что в мелкокрестьянской стране строить социализм возможно только путем «целого ряда особых переходных мер». Он признал ошибочными революционные попытки забежать вперед по пути национализации промышленности и торговли, что можно «до известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких землевладельцев», укрепляя при этом политическую власть пролетариата. Если в ранних своих работах Ленин с марксистских позиций характеризовал социализм как нетоварное общество, то после перехода к НЭПу рассматривал хозрасчетные тресты, синдикаты как социалистические формы хозяйствования.

Непоследовательная политика Советской власти к частному предпринимательству в годы НЭПа была противоречивой, она одновременно его разрешала, боясь быстрого роста ограничивала и запрещала. Ленин признавал: «Сегодня только слепые не видят, что мы больше национализировали, набили и наломали, чем успели подсчитать. Мы сделали много ошибок, и было бы величайшим преступлением не видеть и не понимать этого»⁴.

Теоретические взгляды на НЭП высказывали также соратники Ленина – Л.Д. Троцкий, А.И. Рыков, Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, Е.А. Преображенский, Ю.В. Ларин и др. В основном их интересовало первоначальное социалистическое накопление через эксплуатацию индивидуального крестьянства, частного сектора экономики. Они предлагали различные тактические приемы, масштабы и сроки использования частного капитала в целях развития социалистической промышленности, проведения индустриализации.

Еще в 1920 г. до перехода к НЭПу, политику «военного коммунизма» критиковали и предлагали отменить не только меньшевики, эсеры, но и Л.Д. Троцкий, известные экономисты Б.Д. Бруцкус, Ю.В. Ларин. Так, Троцкий уже тогда предложил вместо разверстки ввести процентный натуральный продналог, обеспечить крестьян промышленными товарами за сданное государству зерно [7].

Бухарин, если в 1920 г. в работе «Экономика переходного периода» еще активно отстаивал политику «военного коммунизма», то на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. стал сторонником введения НЭПа. Для Бухарина НЭП вынужденный «экономический Брест», временная уступка капитализму, окрепнув социализм вернет утраченные позиции и «повернет руль» и отменит НЭП. Позицию Бухарина тогда поддержали многие большевики, включая Сталина. Незрелость социально-экономических, культурных предпосылок для строительства, победы социализма они хотели компенсировать за счет

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 373.

⁴ Там же. Т. 43. С. 63.

применения насилия, использования рычагов государства диктатуры пролетариата. Экономисты и практические работники В.А. Базаров, А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Юровский, Г.Я. Сокольников выступали за развитие многоукладной, смешанной экономики, товарно-денежных отношений, частного предпринимательства. При этом, по их мнению, необходимо установить определенные границы государственного регулирования рыночной экономики, государственного капитализма, развивать социальную политику государства.

Профессор Л.Н. Юровский, который опирался на идеи российских экономистов с мировым именем – М.И. Туган-Барановского, П.Б. Струве, А.А. Чупрова показал опасность увлечения плановыми мероприятиями в ущерб соблюдения параметров рыночного равновесия. Он придерживался концепции хозяйственного равновесия в развитии аграрной и промышленной сфер экономики, которая потом была нарушена ускоренной сталинской индустриализацией [8].

Русские эмигранты Н. Устрялов, Ф. Дан, Н. Валентинов (Вольский), Ю. Мартов, П. Струве переход к НЭПу восприняли как начало конвергенции социализма и капитализма, эволюции Советской власти в направлении демократии. В 1921 г. в Праге был издан сборник под названием «Смена веков», на основе идей этого сборника зародилось движение «сменовеховство». Сутью данного движения являлось признание заслуг Советской власти, спасшей государственность в России путем выхода из революционной «смуты» через НЭП. «Сменовеховцы» считали, что НЭП может привести к политической либерализации, призывали поддержать Советскую власть, ибо, говорил идеолог «сменовеховцев» Н.В. Устрялов, «редиска - сверху красная, внутри белая. Красная кожура спадет, вечно белое содержание останется». Некоторые местные организации РКП(б), коммунисты, комсомольцы увидели в НЭПе «капитуляцию перед буржуазией» и выражали недовольство, называя НЭП «новой эксплуатацией пролетариата» [4]. Поэтому в мае 1921 г. была созвана экстренная Всероссийская партконференция, где Ленин доказывал необходимость и неизбежность НЭПа, подтвердив, что она вводится не для обмана, а «всерьез и надолго», возможно, на 5-10 лет⁵. Нэповская рыночная модель предусматривала многоукладность экономики, когда сочетались государственный сектор с арендованной экономикой, с сектором концессионной промышленности, частным сектором экономики. Предложенная Лениным формула государственного капитализма предусматривала иностранные концессии, частную торговлю, аренду мелких и средних предприятий, перевод госпредприятий на хозрасчет и др. Но боязнь и ограничение капитализма проявились с самого начала НЭПа, нэповский госкапитализм превратился в «выхоженный, вынужденный и бюрократический капитализм». На XI съезде РКП(б) весной 1922 г. Ленин признал, что «машина госкапитализма едет совсем не так и не туда». Лидеры большевиков вынуждены были признать, что отступление к госкапитализму в начале НЭПа было недостаточным и не принесло должного эффекта, поэтому перешли к государственному регулированию купли-продажи и денежного обращения.

С 1923 г. Ленин из-за тяжелой болезни фактически отошел от руководства партией и правительством. Теоретическая Концепция НЭПа как «советской модели социализма» осталась незавершенной. А после его смерти в январе 1924 г. развернулась борьба за власть в партии и государстве между ближайшими соратниками Ленина. В ходе этой борьбы решались вопросы о путях дальнейшего

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 317–332.

стратегического развития страны, перспективах существования многоукладной экономики, а также и судьба НЭПа. Решающие события этой борьбы приходились на время кризисов НЭПа: 1923 г.; 1925 г.; кризис хлебозаготовок 1928 г.

К 1926 г. НЭП в целом решил задачу восстановления разрушенного Первой мировой и Гражданской войнами хозяйства, преодоления социальной нестабильности, укрепления политической монополии большевистской партии. Среднегодовой темп прироста национального дохода в 1921–1928 гг. составил 18%, а темпы прироста промышленной продукции были еще выше. С 1926 г. под давлением внутривластной оппозиции руководство партии большевиков взяло курс на сужение экономических рамок НЭПа: постепенно стал вытесняться частный капитал, была ликвидирована хозрасчетная самостоятельность промышленных трестов, ликвидирован валютный рынок, стали активно проводить линию классовой борьбы с кулаком, нэпманом и др.

Ключевым вопросом в судьбе НЭПа стал хлебозаготовительный вопрос, государственные закупки зерна для последующего экспорта и закупки на эти средства машин и оборудования для индустриализации. Невысокие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию и высокие цены на промышленные товары приводили к «ножницам цен», нежеланию крестьян сдавать свой хлеб, продукцию государству. В результате падала товарность крестьянского хозяйства, крестьяне больше стали потреблять и делать запасы на будущее.

Осенью 1927 г. из-за разлада во взаимоотношениях между городом и деревней, низких закупочных цен хлебозаготовительный кризис усилился. Политбюро ЦК партии решило прибегнуть к внеэкономическим методам изъятия хлеба. Сталин выехал на Алтай и в Западную Сибирь, где пытался силой взять хлеб у крестьян. Так же действовали представители центра и в других местах: А.А. Жданов – в Поволжье, С.В. Косиор – в Украине, А.А. Андреев – на Северном Кавказе. К тем, кто отказывался сдавать хлеб по низким государственным ценам, применялась 107-я статья Уголовного кодекса за спекуляцию. Одновременно закрывались базары, запрещалась свободная торговля хлебом. Правительству пришлось ввести в конце 1928 г. карточки на продовольствие и перейти к прямым изъятиям сельхозпродукции с помощью армии и органов ОГПУ.

К концу 1920-х гг. идейно-политическая борьба вокруг судьбы НЭПа подошла к своему завершению. В 1928–1929 гг. столкнулись две позиции: сторонников продолжения НЭПа, использования преимущественно рыночных методов в экономике (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский) и сил, провозгласивших программу командно-административных методов в экономике, ускоренной индустриализации (И.В. Сталин, В.В. Куйбышев, В.М. Молотов). Теперь «генеральная линия» Сталина и его сторонников была похожа на старые предложения троцкистов, «новой оппозиции» о проведении ускоренной индустриализации за счет перекачки средств из крестьянского хозяйства, деревни.

Бухаринская группа, прозванная «правым уклоном» в партии, призывала продолжать использовать нэповскую рыночную модель развития, чтобы через кооперацию и рынок, сельское хозяйство и легкую промышленность решить проблему социалистического накопления капитала, вкладывать средства в проведение индустриализации и постепенно двигаться к победе социализма. Но XVI партконференция (апрель 1929 г.) осудила «правый уклон». Бухарин, Томский были сняты с занимаемых должностей. Собравшийся в ноябре 1929 г. Пленум ЦК ВКП(б) осудил взгляды сторонников «правой оппозиции». Партия объявила о

«великом переломе» в социалистическом строительстве и отказалась от продолжения НЭПа. В 1929 г. из партии были исключены около 150 тыс. человек (10% партийцев), обвиняемых в «правом уклоне».

Но свертывание НЭПа не был единовременным актом: в сельском хозяйстве он произошел в конце 1920-х годов, в промышленности – на рубеже 1920-30-х годов, в торговле – в начале 1930-х годов. Юридически НЭП просуществовала до 11 октября 1931 г., когда было принято постановление о полном запрете частной торговли в СССР.

Заключение

Таким образом, с точки зрения экономической теории нэповская система была вариантом многоукладной рыночной экономики. Ленин разрабатывал модель «рыночного социализма», но не завершил создание таковой. Доктринально принципы НЭПа не укладывались в теоретическую схему социализма, поэтому говорить о сформировавшейся «советской модели социализма» нельзя. НЭП представлял собой в политико-идеологической сфере жесткий однопартийный, авторитарный режим, а в экономике – административно-рыночную систему хозяйствования. Значение НЭПа состояло в том, что сочетание государственного, общественного и личного интересов, использование рыночных механизмов позволило экономике восстановиться и развиваться, а большевистскому режиму – выжить и укрепиться. Проблема НЭПа часто дискутируется на занятиях по истории со студентами и преподавателями в разных ситуациях и с различных позиций [6]. Но анализируя закономерности российского исторического процесса, можно сделать вывод, что в тех конкретно-исторических и социально-политических, доктринально-идеологических условиях НЭП был обречен, нэповская «советская модель социализма» не могла окончательно утвердиться.

Литература

1. Гимпельсон Е.Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М.: ИРИ РАН, 2000. 440 с.
2. Дмитренко В.П. Советская модель социализма // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. С. 533–547.
3. Крайнов Г.Н. Этапы аграрной политики в современной России // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Сб. ст. Коломна, 2015. С. 366–371.
4. Крайнов Г.Н. Скауты в России // Отечественная история. 1993. № 5. С. 207.
5. Крайнов Г.Н. О современном состоянии профсоюзного движения в России // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 157–161. DOI: 10.31857/S013216250006179-9
6. Крайнов Г.Н. Будет ли эффект от эффективного контракта в вузе? // Социологические исследования. 2018. № 7 (411). С. 170–162. DOI: 10.31857/S013216250000680-1
7. Никулин В.В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921 – 1929 гг.). СПб., 1997. С.97–98.
8. Fitzpatrick Sh. Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth Century Russia. Princeton ; Oxford, 2005. 332 p.

References

1. Gimpel'son E.G. Nèp i sovetskaiâ politicheskaiâ Sistema 20-e gody [Nep and the Soviet Political System. The 20s.]. M.: IRI RAN, 2000. 440 s. (In Russian).
2. Dmitrenko V.P. Sovetskaiâ model' sot'sializma [The Soviet model of socialism] // Rossiâ v XX veke: istoriki mira sporiât [Russia in the XX Century: Historians of the World Argue]. M., 1994. S. 533–547. (In Russian).
3. Kraïnov G.N. Ètapy agrarnoi politiki v sovremennoi Rossii [Stages of Agrarian Policy in Modern Russia] // Gosudarstvennaiâ vlast' i krest'ianstvo v XIX – nachale XXI veka [State power and the peasantry in the XIX – early XXI century]. Sb. st. Kolomna, 2015. S. 366–371.
4. Kraïnov G.N. «Dogonyayushchaya modernizatsiya» Rossii: proshloe i nastoyashchee ["Catching up Modernization" of Russia: Past and Present] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2021. № 2. S. 79–89. DOI: 10.31857/S086904990014924-8
5. Zubkov S.A., Kraïnov G.N. Mirovye profsoyuznoye dvizhenie v usloviyah globalizatsii [The World Trade Union Movement in the Conditions of Globalization]: Monografiya. M.: MIIT, 2021. 281 s.
6. Kraïnov G.N. Formy i metody patrioticheskogo vospitaniya studentov na zanyatiyah po istorii [Forms and Methods of Patriotic Education of Students in History Classes] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2019. № 3. S. 64.
7. Nikulin V.V. Vlast' i obshchestvo v 20-e gody. Politicheskiï rezhim v period nèpa. Stanovlenie i funktsionirovanie (1921 – 1929 gg.) [Power and Society in the 20s. The Political Regime During the NEP Period. Formation and Functioning (1921–1929)]. SPb., 1997. S. 97–98.
8. Fitzpatrick Sh. Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth Century Russia. Princeton ; Oxford, 2005. 332 p.

Сведения об авторе:***Крайнов Григорий Никандрович***

профессор кафедры «История» Российского университета транспорта.
доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия).

E-mail: krainovgn@mail.ru

Bionotes:***Krainov Grigory Nikandrovich***

Professor, Department of History, Russian University of Transport, Doctor of History, Professor (Moscow, Russia).

Для цитирования:

Крайнов Г. Н. Миф о новой экономической политике как «советской модели социализма» // Мифологос. Серия «Миф и общество: история, политика, социология», № 4, 2022. С. 26–33.

For citation:

Krainov G.N. The Myth of the New Economic Policy as the "Soviet Model of Socialism" // Mythologos. Myth and Society: History, Politics, Sociology Series, no. 4, 2022. С. 26–33.

**СКРЫТАЯ И ЯВНАЯ МИФОЛОГИЗАЦИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
НЕРОДОВИТЫХ
УРАЛЬСКИХ ГОРНОЗАВОДЧИКОВ XVIII ВЕКА**

Пирогова Елена Павловна

Российский государственный профессионально-педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

Аннотация

Возросший интерес отечественной науки к осмыслению формирования социальной структуры российского общества в целом и российского дворянства, как наиболее активного, неотъемлемого элемента этой структуры, в частности, обуславливает актуальность предложенной в статье темы. В ней рассмотрен персональный состав уральских промышленников XVIII в., из которого выделены те владельцы заводов, которые изначально не имели «благородного» происхождения, были выходцами из купечества, среды оружейников, кузнецов и даже крестьян. Разбогатев благодаря своим предпринимательским талантам, они стремились любыми средствами попасть в ряды дворянства, доступ к которому был ограничен российским законодательством того времени. На основе сведений дореволюционных и современных исследований, архивных источников в статье предпринята попытка объяснить условия нобилизации заводладельцев, вскрыть причины и обстоятельства, вынуждавшие последних прибегать к мифотворчеству.

Ключевые слова: уральские горнозаводчики, мифологизация родов, нобилизация, Демидовы, Турчаниновы, Яковлевы, неродовитые дворяне

**HIDDEN AND EXPLICIT MYTHOLOGIZATION OF ORIGIN UNNATURAL
INDUSTRIALISTS OF THE URALS IN THE 18TH CENTURY**

Pirogova Elena Pavlovna

Russian State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

Abstract

The increased interest of domestic science in understanding the formation of the social structure of Russian society in general and the Russian nobility, as the most active, integral element of this structure, in particular, determines the relevance of the topic proposed in the article. It examines the personal composition of the Ural industrialists of the 18th century, from which those plant owners who initially did not have a "noble" origin were singled out, were from the merchants, among the gunsmiths, blacksmiths and even peasants. Having grown rich thanks to their entrepreneurial talents, they strove by any means to get into the ranks of the nobility, access to which was limited by Russian legislation of the time. On the basis of information from pre-revolutionary and modern research, archival sources, the article attempts to explain the conditions for the nobilization of unborn plant owners, to reveal the reasons and circumstances that forced the latter to resort to myth-making.

Keywords: Ural townsmen, mythologisation of families, nobility, Demidovs, Turchaninovs, Yakovlevs, non-noblemen

Введение (Introduction)

Утвердившаяся с конца прошлого века новая парадигма гуманитарного знания выдвинула на первый план значение антропоцентричного подхода в исторической науке. Одним из его проявлений можно считать усилившийся в последнее время интерес к осмыслению роли уральских заводладельцев в становлении и развитии крупнейшего металлургического региона страны, сумевшего уже к концу XVIII века стать в ряды мировых лидеров. В рамках этой

темы находится предмет исследования данной статьи, связанный с изучением персонального состава тех владельцев заводов Урала XVIII в., которые изначально не имели «благородного» происхождения, и их нобилитация невольно подразумевала как «скрытую», так и «явную» мифологизацию происхождения.

Методы (Methods)

Исходя из «универсальности мифотворчества как особой формы активности сознания» и в подтверждении тезиса о том, что миф «в преобразованных формах... может воспроизводиться в различных исторических и социально-культурных условиях» [4, с. 186] попытаемся найти на историческом поле Урала указанного периода ростки мифотворчества среди ряда горнозаводчиков и «вскрыть» их корни. По данным Н.И. Павленко, «к исходу» первого промышленного столетия частные уральские заводы находились в руках 40 фамилий, 10 из которых по сословному признаку относились к купеческим и 30 – к дворянским. Из последних лишь треть составляли потомственные дворяне, к семи заводам перешли в результате брачных союзов, а 13 фамилий, представленные выходцами из других сословий, названы историком термином «одворянившиеся буржуа» [8, с. 516]. Эти прошедшие нобилитацию заводчики, выходцы из купечества и даже крестьянства, «в ходе своей промышленной деятельности превращались и в крупнейших в России землевладельцев и душевладельцев» [5, с. 36]. Посмотрим, что известно о том, как происходила эта удивительная сословная трансформация на конкретных примерах.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Хорошо изучена и описана история происхождения и последующего восхождения знаменитой фамилии Демидовых, бывших тульских оружейников Антюфеевых. Им не нужно было прибегать к мифотворчеству, придумывать и доказывать «благородство» предков, они получили в 1726 г. дворянский диплом благодаря особым заслугам перед отечеством в области создания и развития уральской промышленности, личного благоволения русского царя и при этом никогда не скрывали своего «низкого» происхождения. Иная ситуация сложилась с другой известной фамилией – «именитых людей» Строгановых, ставших в 1722 г. баронами. Ее происхождение овеяно многочисленными легендами. Самые ранние из них указывают на ордынские корни рода и относят его происхождение к одному из крещенных татарских царевичей, поселившемуся в Великом Новгороде в эпоху Ивана IV. Среди историков XIX в. утвердилось уже твердое мнение о Строгановых как о выходцах из богатых новгородских граждан, однако современные исследователи считают наиболее достоверной гипотезу об истоках фамилии в поморском крестьянстве, выдвинутую в начале XX в. историком А.А. Введенским, т.е. связывают ее происхождение со средой разбогатевших крестьян-солеваров русского Севера [7, с. 10–13]. Так или иначе ни Демидовым, ни Строгановым не было необходимости мифологизировать свое прошлое для получения тогда, в XVIII в., потомственного дворянства.

Всем другим претендентам нужно было доказать свое право на вхождение в привилегированное сословие. Среди них были выходцы из Тульской оружейной слободы Баташовы, Красильниковы и Мосоловы; из купечества: соликамского – Турчаниновы, верхотурского – Походяшины, симбирского – Мясниковы, Твердышевы; и, наконец, из крестьян: Осташковской слободы Тверской губернии – Яковлевы, из монастырских, Балахнинской Нижегородской губернии вотчины Троице-Сергиевой лавры, – Осокины и другие. В качестве доказательства прав на

свои «дерзкие» претензии все они должны были предоставить документальные свидетельства о существовании предков-дворян, утративших ранее по каким-либо причинам свое дворянство. Речь шла таким образом о документах, которых в принципе не могло у них быть и не было, но документы все же появлялись, будучи купленными у ловких на подделки архивариусов Разрядного приказа. Так, Баташовы, согласно справке московского приказного стола, оказались с 1622 г. состоящими в родстве со «смоленскими дворянами и детьми боярскими», предок Мосоловых загадочным образом отыскался «среди мещерских дворян и детей боярских» 1645 г. [8, с. 506, 508], подобные справки «нашлись» у Мальцевых, Лазаревых, как, очевидно, и у остальных. Кроме документов, фиксирующих в том или ином виде дворянское генеалогическое древо с умело привитыми к нему усилиями подьячих-архивариусов дополнительными веточками, в Сенат предоставлялись свидетельства дворян, подтверждавших якобы дворянское происхождение очередного претендента. Так, известно, например, что Баташовы и Мосоловы сумели предоставить такие свидетельства за подписью 46-ти дворян, хотя по закону достаточно было и 12-ти. Удачно использовалось привлечение дворян-однофамильцев, которые соблазняясь банальным подкупом, соглашались признать «своими» богатых «родственников». Не обходилось, правда, и без курьезов вроде того, что произошел с Мосоловыми. Когда собранные ими документы уже были приняты и одобрены в Сенате, вдруг пришло опровержение от одного из подписантов, неожиданно выступившего против факта их подлинности [8, с. 510]. Однако, даже в этом случае «деликатный» вопрос удалось замять, и документы все же были утверждены Сенатом. Власти прекрасно понимали ситуацию и закрывали глаза на любые «неточности» свидетелей и документов, поскольку поощрение заводчиков и одобрение их производственной деятельности и частной инициативы на благо государства было для них важнее. Именно эти, по сути сфальсифицированные доказательства принадлежности недавних крестьян-кузнецов-купцов к древним дворянским родам, сопровождавшиеся выдуманными историями потерь дворянства в далеком прошлом отдельными их представителями, можно, на наш взгляд, отнести к «скрытой» мифологизации их происхождения. Используя здесь этот термин, мы соглашаемся с тезисом о том, что «миф, как идейно-смысловой конструкт в сознании человека, отождествляет образ реальности с самой реальностью» [3, с. 365]. В нашем случае создаваемое авторами-заказчиками собственное мифологизированное прошлое постепенно становилось их реальным прошлым, в которое они сами хотели и начинали верить, а для их потомков уже не оставалось сомнений в его правдивости. Так, сознательная фальсификация истории отдельных дворянских родов и использование поддельных источников, осуществленные с определенными «благими» целями, превращало в глазах их создателей миф в реальное историческое прошлое, что впоследствии зачастую вводило в заблуждение исследователей. Именно об этом предупреждал опытный уральский генеалог Ю.В. Коновалов, говоря об опасности излишнего доверия к такому источнику, как «родословные росписи российских дворянских родов, составленные в конце XVII – XVIII вв.» Некритическое их использование, по его убеждению, «в конечном итоге порождает массу генеалогической литературы малодостоверного содержания» [2, с. 23]. Заметим, однако, что со стороны неродовитых заводчиков мифы являлись не самоцелью, а лишь средством, к которому они были вынуждены прибегнуть на пути к цели. Они не были при этом

заинтересованы в их распространении из-за боязни разоблачения (поскольку сам «фальсификатор знает о реальном прошлом» [3, с. 366]), и скорее, наоборот, скрывали их от посторонних. Именно эта скрытость могла стать одной из причин последующих, уже явных, мифологизаций и легенд о происхождении отдельных родов. Действительно, по нашим наблюдениям, многие, часто наиболее причудливые и невероятные легенды и мифы, связанные с некоторыми уральскими заводовладельцами, появились позднее, уже в XIX в., когда сменилось не одно поколение непосредственных их участников. Например, в «Памятной книжке и адрес-календаре Пермской губернии на 1891 год» упомянуты сразу две легенды о том, как разбогател недавний крестьянин С.Я. Яковлев (Собакин). Согласно первой, он был разносчиком телятины, понравился Елизавете Петровне своим «певческим голосом» (?!), и она сделала его разносчиком мяса для императорского двора. Вторая легенда связана «с поставкой спиртного государству» – грандиозной аферой, после которой якобы Савва Собакин «сменил фамилию» [6, с. 9]. Не стоит и говорить, что никаких документальных источников в подтверждение этих легенд предоставлено не было, что не помешало их использованию даже таким авторитетным историком, как С.Г. Струмилин в качестве доказательства авантюризма и склонности к мошенничеству основателя яркой предпринимательской династии. Здесь уместно напомнить о Прокофии Акинфиевиче Демидове, о котором осталось в истории, пожалуй, как ни о ком другом из знаменитого рода уральских промышленников, много противоречивых, часто сомнительных по происхождению и правдивости сведений. На протяжении двух последних столетий повторяются одни и те же рассказы с вариациями о «русском чуде в XVIII столетии», «полугерое (!) екатерининского века» с его проделками и экстравагантными выходками [10, с. 148]. И только опубликованный Демидовским институтом объемный комплекс писем и документов П.А. Демидова позволил совершенно иначе взглянуть на их автора [11, с. 9–296]. Представленное в том же издании исследование историка А.С. Черкасовой впервые позволило воссоздать правдивый образ незаурядного, по-своему одаренного человека и предпринимателя, отделить в его биографии реальность от вымысла. Портрет оказался неизнаваемо другой: не экстравагантный богач-чудак, а крупный предприниматель-финансист, один из первых осознавший роль банковской системы в экономическом развитии страны [11, с. 297–400].

По всей видимости, именно кредитная деятельность во многом и объясняет то насмешливо-снисходительное отношение к П.А. Демидову со стороны светской знати, которое прочно закрепилось в сознании современников, а затем и потомков в виде его всевозможных «чужачеств». А «корень зла» заключался часто в простом нежелании со стороны той же знати платить долги, особенно проценты, составляющие основу кредитования. Налицо сознательная, «явная» мифологизация деятельности и поступков конкретного представителя рода Демидовых.

Особенно много примеров явной мифологизации происхождения дает яркая, но малоизвестная личность Алексея Федоровича Турчанинова. Владелец Сысертского горного округа, он удивительным образом оказался наследником богатства соликамского промышленника XVII – начала XVIII вв., носившего ту же фамилию – Турчанинов. Уже два столетия существуют разные версии того, как это могло произойти, почему неясно откуда взявшийся молодой человек сумел породниться с известным солепромышленником и почему у них одна фамилия. Отсутствие достоверных сведений порождало многочисленные легенды. С XIX в.

бытует история о смышленном мальчике-сироте, принятом в дом Михаила Турчанинова под именем Алексея Федоровича Васильева, назначенного через какое-то время приказчиком, а после смерти хозяина, женившегося на его дочери. Впервые эти сведения появились в очерке, опубликованном в Пермских губернских ведомостях за 1855 год. Их автор, управляющий Сысертскими заводами К.И. Кокшаров, объяснял, что «заимствовал» сведений о происхождении А.Ф. Турчанинова «из слов его потомков», а также использовал «рассказы старожилов». Позднее текст очерка был целиком включен местным краеведом В.Н. Шишонко в его грандиозную документальную компиляцию по истории Урала под названием «Пермская летопись». С тех пор он часто «гуляет» по страницам краеведческой и популярной литературы, но скептически воспринимается историками, как не подтвержденный документально. При этом в Пермском архиве сохранился текст брачного договора 1737 г. (в копии начала XIX в.) между «Алексеем Федоровым Турчаниновым» и «заводчика Михайла Филиппова Турчанинова дочери его Федосье», которую тот брал «себе в замужество» и был обязан, согласно записи, «жительство иметь в Соликамске и вступить в дом отца ея и в произведение солянаго промысла, также медном и винокуренном заводах и в купечестве, и в прочем распространить ему, Алексею, свободно и ... владеть всем без остатку вечно» [1, л. 50 об.–51]. Но и этот документ мало проясняет вопрос о происхождении Алексея Федоровича, он называется прямо Турчаниновым, ничего не говорится о взятии им фамилии жены, хотя нередко именно этим пытаются объяснить фамильное совпадение отдельные краеведы. На самом деле Турчаниновы – достаточно распространенная фамилия в России (производная от Турчин, Туркин, Турчанин, т.е. плененных после серии русско-турецких войн мальчиков), поэтому вполне допустимо предположение и об однофамильцах. Но с конца XIX в. существует другой вариант и первой фамилии, и места рождения А.Ф. Турчанинова, о чем писал летописец г. Перми Ф.А. Прядильщиков. В его версии содержатся не менее легендарные сведения о некоем Алексее Федорове, приехавшем в Соликамск зимой 1728 г. из Устюга, где был извозчиком, «от скуки» стал ходить «в варницу богатого купца Михаила Турчанинова», наблюдая за процессом добычи соли, а дальше похожий «сценарий»: приглянулся хозяину, стал его приказчиком, женился на дочери. Прядильщиков также утверждал, что Феодосья Михайловна «записала мужа в фамилию своего родителя и в соликамское купечество» [9, с. 35]. Но и этот текст не содержит ни одного документального подтверждения или даже просто ссылки на источник приводимых данных. Наконец, с XIX в. существует еще одна версия происхождения А.Ф. Турчанинова, самая романтическая, по которой он являлся незаконнорожденным сыном императрицы Елизаветы Петровны. Ее автор – князь П.В. Долгоруков, один из наиболее ярких публицистов середины XIX в., известный историк-генеалог. По его свидетельству, у дочери Петра I Елизаветы еще до восшествия ее на престол был незаконнорожденный сын от ее двоюродного брата графа Платона Мусина-Пушкина: «... от этой связи родился сын, окрещенный под именем Алексея Федорова и воспитанный возле отца, в деревне под Симбирском, как мнимый купеческий сын. Став взрослым, он поселился в Перми и посватался там к Федосье Михайловне Турчаниновой...» Ее отец сначала был возмущен («поднял страшный шум»), но после беседы «с глазу на глаз» с пермским воеводой («у которого были особые инструкции») быстро согласился, «свадьба была назначена, и родители невесты выглядели очень счастливыми...» Через несколько недель после этого из

Петербурга прибыл указ, по которому Алексею Федорову предписывалось принять имя Турчанинова, ему жаловалось дворянство и передавались в дар заводы и обширные земли, населенные десятью тысячами крепостных душ...» [цит. по: 9, с. 36]. При всей легендарности эта история легче объясняла тот странный факт, что по Указу Елизаветы Петровны от 1758 г. именно А.Ф. Турчанинову были отданы казенные Полевской, Северский и Сысертский заводы, к тому же в полщены. Уж не по этой ли причине и возникла такая «явная» мифологизация происхождения заводчика? Кстати, факт этот удивляет и современных историков. Однако в упомянутом выше брачном договоре Турчанинов назван иркутским купцом. Еще Н.И. Павленко, ссылаясь на документ из фонда московского городского магистрата, писал, что сам заводчик называл себя соликамским соляным промышленником, «прежде бывшим купцом Иркутска» и до женитьбы занимался продажей в Москве сибирских товаров [8, с. 266]. Иркутское происхождение фиксируется не одним, а целым рядом документов. Так, согласно переписи 1722 г., в Иркутске жило несколько семей, носивших фамилию Турчаниновых, среди которых под № 532 значится некий «Алексей Турчанинов» с указанием: «переведен по указу в Соликамской в посад» [9, с. 34]. На наш взгляд, версия об иркутском происхождении А.Ф. Турчанинова, наиболее достоверна и больше других подтверждается документами.

Заключение (Conclusions)

Подведем некоторые итоги. Факты мифологизации происхождения неродовитых уральских промышленников подтверждаются приведенными примерами и позволяют увидеть различия в причинах их возникновения. Представители первого поколения участников нобилитации сознательно «творили» историю своего рода, покупая или фабрикуя документы и свидетелей, поскольку не имели других возможностей реализовать свою цель. Вспомним, что одна из черт мифотворчества «характеризуется наличием явно выраженной заинтересованности в нем субъекта» [4, с. 186], но в то же время указанные «субъекты» отнюдь не стремились к распространению этих мифов и скорее скрывали их от окружающих.

Со временем это и стало причиной появления уже явной мифологизации, вызванной отсутствием достоверных данных, разброс фантазий последующих «сочинителей» поражает: от трогательных историй удачливых «бродяг» до тайных дворцовых историй. Исследователям часто невозможно распутать эти сложно закрученные сюжеты, но сам факт их существования лучше всего показывает, насколько невероятным казалось и современникам, и последующим поколениям быстрое обогащение и социальный взлет отдельных уральских промышленников, что невольно порождало вокруг их личностей многочисленные легенды и мифы.

Литература

1. Государственный архив Пермского края. Ф. 297. О. 1. Д. 885.
2. Коновалов Ю.В. О достоверности некоторых архивных документов (на примере нижнетагильской семьи Худояровых) // Мат-лы Третьей Уральской родоведческой научно-практической конф. (14–15 ноября 2003 г., Екатеринбург). Екатеринбург, 2007. С. 23–26.
3. Крайнов Г.Н. Миф и интерпретация истории // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник мат-лов IV Международной научной междисциплинарной конф. (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под ред. А. В.

Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2020. С. 365–367.

4. Найдыш В.М. Основные закономерности мифотворчества // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник мат-лов I Международной научной междисциплинарной заочной конф. (ноябрь 2017 года, г. Севастополь) / Под ред. О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. С. 181–187.

5. Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики XVIII – начала XX в.: эволюция исторических типов // Российская история. 2016. № 4. С. 35–44.

6. Неклюдов Е.Г., Торопов А.Н. Род Яковлевых. Екатеринбург: ИД Сократ, 2013. 248 с.

7. Мезенина Т.Г., Мосин А.Г., Мудрова Н.А., Неклюдов Е.Г. Род Строгановых: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург: ИД Сократ, 2007. 256 с.

8. Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы. М., 1962. 567 с.

9. Пирогова Е.П., Неклюдов Е.Г., Ларионова М.Б. Род Турчаниновых: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург: ИД Сократ, 2008. 352 с.

10. Пирогова Е.П. Судьба голландского наследства Прокофия Демидова // Вестник Уральского отделения РАН. 2013. № 4 (46). С. 148–157.

11. Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735–1786 / Сост. и отв. ред. докт. ист. наук А.С. Черкасова. Екатеринбург: Демидовский институт, 2010. 496 с.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraja [State Archive of the Perm Region]. F. 297. O. 1. D. 885.

2. Konovalov Yu.V. O dostovernosti nekotoryh arhivnyh dokumentov (na primere nizhnetagil'skoj sem'i Hudoyarovyh) [On the Reliability of Some Archival Documents (on the Example of the Nizhny Tagil Family of Khudoyarovy)] // Mat-ly Tret'ej Ural'skoj rodovedcheskoj nauchno-prakticheskoj konf. (14–15 noyabrya 2003 g., Ekaterinburg). [Materials of the Third Ural Genealogical Scientific and Practical Conf. (November 14–15, 2003, Yekaterinburg)]. Yekaterinburg, 2007. S. 23–26. (In Russian).

3. Krajnov G.N. Mif i interpretaciya istorii [Myth and Interpretation of History] // Mif v istorii, politike, kul'ture [Elektronnyj resurs]: Sbornik mat-lov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konf. (iyun' 2020 goda, g. Sevastopol') / Pod red. A.V. Stavitskogo. Sevastopol': [Myth in History, Politics, Culture [Electronic Resource]: Collection of Materials of the IV International Scientific Interdisciplinary Conf. (June 2020, Sevastopol) / Ed. A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Sevastopol], 2020. S. 365–367. (In Russian).

4. Najdysh V.M. Osnovnye zakonomernosti mifotvorchestva [The Main Laws of Myth-making] // Mif v Istorii, Politike, Kul'ture [Elektronnyj resurs]: Sbornik Mat-lov I Mezhdunarodnoj Nauchnoj Mezhdisciplinarnoj Zaochnoj konf. (noyabr' 2017 goda, g. Sevastopol') [Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of materials of the I International Scientific Interdisciplinary Correspondence Conf. (November 2017, Sevastopol) / Ed. O.A. Gabrielyan, A.V. Stavitskiy, V.V. Khapaev. Sevastopol: Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Sevastopol], 2018. S. 181–187. (In Russian).

5. Neklyudov E.G. Ural'skie zavodchiki XVIII – nachala XX v.: evolyuciya istoricheskikh tipov [Ural Breeders of the 18th – early 20th Centuries: Evolution of Historical Types] // Rossijskaya istoriya [Russian history]. 2016. No. 4. S. 35–44. (In Russian).

6. Neklyudov E.G., Toropov A.N. Rod Yakovlevykh [Genus Yakovlev]. Ekaterinburg: ID Sokrat, 2013. 248 s.

7. Mezenina T.G., Mosin A.G., Mudrova N.A., Neklyudov E.G. Rod Stroganovykh: Kul'turno-istoricheskie ocherki [Rod Stroganov: Cultural and Historical Essays]. Yekaterinburg: ID Sokrat, 2007. 256 s. (In Russian).

8. Pavlenko N.I. Istoriya metallurgii v Rossii XVIII veka. Zavody i zavodovladel'cy [History of Metallurgy in Russia in the 18th Century. Factories and Plant Owners]. M., 1962. 567 s. (In Russian).

9. Pirogova E.P., Neklyudov E.G., Larionova M.B. Rod Turchaninovykh: Kul'turno-istoricheskie ocherki [The Rod Turchaninovs: Cultural-Historical Essays]. Ekaterinburg: Publishing House Socrates, 2008. 352 s. (In Russian).

10. Pirogova E.P. Sud'ba gollandskogo nasledstva Prokofiya Demidova [The Fate of the Dutch Inheritance of Prokofy Demidov] // Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN. [Bulletin of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2013. No. 4 (46). S. 148–157. (In Russian).

11. Prokofij Akinfievich Demidov. Pis'ma i dokumenty. 1735–1786 / Sost. i otv. red. dokt. ist. nauk A.S. Cherkasova [Prokofy Akinfievich Demidov. Letters and Documents. 1735–1786] / Comp. and resp. ed. doc. ist. Sciences A.S. Cherkasov. Yekaterinburg: Demidov Institute, 2010. 496 s. (In Russian).

Сведения об авторе:

Пирогова Елена Павловна

доцент кафедры документоведения, права, истории и русского языка ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», кандидат исторических наук, доцент (Екатеринбург, Россия).

E-mail: epirogova@yandex.ru

Bionotes:

Pirogova Elena Pavlovna

Associate Professor, Department of Document Science, Law, History and Russian Language, Russian State Pedagogical University, Candidate of History, Associate Professor (Ekaterinburg, Russia).

Для цитирования:

Пирогова Е.П. Скрытая и явная мифологизация происхождения неродовитых уральских горнозаводчиков XVIII века // Мифологос. Серия «Миф и общество: история, политика, социология», № 4, 2022. С. 34–41.

For citation:

Pirogova E.P. Hidden and Explicit Mythologization of Origin Unnatural Industrialists of the Urals in the 18th Century // Mythologos. Myth and Society: History, Politics, Sociology Series, no. 4, 2022. С. 34–41.

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ:
КУЛЬТЫ И ТАБУ**

УДК 327/94 (4-13)

DOI: 10.35103/SMSU.2022.24.79.049

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ В КАТАЛОНСКОМ КОНФЛИКТЕ
(НА МАТЕРИАЛАХ ВЫСТУПЛЕНИЙ К. ПУЧДЕМОНА)**

Баранов Андрей Владимирович

Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Россия)

Аннотация

Анализ этнополитических мифов, уровня и специфики их конфликтогенности является актуальным для диагностики и регулирования сепаратистских конфликтов. Цель статьи – определить формы выражения этнополитических мифологем каталонского национализма в выступлениях К. Пучдемона (2016–2020 гг.). Методология работы — конструктивистская парадигма этнополитологии, сравнительный анализ, дискурс-анализ. Результаты исследования таковы. Этнополитический миф в каталонском конфликте играет ключевую роль в интеграции движения за независимость данного региона Испании. Миф целенаправленно конструируется этническими элитами посредством дискурса образовательных текстов, журналистики, музеев и институций культуры, политических документов и нормативно-правовых актов, символики. Выступления К. Пучдемона, председателя Жeneralитата Каталонии (2016–2017 гг.), репрезентативны для анализа этнополитических мифов каталонского движения за независимость в качестве текстов профессионального журналиста и влиятельного политика. Автор статьи выявил в выступлениях К. Пучдемона такие аспекты мифа, как дихотомичное восприятие мира, этноцентризм, удревнение истории своего народа и приписывание ему этнических форм независимой государственности, идеализация психологических и социальных качеств каталонцев, формирование комплекса жертвы, на основе чего ставится цель сплочения борцов за независимость.

Ключевые слова: этнополитический миф; каталонский конфликт; К. Пучдемон; выступления

**ETHNOPOLITICAL MYTH IN THE CATALAN CONFLICT
(BASED ON THE MATERIALS OF THE SPEECHES OF C. PUIGDEMONT)**

Baranov Andrey Vladimirovich

Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Abstract

The analysis of ethno-political myths, the level and specifics of their conflictogenicity is relevant for the diagnosis and regulation of separatist conflicts. The purpose of the article is to determine the forms of expression of ethno-political mythologies of Catalan nationalism in the speeches of C. Puigdemont (2016–2020). The methodology of the work is the constructivist paradigm of ethno-political studies, comparative analysis, and discourse analysis. The results of the study are as follows. The ethno-political myth in the Catalan conflict plays a key role in the integration of

the independence movement in this region of Spain. The myth is purposefully constructed by ethnic elites through the discourse of educational texts, journalism, museums and cultural institutions, political documents and normative legal acts, and symbols. The speeches of C. Puigdemont, Chairman of the Generalitat of Catalonia in 2016—2017, are representative of the analysis of the ethno-political myths of the Catalan independence movement as the texts of a professional journalist and an influential politician. The author revealed in the speeches of C. Puigdemont such aspects of the myth as the dichotomous perception of the world, ethnocentrism, the antiquation of the history of their people and the attribution of ethnic forms of independent statehood to them, the idealization of the psychological and social qualities of the Catalans, the formation of a victim complex, on the basis of which the goal of uniting the fighters for independence is set.

Keywords: ethno-political myth; Catalan conflict; C. Puigdemont; speeches

Введение

Исследования этнополитического мифа, степени и особенностей его конфликтогенности в полиэтничных обществах актуально для мониторинга сепаратистских конфликтов и управления ними. Каталонский конфликт, дестабилизирующий Испанию с середины 2000-х гг., интересен в качестве «лаборатории» для создания новых технологий и каналов мифологизации общественного сознания, этнизации политики. В связи с неурегулированностью и динамичными трансформациями данного конфликта перспективность исследований темы возрастает. Цель работы – определить формы выражения этнополитических мифологем каталонского национализма в выступлениях К. Пучдемона (2016–2020 гг.). Выступления К. Пучдемона, бывшего председателя Женералитата Каталонии (правительства автономного сообщества) в 2016–2017 гг., репрезентативны для исследования этнополитических мифов движения за независимость, будучи текстами профессионального журналиста и влиятельного в сепаратистском лагере политика. Автор статьи выступает против сецессионистского движения в Каталонии, считая, что оно выражает интересы и лозунги транснациональных покровителей распада полиэтничных государств (проект «Европы регионов»). Мифы сепаратизма успешно распространяются благодаря объективно существующим проблемам: экономической депривации и росту неравенства, неустойчивости партийной системы, безответственным действиям как общеиспанской, так и каталонской политических элит.

Методы

Методология работы включает в себя конструктивистскую парадигму этнополитологии, диахронный сравнительный анализ, качественный дискурс-анализ. Конструктивизм в этнополитических исследованиях (Б. Андерсон, М. Эзман, Р. Брубейкер, Д. Ротшильд. В.А. Тишков и др.) предпочтителен, так как он осмысливает этничность как форму организации значимых общественных различий, создаваемую путём целенаправленного конструирования маркеров и границ самосознания, внутригрупповой и внешней идентификации [6]. Диахронный компаративный анализ (М. Хёхтер) позволяет определить сходства и различия, изменения аргументации этнополитических мифологем на различных этапах развития каталонского национализма, а также в различных идеологических направлениях сецессионистских организаций (левоцентристском и правоцентристском) [22]. Качественный дискурс-анализ (Ф. Макгилкрайст, Т. Ван Хоут) даёт возможность установить устойчивые речевые конструкции и структуру строения текстов политических выступлений [24]. Как указывают Р. Водак и

М. Мейер, дискурс-анализ требует ответить на следующие вопросы: 1) как именуется в тексте личности, институты и иные объекты? Какие черты, свойства и действия приписываются им? 2) какие аргументы используются для оправдания и узаконивания предмета конфликта? Внимание следует уделить заявлениям и объяснениям мотивов; 3) как выражены речевые конструкции, усиливаются ли они или ослабляются? 4) с какой исторической точки зрения строится повествование о дискурсе? [28, р. 72–73].

Литературный обзор. Исследования этнополитических мифов являются одной из традиционно развитых отраслей этнополитологии, сопрягаясь с анализом этнонационализма, этнической коллективной памяти, стратегий информационного влияния на общественное мнение [1; 11]. Мифы каталонского национализма исследованы в специализированных работах М.Дж. Маккарти [25], Ф. де Борха Ласхераса [17] и Д. Гаскона [18], С. Гарсии [21], П. Чайковской [15]. Но преобладают общие исследования сепаратистского движения (работы Дж.-Т. Арриги [9], Дж.-М. Карбонеля [12], О. Гарсия Агустина [21], Ж.М. Коломера [16] и др. В российской историографии темы глубокий анализ каталонского сепаратизма проводят С.М. Хенкин [8], А.Н. Кожановский [3], А.А. Орлов [5]. Созданы специальные исследования мифов национализма и технологий их распространения (работы А.Р. Зариповой [2], Е.Ю. Филипповой [7], Н.Ю. Матвеевой и Е.В. Ольшанской [4]. Вместе с тем, анализ этнополитического мифа современного каталонского национализма и технологий его распространения проводится недостаточно.

Источниковую основу статьи составляют такие виды документов, как сборник интервью и бесед К. Пучдемона [26], его статьи в газетах и в электронных изданиях [19, 20, 23, 27], результаты социологических опросов [10].

Результаты и обсуждение

Каталонский этнонационализм относится к числу длительно существующих идеологических доктрин и политических движений. Он сформировался в последней четверти XIX в. вследствие индустриальной модернизации испанского общества, породившей сильную по меркам страны буржуазию и интеллектуальные элиты [5, с. 241–270]. С точки зрения политизации этничности типично, что политическим формам борьбы за повышение статуса Каталонии предшествовал этап возрождения литературного языка, этнических традиций, образования, исторического мифотворчества («Renaixença»). Историки и публицисты А. де Бофаруль-и-Брока, В. Адмираль, Х. Королеу, Х. Пелья Форгас сформулировали именно в это время мифы, которые активно используются и развиваются современными лидерами каталонского этнонационализма (например, О. Жункерасом [13; 18]):

– каталонская нация изначально формировалась обособленно от кастильской и на другой языковой и историко-культурной основе (непосредственно из позднеримского социума без арабо-мусульманских и иудейских влияний);

– эта нация создала качественно иной, чем у кастильцев, тип поведения – мужественный, рациональный, склонный к инновациям и народовластью;

– Каталония имела в Средние века собственное королевство, играя ключевую роль также в конфедерации Королевства Арагон и Графства Барселонского, контролируя обширные зоны торгового и культурного влияния вплоть до Византии;

– исторически сложилось и сохраняется сообщество каталонских земель (Països catalans), включающее в себя не только саму Каталонию, но и Валенсианское сообщество, Балеарские острова, часть Арагона, французский Руссильон, часть итальянской Сардинии, Андорру. Эти земли должны быть воссоединены в независимом государстве;

– Испания как унитарное, диктаторское и монархическое государство полностью чуждо каталонской нации, которая поддерживает независимость и сплочённо её добивается.

Анализируя отражение данных мифов в выступлениях и письменных текстах К. Пучдемона, нужно учесть, что председатель Женералитата (2016–2017 гг.) является профессиональным журналистом и владеет современными технологиями внушения в социальных сетях. Он создал и возглавлял Каталонское агентство новостей, журнал «Catalonia Today». Пучдемон имеет обширные связи с каталанскими диаспорами в США и странах Европы, продвигая радикальные идеологемы «Европы регионов» – раздела национальных государств на территориальные сообщества по историческим, этническим, языковым границам. Пучдемон сделал карьеру в рядах правоцентристской коалиции «Конвергенция и Союз», будучи креатурой предыдущего председателя Женералитата А. Маса – крупного предпринимателя. Это не помешало К. Пучдемону возглавить правительство Каталонии, заключив прагматичную коалицию правоцентристов «Junts per Si» («Вместе за “Да” [то есть, за независимость, – А.Б.] с партией «Левые республиканцы Каталонии» (лидер ЛРК и заместитель председателя Женералитата О. Жункерас – более яркий оратор, организатор и публицист, чем Пучдемон).

Рассмотрим типичные речевые конструкции К. Пучдемона на примерах сборника его интервью, данных журналисту О. Мутону, – «Каталонский кризис» (2018 г.) и важнейших публичных выступлений 2016–2020 гг. Пучдемон начинает первую главу своей книги со слов: «Для меня идея независимости естественна», ссылаясь далее на историю своей семьи [26, р. 23]. Он упоминает жестокие запреты говорить на каталанском языке, применявшиеся во времена франкистской диктатуры; родной язык был низведён до статуса бытового; «мы были буквально безграмотными на своём собственном языке» [26, р. 24]. Репрессии объясняются, по мнению автора, исходным авторитарным и олигархическим типом испанского государства [26, р. 179].

События перехода от диктатуры к демократии в 1976–1983 гг. Пучдемон описывает в этнических тонах: «В Каталонии доминировал настрой восстановить наше самоуправление, познать нашу историю, наш язык, нашу культуру». Причём самоуправление приравнивается к утраченному в 1939 г. «государству» [26, р. 25]. Автор интервью опровергает обвинения в популизме, называя жителей Каталонии зрелым и подготовленным к демократии, зажиточным, мультикультурным сообществом [26, р. 39]. Упреждая обвинение в национализме, Пучдемон указывает на то, что проект каталонской независимости не основывается на классическом понимании национальных идентичностей в духе XIX в.; это идея «республики граждан», невзирая на их происхождение; «Для нас идея унификации национальных идентичностей неприемлема» [26, р. 46]. То есть, каталонская нация декларируется в качестве гражданского, политического, а не этноязыкового феномена. Она способна быть эффективной вследствие того, что Каталония имеет длительную традицию гражданского общества [26, р. 179].

Оценивая «референдум» о независимости Каталонии 1 октября 2017 г., признанный испанскими институтами власти противозаконным, К. Пучдемон называет это событие «победой Каталонии над авторитарным государством, которое угрожало пресечь голосование, одобренное большинством каталонского парламента» и противоречием между легитимностью испанской конституции и каталонского парламента [26, р. 40]. Таким образом, авторитарные меры Испании противопоставляются демократической воле народа, а сторонники независимости противопоставляются «юнионистам» [26, р. 42]. Признавая, что на «референдум» пришли менее 50% избирателей, Пучдемон настаивает на поддержке проекта независимости со стороны ключевых секторов сообщества. При этом компромисс отвергается: «Каталонская республика не может и не хочет быть государством, связанным с Испанией, как практически, так и с точки зрения концепции власти и демократии... Сейчас очевидно, что испанская демократия имеет органический порок: она не порвала с франкистским режимом и его политической культурой» [26, р. 44–45]. Независимая же республика ассоциируется только с положительными переменами: модернизацией, новыми формами участия граждан в принятии и контроле политических решений, в том числе — посредством социальных сетей в оффлайн- и онлайн-пространствах. «Каталония — лаборатория гражданства», — так называет Пучдемон проект независимого государства, он выражает стремление «улучшать демократию» XXI в. посредством политического участия всего населения, постоянных консультаций и переговоров [26, р. 176–177].

Важно отметить, что К. Пучдемон допускает в своей книге логические натяжки. Так, он приводит результаты социологического опроса 2018 г., проведённого службой «СЕО». Согласно ним, 22,4% респондентов желали, чтобы Каталония стала «субъектом в федеративной Испании», а 40,8% хотели её статуса «независимого государства». Пучдемон суммирует данные цифры, объявляя, что 63,2% жителей Каталонии хотят, чтобы регион стал государством [26, р. 46]. На наш взгляд, очевидно, что статус субъекта федерации кардинально отличается от статуса независимого государства. Также автор пишет об «утраченном в 1714 г. суверенитете» Каталонии [26, р. 179]. Но ни один серьёзный историк не признаёт, что каталонские провинции обладали тогда суверенитетом. Речь шла в начале XVIII в. об утрате расширенной автономии, дарованной испанскими монархами, вследствие нелояльности каталонских земель — одностороннего и незаконного провозглашения независимости. Суверенитетом же обладало с точки зрения тогдашнего права Королевство Арагон, состоявшее с 1469 г. в династической унии с Королевством Кастилия и в силу данного обстоятельства утратившее суверенитет.

Изучим также политически важные заявления К. Пучдемона, в том числе, его речь в парламенте Каталонии о провозглашении независимости 10 октября 2017 г. [19], речь по поводу результатов парламентских выборов в Каталонии, произнесённую в Брюсселе 21 декабря 2017 г. [20]; речь в связи с выдвижением на должность председателя Женералитета 2 февраля 2018 г. [23]; речь в г. Перпиньяне 29 февраля 2020 г. [27].

Пучдемон характеризует в речи 10 октября 2017 г. «референдум» и связанные с ним события в категоричных выражениях: «самоопределение», «рациональное решение». «выход», «право нации». Он отмечает верность Каталонии «социальному и экономическому прогрессу, демократии, диалогу, терпимости, уважению к плюрализму, а также волю вести переговоры» [19].

«Референдум» репрезентируется как право и воля народа Каталонии, в качестве выражения общественной солидарности (вопреки тому, что явка меньше 50% и региональное сообщество неизменно разделено примерно пополам в отношении желаемого статуса) [10]. Законные меры центрального правительства по подавлению сепаратизма оцениваются в терминах «полицейские нападения, насилие, позор, нарушения прав человека, репрессии». Пучдемон пытался демонстрировать гибкость, употребляя термины «диалог, договор, понимание, ненасилие».

В качестве способов аргументации Пучдемон применяет концепты «демократии», «воли граждан», «права решать». Понимая противоречие между Конституцией Испании и сепаратистскими намерениями, оратор заявляет: «Конституция — это демократические рамки, но в равной степени верно, что есть демократия и за пределами Конституции» [19]. Пучдемон также проводит международные аналогии между разрешённым референдумом о статусе Шотландии и запрещённым каталонским. Важны также исторические аргументы. Каталония внесла повышенный вклад в успех демократического транзита Испании, будучи «экономическим двигателем» её развития, фактором модернизации и стабильности. «Каталония считала, что Конституция Испании 1978 г. может стать хорошей отправной точкой для обеспечения её самоуправления и материального прогресса». Но государство автономий, «которое в Каталонии рассматривалось как отправная точка для перехода к более высоким уровням демократии и самоуправления, гегемонистские элиты государства понимали не как отправную точку, а как конечную станцию. На протяжении многих лет система не только перестала развиваться в направлении, желаемом народом Каталонии, но и начала вырождаться» [19].

Речь К. Пучдемона об итогах парламентских выборов в Каталонии 21 декабря 2017 г. произносилась в статусе эмигранта. В ней внимание сосредоточено на аресте сепаратистов — руководителей Женералитета и Парламента Каталонии, расцениваемом как «позор и скандал», преследование за политические убеждения. «Обвиняют их, как и всех нас, в том, что они выполнили предвыборное обещание и были верны парламенту Каталонии с единственной целью построить лучшую страну...» Пучдемон последовательно уравнивает в статусе и противопоставляет «граждан Каталонии» и «граждан Испании», «законное правительство Каталонии и правительство Испании». Власть ничего не добилась, временно введя централизованное управление Каталонией и проводя репрессии [20].

Речь в связи с выдвижением на должность председателя Женералитета 2 февраля 2018 г., в которой К. Пучдемон отказался от избрания, содержит ужесточённые оценки монархии: «монархия уже потеряла право представлять мнение всех граждан»; режим нарушает фундаментальные права человека; «каталонские институты были оккупированы в незаконной манере... Мадрид навязывает колониальный взгляд на наше будущее». Выход из кризиса Пучдемон видел в созыве Совета Республики — правительства в изгнании, которое будет вести эффективный диалог с Женералитатом Каталонии для достижения кульминации — обретения независимости [23].

Речь К. Пучдемона в г. Перпиньяне (Франция) 29 февраля 2020 г. примечательна призывом «организовать окончательную борьбу, чтобы положить конец монархическому режиму» в Испании. Режим был назван «наследником

франкизма», несправедливым и обвинён в аллергии на всё каталонское. «Круглый стол» для диалога между правительством Испании и Женеалитатом, начавший работу именно в феврале 2020 г., даже не упоминался. В отличие от партии «Левых республиканцев Каталонии», которая поддержала диалог с центральным правительством, Пучдемон заявил: «лучше не доверять» [27].

Заключение

Этнополитический миф в каталонском конфликте, неуклонно проходящем эскалацию с 2006 г., имеет важнейшее значение для сплочения движения за независимость этого региона от Испании. Миф целенаправленно создаётся этническими элитами средствами дискурса образовательных и публицистических текстов, новостных сообщений масс-медиа, музеев и учреждений культуры, политических текстов и нормативно-правовых актов, символической политики. Мы обосновываем наличие в публикациях и текстах выступлений К. Пучдемона следующих аспектов мифа: дихотомичного восприятия мира, этноцентризма, удревления истории своего народа и приписывания ему этнических форм независимой государственности, идеализации психологических и социальных качеств каталонцев, формирования комплекса жертвы, на основе чего аргументируется цель сплочения сторонников независимости. В условиях эмиграции дискурс выступлений К. Пучдемона стал более радикальным и эмоциональным. Преобладают надежды на использование общеевропейских ресурсов и каналов влияния, на создание низовых ячеек «Совета Республики» в самой Каталонии, что отражает ослабление позиций К. Пучдемона и размежевание в стане сепаратистов.

Литература

1. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // *Нации и национализм* / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002. С. 146–200.
2. Зарипова А.Р. Конфликт между центром и Каталонией в Испании: анализ политического дискурса // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология*. 2018. Т. 18, № 2. С. 232–237.
3. Кожановский А.Н. Культурно-языковое многообразие населения Испании: теория и реальность. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012. 307 с.
4. Матвеева Н.Ю., Ольшанская Е.В. Социально-политические смыслы сторон испано-каталонского конфликта сквозь призму твиттер-коммуникаций // *Сравнительная политика*. 2020. Т. 11, № 1. С. 151–169.
5. Орлов А.А. Национализм в истории Каталонии: прошлое и настоящее. М.: МГИМО-Университет, 2020. 550 с.
6. Тишков В.А. Феномен этничности // Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 95–133.
7. Филиппова Е.Ю. «Два лица» каталонского референдума: политический фрейминг в контексте борьбы за независимость региона // *Вестник Пермского науч. центра Уральского отделения РАН*. 2018. С. 48–56.
8. Хенкин С.М. Каталонский конфликт: национальное и международное измерение // *Актуальные проблемы Европы*. 2020. № 2 (106). С. 94–121.
9. Arrighi J.-Th. «The People, Year Zero»: Secessionism and Citizenship in Scotland and Catalonia // *Ethnopolitics*. 2019. Vol. 18, no 3. P. 278–297.

10. Baròmetre d'Opinió Política. Dossiers de Premsa. 3a onada 2017. Barcelona: Centre d'Estudis d'Opinio. Generalitat de Catalunya, 2017. 22 p.
11. *Bell D.S.A.* Mythscapes: Memory, Mythology and National Identity // *British Journal of Sociology*. London, 2003. Vol. 54, no 1. Pp. 63–81.
12. *Carbonell J.-M.* The Two Main Challenges to Catalan Identity // *American Behavioral Scientist*. 2019. Vol. 63 (7). Pp. 789–806.
13. *Cases A., Junqueras O., Botran A.* Les Proclames de Sobirania de Catalunya (1640—1939). Barcelona: Farell Editors, 2009. 128 p.
14. *Catalan Independence and the Crisis of Sovereignty* / O. Garcia Agustin (ed.). London: Palgrave Macmillan, 2021. 125 p.
15. *Chaykovskaya P.* Referencias al Referéndum Catalán de 2017 en Discursos Políticos de Mariano Rajoy y Carles Puigdemont. Trabajo Fin de Grado. Tartu: Universidad de Tartu, 2019. 48 p. URL: <https://dspace.ut.ee/handle/10062/64463> (fecha de access: 10.04.2021).
16. *Colomer J.M.* La Aventurada Apuesta por la Independencia de Cataluña // *Revista de Estudios Políticos*. 2018. No 179. P. 267-294.
17. *De Borja Lasheras F.* Three Myths about Catalonia's Independence Movement. URL: https://ecfr.eu/article/commentary_three_myths_about_catalonias_independence_movement/ (date of access: 10.04.2021).
18. *De Borja Lasheras F., Gascon D.* 12 Myths, Inaccuracies and Clichés on Catalan Secessionism. URL: <https://www.letraslibres.com/espana-mexico/politica/12-myths-inaccuracies-and-cliches-on-catalan-secessionism> (date of access: 10.04.2021).
19. Discurso Íntegro de Carles Puigdemont. URL: <https://www.publico.es/politica/discurso-puigdemont-discurso-integro-carlas-puigdemont.html> (fecha de acceso: 10.04.2021).
20. Discurso Íntegro en el que Puigdemont Declara la Independencia de Cataluña y la Suspende para Apelar al Diálogo. URL: https://elpais.com/politica/2017/10/10/actualidad/1507658001_128339.html (fecha de acceso: 10.04.2021).
21. *García C.* The Power of Myths and Storytelling in Nation Building: The Campaign for the Independence of Catalonia from Spain (2012–2015) // *Canadian Journal of Communication*. 2018. Vol 43. Pp. 281–296.
22. *Hechter M.* The Comparative Analysis of Ethnoregional Movements // *Ethnic and Racial Studies*. 1979. Vol. 2, No 3. P. 260–274.
23. Las Frases Más Destacadas del Discurso de Carles Puigdemont. URL: <https://www.elperiodico.com/es/politica/20180301/puigdemont-renuncia-presidencia-generalitat-frases-6660932> (fecha de access: 10.04.2021).
24. *Macgilchrist F., Van Hout T.* Ethnographic Discourse Analysis and Social Science // *Forum Qualitative Sozialforschung* // *Forum: Qualitative Social Research*. 2011. № 12 (1), Art. 18. URL: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1600/3107> (date of access: 10.04.2021).
25. *McCarthy M.J.* Catalan Modernisme, Messianism and Nationalist Myths // *Bulletin of Hispanic Studies*. 1975. Vol. 52, issue 4. Pp. 379–395.
26. *Puigdemont C.* La Crisi Catalana: Una Oportunitat per a Europa. Conversant amb O. Mouton. Barcelona: La Campana, 2018. 238 p.
27. Puigdemont con Discurso Combattivo / En un Acto en Perpignan, Llama a «Organizar la Lucha Definitive». URL:

http://www.ansalatina.com/americalatina/noticia/europa/2020/02/29/bano-de-masas-para-puigdemont-duro-discurso_d2be3234-7058-4a33-843a-79012fee3138.html (fecha de access: 10.04.2021).

28. Wodak R., Meyer M. (eds.) *Methods in Critical Discourse Analysis*. 3rd, rev. ed. London: Sage Publ., 2011. Pp. 63–94 (date of access: 10.04.2021).

References

1. Gellner È. Prishestvie natsionalizma. Mify natsii i klassa [The Coming of Nationalism. Myths of Nation and Class]. Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism] / B. Anderson, O. Bauèr, M. Khrokh i dr. Moscow: Praksis, 2002. P. 146–200. (In Russian).

2. Zaripova A.R. Konflikt mezhdu tsentrom i Kataloniej v Ispanii: analiz politicheskogo diskursa [The Conflict Between the Center and Catalonia in Spain: an Analysis of Political Discourse]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Ser.: Sotsiologija. Politologija.* [Bulletin of the Saratov University. New Series. Serie: Sociology. Political Science]. 2018. Vol. 18, № 2. P. 232–237. (In Russian).

3. Kozhanovskij A.N. Kul'turno-jazykovoe mnogoobrazie naselenija Ispanii: teorija i real'nost' [Cultural and Linguistic Diversity of the Population of Spain: Theory and Reality]. Dis. ... d-ra ist. nauk. Moscow, 2012. 307 p. (In Russian).

4. Matveeva N.Ju., Ol'shanskaja E.V. Sotsial'no-politicheskie smysly storon ispano-katalonskogo konflikta skvoz' prizmu twitter-kommunikatsij [Socio-political Meanings of the Parts to the Spanish-Catalan Conflict Through the Prism of Twitter Communications]. *Sravnitel'naja politika* [Comparative Politics]. 2020. Vol. 11, № 1. P. 151–169. (In Russian).

5. Orlov A.A. Natsionalizm v istorii Katalonii: proshloe i nastojashchee [Nationalism in the History of Catalonia: Past and Present]. Moscow: MGIMO–Universitet, 2020. 550 p. (In Russian).

6. Tishkov V.A. Fenomen ètnichnosti [The Phenomenon of Ethnicity]. Tishkov V.A. *Rekvjem po ètnosu: Issledovanija po sotsial'no-kul'turnoj antropologii* [Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka, 2003. P. 95–133. (In Russian).

7. Filippova E.Ju. «Dva litsa» katalonskogo referenduma: politicheskij frejming v kontekste bor'by za nezavisimost' regiona [“Two Faces” of the Catalan Referendum: Political Framing in the Context of the Struggle for the Independence of the Region]. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra Ural'skogo otdelenija RAN* [Survey of Perm Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2018. P. 48–56 (In Russian).

8. Khenkin S.M. Katalonskij konflikt: natsional'noe i mezhdunarodnoe izmerenija [Catalan Conflict: National and International Dimensions]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Actual Problems of Europe]. Moscow, 2020. № 2 (106). P. 94–121 (In Russian).

9. Arrighi J.-Th. «The People, Year Zero»: Secessionism and Citizenship in Scotland and Catalonia // *Ethnopolitics*. 2019. Vol. 18, no 3. Pp. 278–297.

10. Baròmetre d'Opinió Política. Dossiers de Premsa. 3a onada 2017. Barcelona: Centre d'Estudis d'Opinio. Generalitat de Catalunya, 2017. 22 p.

11. Bell D.S.A. Mythscapes: Memory, Mythology and National Identity // *British Journal of Sociology*. London, 2003. Vol. 54, no 1. Pp. 63–81.

12. Carbonell J.-M. The Two Main Challenges to Catalan Identity // *American Behavioral Scientist*. 2019. Vol. 63 (7). Pp. 789–806.
13. Cases A., Junqueras O., Botran A. *Les Proclames de Sobirania de Catalunya (1640–1939)*. Barcelona: Farell Editors, 2009. 128 p.
14. *Catalan Independence and the Crisis of Sovereignty* / O. Garcia Agustin (ed.). London: Palgrave Macmillan, 2021. 125 p.
15. Chaykovskaya R. Referencias al Referéndum Catalán de 2017 en Discursos Políticos de Mariano Rajoy y Carles Puigdemont. Trabajo Fin de Grado. Tartu: Universidad de Tartu, 2019. 48 p. URL: <https://dspace.ut.ee/handle/10062/64463> (fecha de acceso: 10.04.2021).
16. Colomer J.M. La Aventura Apuesta por la Independencia de Cataluña // *Revista de Estudios Políticos*. 2018. No 179. Pp. 267–294.
17. De Borja Lasheras F. Three Myths about Catalonia's Independence Movement. URL: https://ecfr.eu/article/commentary_three_myths_about_catalonias_independence_movement/ (date of access: 10.04.2021).
18. De Borja Lasheras F., Gascon D. 12 Myths, Inaccuracies and Clichés on Catalan Secessionism. URL: <https://www.letraslibres.com/espana-mexico/politica/12-myths-inaccuracies-and-cliches-on-catalan-secessionism> (date of access: 10.04.2021).
19. Discurso Íntegro de Carles Puigdemont. URL: <https://www.publico.es/politica/discurso-puigdemont-discurso-integro-carlas-puigdemont.html> (fecha de acceso: 10.04.2021).
20. Discurso Íntegro en el que Puigdemont Declara la Independencia de Cataluña y la Suspende para Apelar al Diálogo. URL: https://elpais.com/politica/2017/10/10/actualidad/1507658001_128339.html (fecha de acceso: 10.04.2021).
21. García C. The Power of Myths and Storytelling in Nation Building: The Campaign for the Independence of Catalonia from Spain (2012–2015) // *Canadian Journal of Communication*. 2018. Vol. 43. P. 281–296.
22. Hechter M. The Comparative Analysis of Ethnoregional Movements // *Ethnic and Racial Studies*. 1979. Vol. 2, No 3. Pp. 260–274.
23. Las Frases Más Destacadas del Discurso de Carles Puigdemont. URL: <https://www.elperiodico.com/es/politica/20180301/puigdemont-renuncia-presidencia-generalitat-frases-6660932> (fecha de acceso: 10.04.2021).
24. Macgilchrist F., Van Hout T. Ethnographic Discourse Analysis and Social Science // *Forum Qualitative Sozialforschung* // *Forum: Qualitative Social Research*. 2011. № 12 (1), Art. 18. URL: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1600/3107> (date of access: 10.04.2021).
25. McCarthy M.J. Catalan Modernisme, Messianism and Nationalist Myths // *Bulletin of Hispanic Studies*. 1975. Vol. 52, issue 4. Pp. 379–395.
26. Puigdemont C. *La Crisi Catalana: Una Oportunitat per a Europa*. Conversant amb O. Mouton. Barcelona: La Campana, 2018. 238 p.
27. Puigdemont con Discurso Combattivo / En un Acto en Perpignan, Llama a «Organizar la Lucha Definitive». URL: http://www.ansalatina.com/americalatina/noticia/europa/2020/02/29/bano-de-masas-para-puigdemont-duro-discurso_d2be3234-7058-4a33-843a-79012fee3138.html (fecha de acceso: 10.04.2021).

28. Wodak R., Meyer M. (eds.) *Methods in Critical Discourse Analysis*. 3rd, rev. ed. London: Sage Publ., 2011. Pp. 63–94 (date of access: 10.04.2021).

Сведения об авторе:

Баранов Андрей Владимирович

заведующий кафедрой политологии и политического управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор (г. Краснодар, Россия).

E-mail: baranovandrew@mail.ru

Bionotes:

Baranov Andrey Vladimirovich

Head of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University, Doctor of Political Sciences, Doctor History, Professor (Krasnodar, Russia).

Для цитирования:

Баранов А.В. Этнополитический миф в каталонском конфликте (на материалах выступлений К. Пучдемона) // *Мифологос*. Серия «Миф и общество: история, политика, социология», № 4, 2022. С. 42–52.

For citation:

Baranov A. V. Ethnopolitical Myth in the Catalan Conflict (Based on the Materials of the Speeches of C. Puigdemont) // *Mythologos*. Myth and Society: History, Politics, Sociology Series, no. 4, 2022. С. 42–52.

УДК 291.13(303.446.4+004.738.5)
DOI: 10.35103/SMSU.2022.78.43.050

**«ВЕЛИКАЯ ЧЕРКЕСИЯ»: К ВОПРОСУ О МИФАХ В
ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ И ИСТОРИОГРАФИИ ЗАПАДНОГО
КАВКАЗА⁶**

Белозёрова Марина Витальевна

Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр
Российской академии наук» (г. Сочи, Россия)

Аннотация

В статье рассматривается содержание понятия «Великая Черкесия». Актуальность заключается в том, что проблематика не в полной мере разработана в отечественной историографии, отсутствуют письменные источники для изучения генезиса этой проблемы, использование идеи «Великой Черкесии» в 1990-е – начале 2000-х годов получило широкое распространение в СМИ и Интернет-ресурсах, оказало влияние на общественное сознание адыгов и черкесов. Методологической основой стали принципы системного подхода, использованы выборочный метод, историко-генетический и компаративный анализ.

Автор пришел к выводам: понятие «Великая Черкесия»/«Черкесия» является политической мифологемой, стала одной из основных в идеологических и мировоззренческих установках для некоторых социальных групп. Эта мифологема имеет этническую, региональную специфику, обращена в прошлое. В основе мифологемы находится концепция, созданная на базе трактовок, сформированных в Османской и Британской империях в XIX веке. В информационном поле и региональной историографии Западного Кавказа она посвящена генезису «государственности» у адыгских народов.

Ключевые слова: политическая мифология, мифологема, «Великая Черкесия», историография, информационное поле, адыги, черкесы

**«GREAT CIRCASSIA»: ON THE ISSUE OF MYTHS IN THE INFORMATION
FIELD AND HISTORIOGRAPHY OF THE WESTERN CAUCASUS**

Belozeroва Marina Vitalievna

Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of
Sciences (Sochi, Russia)

Abstract

The content of the «Great Circassia» concept is considered in the article. The principles of the systematic approach became the methodological basis; the selective method, historical-genetic and comparative analysis were used in the Circassian statehood genesis study.

The issue relevance lies in the fact that the problem is not fully developed in Russian historiography. There are no written sources for studying the genesis of this problem. At the

⁶ Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания ФИЦ СНЦ РАН № 0492-2021-0014

same time, the idea of «Great Circassia» was widely spread in the media and Internet in the 1990s-early 2000s and influenced the public consciousness of the Circassians and Circassians. The author came to the conclusion: the concept of «Great Circassia»/«Circassia» is a political mythologeme, it has become one of the main ideological and ideological attitudes for some social groups. This mythologeme has an ethnic, regional specificity, and is turned into the past. The basis of the mythologeme is the concept of the nineteenth century. It is based on the interpretations that were formed in the Ottoman and British Empires. According to its content, the mythologeme is devoted to the genesis of «statehood» among the Adyghe peoples.

Keywords: political mythology, mythologeme, «Great Circassia», historiography, information field, Adyghe peoples, Circassians

Введение (Introduction)

Современный миф как основа политической мифологии является продуктом коллективной памяти этноса. Р. Барт, работы которого считаются основополагающими в области изучения социальной мифологии, говорил о мифе как «о похищенном языке, с помощью которого осуществляется политическое и экономическое манипулирование» [2, с. 98]. Исследования в этой сфере показывают, что миф формируется как на основе фольклора и мифологии, передавая современные версии мифологических и фольклорных героев, в том числе адаптируя их к условиям современности. Так и на основе кого-либо яркого события в истории народа. Первую группу мифов относят к традиционным, вторую преимущественно к искусственно формируемым. В мифах выделяют, так называемые мифологемы. В историографии мифологема трактуется как сюжетно-мотивационный сегмент мифа, возникающий как эмоциональная рефлексия [17, с. 66] и характеризующийся исследователями как «политическая мифологема» [19, с. 55].

Актуальность проблематики исследования мифа в целом, и его сегмента «политической мифологемы» как части искусственно формируемого мифа заключается в том, что политическая мифологема имеет этническую, региональную специфику, ориентацию на «опыт и идеи предшествующих поколений» [12, с. 14–15]. В данном контексте следует констатировать, что современные мифологемы в достаточной степени быстро распространяются в информационном пространстве через СМИ и Интернет, формируя «альтернативную» историческую реальность и оказывая влияние на общественное сознание. Актуальность проблематики определяется и тем, что вплоть до настоящего времени она не в полной мере разработана в отечественной историографии в целом, а также с недостаточной изученностью сюжетов, привязанных к определенным историческим событиям.

Целью данной работы является определение содержания одной из мифологем – «Великая Черкесия», как части общей проблематики, связанной с событиями Кавказской войны XIX столетия. Нами проанализированы историографические источники (воспоминания участников Кавказской войны и историко-этнографические исследования XIX в.), работы современных исследователей, в той или иной степени затрагивающих данный вопрос, материалы Интернет-ресурса.

Акцентируем внимание на некоторых аспектах. При рассмотрении вопросов, связанных с генезисом государственных образований у племен Западного Кавказа, ряд современных региональных исследователей опирается в основном на анализ вторичных (историографических) источников [4; 5]. Это связано с тем, что многие

автохтонные народы, включая адыгов и адыгские субэтноты Западного Кавказа (шапсугов, абадзехов, нутухайцев, убыхов), не имели письменности. Учитывая это, следует признать, что важнейшим способом хранения информации, источником коллективных исторических представлений, по словам Э.А. Шеуджена, стала «эпическая модель истории» [26, с. 16]. То есть на основе исторических событий и фактов успешно конструируются мифы и роль их оказывается довольно весомой.

Методы (Methods)

Методологической основой стали принципы системного подхода. Был использован выборочный метод по хронологическому срезу (вторая половина XIX в., 1930-е гг., конец XX – начало XXI вв.). Историко-генетический и компаративный анализ позволили проследить генезис и содержание мифологемы «Великая Черкесия».

Литературный обзор (Literature Review)

В региональной историографии вопрос о государственности адыгов является одним из актуальных (важных, насущных). Образ «Черкесии», «Великой Черкесии», «Западной Черкесии» стал лейтмотивом многих работ, посвященных истории этих народов и их субэтнотов. Ряд исследователей соотносят его появление, по крайней мере, с позднесредневековой историей при взаимодействии с «кочевыми государствами», таким образом вводя это понятие в международное поле [18, с. 67, 103; 23, с. 5, 13, 28, 46, 47; 24, с. 274]. Некоторые исследователи акцентируют внимание на территориях, входивших «в состав Черкесии» (например, расселение абадзинов, Таманский полуостров XIII–XV вв. описывается как часть, так называемой, «Зихии», идентифицируя ее с «Черкесией») [15; 23, с. 21]. При этом каких-либо методологических подходов к определению дефиниции «Черкесия» как государственного образования или «этнополитического пространства Черкесии» [23, с. 5, 46, 47], топонима в региональной историографии не выработано. Одним из источников, на который опираются исследователи, стал труд Хан-Гирея «Записки о Черкесии» (1834), составленный для императора Николая I [18, с. 83]. Поэтому по-прежнему актуальным остается рассмотрение содержания понятия «Черкесия», «Великая Черкесия» в отечественной историографии с выделением позиции региональных исследователей.

В XIX в. на территории Западного Кавказа произошло столкновение внешнеполитических интересов России, Турции, Англии и Франции. К заключительному этапу Кавказской войны относится попытка верхушки горских племен создать какое-либо государственное образование с целью противостояния Российской империи. Одной из них была неудачная попытка Шамиля распространить теократию на Черноморское побережье. Более реальным стало формирование «Сочинского» меджлиса, объединившего 15 племен. В советской историографии создание меджлиса рассматривалось с точки зрения необходимости управления массами, как аппарат принуждения и насилия над населением. Иная точка зрения заключалась в том, что меджлис – это «проект социальной реформы». По своей сути он был «утопичным», т.к. у горцев не были развиты общественные отношения, существовали патриархальные традиции, родовая разобщенность, внутренние социальные противоречия и другие причины. Но основная цель – меджлис, созданный на идее «черкесского суверенитета», должен был возглавить «всемирную войну» против России [13, с. 182, 183, 184; 21, с. 175–176, 177]. Отсюда и попытки лидеров меджлиса обеспечить международную и военную поддержку сопротивления, налаживания связи с «комитетом помощи Черкесии» в

Османской империи и лондонским черкесским комитетом [18, с. 154, 155; 21, с. 12, 178–179]. Э. Спенсер, английский эмиссар в Причерноморье, характеризовал собрания горцев в ходе формирования меджлиса как «конфедеративные» и описывал получение из Турции «национального» знамени, сделанного «черкесской княжней» [18, с. 103]. Налаживание связей осуществлялось представителями меджлиса путем подачи петиций в Стамбул, Лондон, Париж. Так Англия была извещена о создании меджлиса и попытках проведения административно-территориальной реформы и о несогласии с правом Турции передавать России, согласно мирным договорам, территории, заселенные горскими племенами. Следствием этого стало обращение лондонского черкесского комитета, возглавляемого Э. Билзом, в Кабинет министров Британии с требованием отправить торговый флот к берегам «Черкесии» для поддержки «черкесского правительства» [10, с. 83–87; 21, с. 179]. В Причерноморье находились и иностранные эмиссары, проводившие агитацию среди горцев. Это зафиксировано в воспоминаниях и записках русских [28, с. 76, 77] и иностранных офицеров [22, с. 120, 152, 154]. В современной историографии точка зрения по данному вопросу не противоречит сложившейся в советское время. Сочинский меджлис расценивается как попытка создания государственности, а неудачный итог связывается с отсутствием письменного законодательства и «поверхностным усвоением» горцами «норм шариата». При этом Англия и Турция видели в Сочинском меджлисе «эффективный инструмент затягивания вооруженного конфликта на Кавказе», пытаясь создать с его помощью постоянный очаг напряженности для России на южных рубежах [14, с. 83, 84].

Таким образом, в отечественной историографии сложилась точка зрения, что в Причерноморье прослеживались попытки формирования автономной государственной структуры (меджлис, административно-территориальная структура, налаживание международных связей) на идее «черкесского суверенитета» и международной поддержки войны с Россией. В международной практике появилось понятие «Черкесия».

Обращаясь к региональной историографии по данной проблематике, отметим, что в 1980-е – 1990-е гг., в сущности, была прервана традиция комплексного анализа социально-экономических и этнополитических процессов, разрабатываемая советскими историками и этнографами. В результате смены предметной области исследований внимание было сконцентрировано на вопросах «национальной государственности» без привлечения нового источникового материала и формирования нового научного инструментария [4; 20, с. 99, 100]. Как следствие понятие «черкесский меджлис» рядом исследователей стал трактоваться как парламент, который сравнивался с парламентом Англии [11, с. 15], а руководство меджлиса позиционировалось как «правительство Черкесии», которое было представлено в «Черкесских комитетах», располагавшихся в Стамбуле и Лондоне [16; 24, с. 167–178; 25].

Результаты и обсуждение (Results and Discussions).

На основе идеологических трактовок, во многом сформированных в Османской и Британской империях, наложенных на избирательные исторические факты, в региональной историографии была создана концепция о существовании во второй половине XIX в. административно-территориального государственного образования с признаками конфедерации и о том, что «Черкесия» была субъектом международного права. Однако документов о международном признании какой-

либо формы государственного объединения на территории Западного Кавказа не существует [4; 20, с. 99, 100].

Исследование историографических данных и введение в научный оборот нового источникового материала (СМИ, Интернет-ресурс) позволило поставить вопросы, не получившие ранее своего отражения в научных работах. Новизна нашего исследования заключается в том, что контент «Черкесия»-«Великая Черкесия», сформированный в региональной историографии в 1990-е гг., рассматривается как историческая мифологема.

Мифотворчество как процесс имеет свои следствия. Созданные мифы, мифологемы становятся средством контроля и управления, оказывая социальное воздействие на сознание людей, становясь основополагающими в идеологических и мировоззренческих установках, влияя на образ мыслей отдельного человека или целые группы, во взглядах на события, в том числе исторические. На их базе формируются программы социальных и общественно-политических движений любого этноса. На обсуждении мифа, используя исторический фон, можно «создать» себе «политическое имя». Мифы и мифологемы успешно используют в определенной исторической ситуации. Так, конструкт «Великая Черкесия» «всплыл» в 1930-е гг., согласно информации А. Абрегова, директора Национального музея Республики Адыгея в конце 1980-х – начале 2000-х гг. [27]. Он опирается на обвинительное заключение по делу, так называемой «группы Ладария» (В. Ладария – секретарь Абхазского обкома КП(б) Грузии в 1930–1936 гг.), с которым получил возможность ознакомиться после 1991 года. В документе употреблялось словосочетание «Великая Черкесия». Суть дела заключалась в том, что группа Ладарии якобы ставила задачу основания националистической буржуазной организации для создания государственного автономного образования с последующим выходом из состава СССР и присоединением к Турции.

Как видим, конструкт «Великая Черкесия» стал эффективным инструментом в проведении курса репрессивной политики на Западном Кавказе. При этом, по данным А. Абрегова, в деле не было ни одного документа – манифеста, воззвания и т.п. о создании «Великой Черкесии». С его точки зрения, это дело было сфабриковано в НКВД против партийных руководителей и ученых. К тому же этот пример показывает, что в основе этого конструкта лежит концепция, сформированная еще в XIX веке. Так, А. Абрегов утверждает, что на этнической карте Кавказа существовало государственное объединение «Черкесия» [27]. Последнее суждение имеет своих сторонников среди современных адыгов, которые видят в нем «восстановление» историко-культурного пространства черкесов.

В 1990-е – начале 2000-х гг. помимо региональной историографии идея «Великой Черкесии» была «возрождена» и активно муссировалась в материалах СМИ, а затем в Интернет-пространстве вплоть до Сочинской Олимпиады-2014. Появились даже литературные работы по данной проблематике. Например, Я.А. Гордин, используя обширные источниковые материалы, делает попытку своей оценки событий Кавказской войны. Красной нитью проходит мысль о «Черкесии», которую он сравнивает с Кавказской Атлантидой [7, с. 384–385, 389].

Представители и активисты адыгских национальных общественных организаций, ряд политологов сформировали свою точку зрения на данную проблематику. В начале 1990-х гг. был сформирован очередной проект «Великая Черкесия» [7]. Его рассмотрел в своих многочисленных работах Мухамед О. Будаи (Сирия). Он четко определяет «государство «Великая Черкесия» как

«мифическое», «...им (представителям адыгской общественности – М.Б.) показалось, что все поверили в то, что они черкесы...» и они начали «...претендовать на земли истинных черкесов..., проектировать его субъектообразующие народы...» [6]. В этой связи рассмотрим более подробно, что предусматривал проект «Великая Черкесия». В нем речь идёт о создании некоего образования черкесов на Кавказе, т. н. «исторической Великой Черкесии». Территориально она должна включать, по меньшей мере, три субъекта на Кавказе (полностью или частично) – Республики Адыгея, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская [9]. Этот вопрос обсуждался на Чрезвычайном съезде черкесского народа, который состоялся в ноябре 2008 г. в Черкесске [1]. Отметим, что представители общественного движения «Черкесский конгресс» их Адыгеи значительно расширили свои территориальные притязания. На съезде была продемонстрирована карта Черкесии в составе России. В будущее новообразование авторы включили часть территории Краснодарского края, в том числе Черноморское побережье вплоть до границы с Республикой Абхазия, Республику Адыгея, половину Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республик, часть Ставропольского края с курортами Ессентуки, Минеральные воды, Пятигорск, Кисловодск. Следует отметить, что с высказанными адыгскими представителями заявлениями и претензиями не были согласны участники съезда от северокавказских республик [1].

При этом лидеры национально-общественного движения из Адыгеи апеллировали к международному праву, опираясь на «Декларацию ООН о правах коренных народов». Аргументировали тем, что обозначенные территории являются «историческими землями» адыгов/черкесов, которые РФ «должна» им вернуть, чтобы «удовлетворить» национальные интересы [1]. Чтобы представлять, на чем основывались подобные претензии, обратимся, собственно, к документу. В «Декларации ООН о правах коренных народов» отмечалось: многие коренные народы стали жертвами исторической несправедливости, колонизации, лишены своих земель, что «препятствует осуществлению ими... своего права на развитие в соответствии с их потребностями и интересами»; о необходимости признания права коренных народов на «свои земли, территории и ресурсы»; об убежденности в том, что «контроль за событиями», затрагивающих их земли, позволит коренным народам сохранить и укрепить свои социальные институты, традиции и культуру, развивать свои потребности [8]. Статьи Декларации прямо указывают: на осуществление права коренных народов на автономию (ст. 4), необходимость со стороны государства «обеспечить эффективные механизмы предупреждения и правовой защиты в отношении... любого действия, имеющего своей целью или результатом лишения.. своих земель, территории или ресурсов» коренных народов (ст. 8b); невозможность принудительного удаления коренных народов со своих территорий (ст. 10); заявлялось о праве коренных народов на землю, территории и ресурсы, «которыми они традиционно владели, ... занимали или иным образом использовали или приобретали» (ст. 26/1) с юридическим признанием таких земель, территорий и ресурсов (ст. 26/3). Однако РФ данную резолюцию ООН не ратифицировала. К тому же в советское время все эти права в той или иной мере были реализованы для автохтонных народов. Отметим, что, начиная с конца 1980-х гг., многие представители коренных народов обращались к международному

праву с целью добиться для себя каких-либо преференций за счет других [3]. Не стали исключением и адыго-черкесские народы.

Таким образом, проект «Великая Черкесия» предусматривал автономизацию, что, безусловно, делало приоритетными национальные интересы, связанные не только с территориальной самостоятельностью. В этом контексте одним из главных вопросов стала проблема признания «геноцида» черкесских народов в ходе Кавказской войны XIX в. В начале 2000-х гг. с такой просьбой к Грузии обратились лидеры «Черкесского конгресса» [1]. Признание «геноцида» повлечет за собой требование репатриации для многомиллионной диаспоры на «историческую родину» за счет РФ. По сути, муссирование этих вопросов в Интернете и СМИ – это повод напомнить о себе. С другой стороны, в СМИ и Сети присутствует и другое мнение по данной ситуации. Так, карачаевский журналист Б. Урусов считает, что «черкесская» проблема является «совместным американо-грузинским проектом». С его точки зрения, это реакция Грузии на участие чеченцев и адыгов на стороне Абхазии в грузино-абхазском конфликте [1].

Данные процессы получили оценку в современной историографии. К примеру, Г.Г. Матишов, Ю.Ю. Клычников, Т.П. Хлынина считают, что в основе обсуждаемого представителями адыгской общественности проекта о создании единой для всех черкесских народов республики лежит идея о сознательном разъединении адыгов советской властью, а существующие автономии рассматриваются как «умелый политический маневр», отвлекающий адыгов от идеи отстаивания этнической консолидации. При этом исследователи отмечают, что «...полностью игнорируются территориальная разобщенность народов и социально-экономические трудности, сопряженные с выделением национальных областей (районов)...» [14, с. 85–86].

Заключение (Conclusions)

Анализ контента «Великая Черкесия»/«Черкесия» показал, что его можно определять как историческую и политическую мифологему, которая соответствует следующим характеристикам: имеет этническую, региональную специфику и обращена в прошлое. В региональной историографии понятие «Черкесия» с начала 1990-х гг. связывалось с наличием государственности у адыгских народов («государственное объединение», «этнополитическое пространство» черкесов). В исторической ретроспективе его возникновение ряд исследователей относил к средневековью (некое образование Зихия, которое идентифицируется с «Черкесией»). Основное внимание вплоть до настоящего времени отводится событиям Кавказской войны XIX в., особенно ее заключительному этапу, когда был создан Сочинский меджлис. Он был образован на идее «черкесского суверенитета» и международной поддержки войны с Россией. Следствием попыток меджлиса установить международные связи (Турция, Англия, Франция) и наличия иностранных эмиссаров на Западном Кавказе среди горцев стало появление в международной практике понятия «Черкесия» («комитет помощи Черкесии» в Османской империи и лондонский черкесский комитет в Британии).

Рассматривать понятие «Великая Черкесия» как мифологему позволяет и отсутствие первичных источников при анализе его генезиса в региональной историографии постсоветского периода. Ряд исследователей опираются в основном на историографические (вторичные) источники, т.к. адыги и адыгские субэтноты не имели своей письменности. То есть важнейшим способом хранения информации и источником коллективных исторических представлений у них были легенды,

эпос и другие формы фольклора, на этой основе была сформирована эпическая модель прошлого.

Мифологема «Великая Черкесия» была также использована в 1930-е гг. в политических целях (дело Ладария), а затем в начале 1990-х гг. Идея «Великой Черкесии» была выдвинута на II съезде адыго-шапсугского народа в ноябре 1992 г. [14, с. 81]. На основе мифологеми стал выработываться проект создания автономии «Великая Черкесия» на базе слияния населенных черкесами субъектов РФ, возможности массового возвращения потомков переселенцев-черкесов из других стран в Россию с получением существенных преференций (в частности, земель за счет нечеркесского населения Северного и Западного Кавказа). С этого времени в информационном пространстве мифологема получила политическую окраску, став одной из основополагающих в идеологических и мировоззренческих установках определенных социальных групп.

В заключение отметим, что поднимаемая проблематика, как и в целом «черкесский вопрос» еще долгое время будет вызывать острые дискуссии. Поэтому, безусловно, требует уважительного отношения к проблеме, а исследование таких трагических событий – внимательного изучения. При этом необходимо проводить оценку направленности и содержания контента «Великая Черкесия» в русле сохранения и укрепления социального мира межнационального единства, не игнорируя этнической истории. В тоже время интерпретация исторических событий и фактов должны быть даны с позиций науки, взаимопонимания, межкультурного взаимодействия, а не исходя из политической ситуации и позиции отдельных социальных групп, стремящихся к получению преференций или политическому влиянию. Только при этих критериях и подходах национальные идеи играют позитивную роль в стремлении сохранить национальную историю, культуру, целостность народа, обеспечить его консолидацию.

Литература

1. Асламова Д. Кому нужна Великая Черкесия от Сочи до Азовского моря // Комсомольская правда. 02.09.2010. URL: <https://www.kp.ru/daily/24551.4/727499/> (дата обращения: 10.03.2021).
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. М., 1989. 616 с.
3. Белозёрова М.В. Проблемы интеграции и национального самоопределения коренных народов Южной Сибири (1920-е гг. – начало XXI в.); автореферат... доктора ист. наук. Томск: Томский госуниверситет, 2008. 56 с.
4. Белозёрова М.В. Цивилизационный подход в исследованиях общества Западного Кавказа: методологический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Кемерово, 2018. № 43. С.27–35.
5. Белозёрова М.В. Историческое мифотворчество и проблемы этнической идентичности у коренных народов юга России (конец 1980-х – 2010-е гг.) // Миф в истории, политике, культуре. Сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции. Севастополь, 2019. №3. С. 344–349. URL: https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2019/11/Sbornik-_Mif-2019-s-oblozhkoi.pdf (дата обращения: 29.03.2021).

6. Буда́й М.О. В поисках «Великой Черкесии». URL: <https://docplayer.ru/28309842-V-poiskah-velikoy-cherkesii-m-o-buday.html> (дата обращения: 07.04.2021).
7. Гордин В.А. Кавказская Атлантида. 300 лет войны. Москва: Время, 2014. 512 с.
8. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята на 107 Пленарном заседании 13 сентября 2007 года // Московский журнал международного права. Москва, октябрь-декабрь 2007 г. № 4. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902086029> (дата обращения: 29.03.2021)
9. Динаев И. Великая Черкесия – Великий Карачай? // Caucasus Times. – 07.12.2008. URL: <https://caucasustimes.com/ru/velikaja-cherkesija-velikij-karachaj/> (дата обращения: 10.03.2021).
10. Инал-Ипа Ш.Д. Убыхи. Историко-этнографические очерки. («Обращение к английской королеве от 26 августа 1862 года черкесских делегатов от Союза черкесских племен»). Сухум, 2015. 560 с.
11. Кажаров В.Х. Адыгская хаса: Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1992. 160 с.
12. Круталевич А.Н. «Мифологема» в понятийном аппарате культурологии // Culture and Civilization. 2016. № 1. С. 10–21. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-culture-2016-1/1-krutalevich.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).
13. Лавров Л.И. Убыхи. Санкт-Петербург, 2009. 236 с.
14. Матишов Г.Г., Клычников Ю.Ю., Хлынина Т.П. «Черкесский вопрос»: история, политика и современное мифотворчество // Вестник Южного научного центра РАН. 2012. № 1. Т. 8. С. 80-89.
15. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1994. 231 с.
16. Панеш А.Д. Создание Черкесского государства // Информационный портал Голос. Адыгемакъ. URL: <http://www.adygvoice.ru/newsview.php?uid=4408> (дата обращения 10.10.2015).
17. Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск, 1991. 440 с.
18. Половинкина Т.В. Черкесия – боль моя: Исторический очерк (древнейшее время – начало XX в.). Майкоп, 2001. 224 с.
19. Почепцов Г.Г. Информационно-психологическая война. Москва: СИНТЕГ, 2000. 180 с.
20. Садовой А.Н., Белозёрова М.В. Черкесский меджлис (1861-1863 гг.): методологические аспекты этносоциальных исследований // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2020. № 5 (115). С. 96–101. DOI: [doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)5-14](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)5-14).
21. Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. Ленинград, 1935. № 4. С. 135–181.
22. Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863–1864 гг. Из записок участника-иностранца. Нальчик: «Адыги», 1991. 28 с.
23. Хотко С.Х. Генезис адыгского (черкесского) этнополитического пространства в XIII–XVI вв.: проблемы и перспективы исследования; автореферат... доктора ист. наук. Майкоп, 2017. 52 с.
24. Чирг А.Ю. Общественно-политические преобразования у западных адыгов в период Кавказской войны // Метаморфоз vs Трансформация:

Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв. Ростов-на-Дону, 2013. С. 274–277.

25. Чунтыжева Р.В. Сочинский меджлис: опыт общественно-политического творчества адыгов в XIX веке // Вестник Майкопского государственного технологического университета. Майкоп, 2014. Вып. 4. С. 15–19.

26. Шеуджен Э.А. Теоретико-методологические ориентиры исследований по истории Северного Кавказа // Метаморфоз vs Трансформация: Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв. Ростов-на-Дону, 2013. С. 14–28.

27. Шмулевич А. Великая Черкесия: провокация и мечта // АПН – Агентство политических новостей. 11.02.2013. URL: <https://www.apn.ru/publications/article28417.htm> (дата обращения: 22.03.2021).

28. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. Майкоп, 1993. 121 с.

References

1. Aslamova D. Komu nuzhna Velikaiâ Cherkessiiâ ot Sochi do Azovskogo moriâ [Who needs Great Circassia from Sochi to the Sea of Azov] // Komsomol'skaiâ pravda. 02.09.2010. URL: <https://www.kp.ru/daily/24551.4/727499/> (data obrashcheniâ: 10.03.2021). (In Russian).

2. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poëtika [Selected Works: Semiotics: Poetics:]: Per. s fr. M., 1989. 616 s. (In Russian).

3. Belozërova M.V. Problemy integratsii i natsional'nogo samoopredeleniâ korennykh narodov Iūzhnoi Sibiri (1920-e gg. – nachalo KhKhI v.) [Problems of Integration and national Self-Determination of the Indigenous Peoples of Southern Siberia (1920s - early XXI)]; avtoreferat... doktora ist. nauk. Tomsk: Tomskii gosuniversitet, 2008. 56 s. (In Russian).

4. Belozërova M.V. Tsivilizatsionnyi podkhod v issledovaniâkh obshchestva Zapadnogo Kavkaza: metodologicheskii aspekt [The Civilizational Approach in the Western Caucasus society Study: methodological Aspect] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. Kemerovo, 2018. № 43. S.27–35.

5. Belozërova M.V. Istoricheskoe mifotvorchestvo i problemy ètnicheskoi identichnosti u korennykh narodov iūga Rossii (konets 1980-kh – 2010-e gg.) [Historical Myth-making and ethnic Identity among Southern Russia Natives (late 1980s – 2010s)] // Mif v istorii, politike, kul'ture []. Sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii. Sevastopol', 2019. №3. S. 344–349. URL: https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2019/11/Sbornik-_Mif-2019-s-oblozhkoi.pdf (data obrashcheniâ: 29.03.2021).

6. Budaï M.O. V poiskakh «Velikoi Cherkessii» [In Search of "Great Circassia"]. URL: <https://docplayer.ru/28309842-V-poiskah-velikoy-cherkessii-m-o-buday.html> (data obrashcheniâ: 07.04.2021).

7. Gordin V.A. Kavkazskaiâ Atlantida. 300 let voïny [Caucasian Atlantis. 300 Years of War]. Moskva: Vremiâ, 2014. 512 s.

8. Deklaratsiâ Organizatsii Ob'edinennykh Natsii o pravakh korennykh narodov. Priniâta na 107 Plenarnom zasedanii 13 sentiâbrîâ 2007 goda [United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples] // Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava. Moskva,

oktiabr'-dekabr' 2007 g. № 4. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902086029> (data obrashcheniâ: 29.03.2021)

9. Dinaev I. Velikaiâ Cherkessiâ – Velikiï Karachai? [Great Circassia – Great Karachay?] // Caucasus Times. – 07.12.2008. URL: <https://caucasustimes.com/ru/velikaja-cherkesija-velikij-karachaj/> (data obrashcheniâ: 10.03.2021).

10. Inal-Ipa Sh.D. Ubykhi. Istoriko-étnograficheskie ocherki. («Obrashchenie k angliïskoï koroleve ot 26 avgusta 1862 goda cherkesskikh delegatov ot Soiûza cherkesskikh plemen») [Ubykhs. Historical and ethnographic Essays]. Sukhum, 2015. 560 s.

11. Kazharov V.Kh. Adygskaiâ khasa: Iz istorii soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdenii feodal'noï Cherkessii [Adyghe Khasa: From the History of Estate-Representative Institutions of feudal Circassia]. Nal'chik: Èl'brus, 1992. 160 s.

12. Krutalevich A.N. «Mifologema» v poniâtiinom apparate kul'turologii ["Mythologeme" in the Conceptual Apparatus of Culturology] // Culture and Civilization. 2016. № 1. S. 10–21. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-culture-2016-1/1-krutalevich.pdf> (data obrashcheniâ: 10.03.2021).

13. Lavrov L.I. Ubykhi [Ubykhs]. Sankt-Peterburg, 2009. 236 s.

14. Matishov G.G., Klychnikov Iû.Iû., Khlynina T.P. «Cherkesskiï vopros»: istoriâ, politika i sovremennoe mifotvorchestvo ["The Circassian Question": History, Politics and modern Myth-Making] // Vestnik Iûzhnogo nauchnogo tsentra RAN. 2012. № 1. T. 8. S. 80–89.

15. Nogmov Sh.B. Istoriâ adykheïskogo naroda. Sostavlenaiâ po predaniâam kabardintsev [History of the Adykhean People. Compiled according to the Legends of the Kabardians]. Nal'chik, 1994. 231 s.

16. Panesh A.D. Sozdanie Cherkesskogo gosudarstva [Creation of the Circassian State] // Informatсионnyï portal Golos. Adygemak". URL: <http://www.adygvoice.ru/newsview.php?uid=4408> (data obrashcheniâ 10.10.2015).

17. Pivoev V.M. Mifologicheskoe soznanie kak sposob osvoeniâ mira [Mythological Consciousness as a Way of Mastering the World]. Petrozavodsk, 1991. 440 s.

18. Polovinkina T.V. Cherkessiâ – bol' moiâ: Istoricheskiï ocherk (drevneishee vremiâ – nachalo KhKh v.) [Circassia - my Pain: Historical Essay (the most ancient Time – the beginning of the twentieth Century)]. Maïkop, 2001. 224 s.

19. Pocheptsov G.G. Informatсионno-psikhologicheskaiâ voïna [Information-psychologicals War]. Moskva: SINTEG, 2000. 180 s.

20. Sadovoi A.N., Belozërova M.V. Cherkesskiï medzhlis (1861-1863 gg.): metodologicheskie aspekty étnosotšial'nykh issledovaniï [Cherkess Majlis (1861-1863): methodological Aspects of ethnosocial Research] // Izvestiâ Altaïskogo gosudarstvennogo universiteta. Barnaul, 2020. № 5 (115). S. 96–101. DOI: [doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)5-14](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)5-14).

21. Fadeev A. Ubykhi v osvoboditel'nom dvizhenii na Zapadnom Kavkaze [Ubykhs in the liberation Movement in the Western Caucasus] // Istoricheskiï sbornik. Leningrad, 1935. № 4. S. 135–181.

22. Fonvill' A. Posledniï god voïny Cherkessii za nezavisimost' [The last Year of the Circassian War of Independence]. 1863–1864 gg. Iz zapisok uchastnika-inostrantša. Nal'chik: «Adygi», 1991. 28 s.

23. Khotko S.Kh. Genesis adygskogo (cherkesskogo) étnopoliticheskogo prostranstva v XIII–XVI vv.: problemy i perspektivy issledovaniâ [The Genesis of the Adyghe (Circassian) Ethnopolitical Space in the 13th–16th Centuries: Problems and Perspectives of Research]; avtoreferat... doktora ist. nauk. Maïkop, 2017. 52 s.

24. Chirg A.Iû. Obshchestvenno-politicheskie preobrazovaniâ u zapadnykh adygov v period Kavkazskoï voïny [Socio-political Transformations among the Western Circassians

during the Caucasian War] // *Metamorfoz vs Transformatsiia: Mul'tidistsiplinarnyi podkhod k izucheniiu istorii adygov v XIX–XXI vv.* Rostov-na-Donu, 2013. S. 274–277.

25. Chuntzyzheva R.V. Sochinskiĭ medzhlis: opyt obshchestvenno-politicheskogo tvorchestva adygov v XIX veke [Sochi Mejlis: the Experience of socio-political Creativity of the Adyghes in the 19th century] // *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta.* Maikop, 2014. Vyp. 4. S. 15–19.

26. Sheudzhen Ė.A. Teoretiko-metodologicheskie orientiry issledovaniĭ po istorii Severnogo Kavkaza [Theoretical and methodological Guidelines for Research on the History of the North Caucasus] // *Metamorfoz vs Transformatsiia: Mul'tidistsiplinarnyi podkhod k izucheniiu istorii adygov v XIX–XXI vv.* Rostov-na-Donu, 2013. S. 14–28.

27. Shmulevich A. Velikaiĭ Cherkessiĭ: provokatsiia i mechta [Great Circassia: Provocation and Dream] // *APN – Agentstvo politicheskikh novosteĭ.* 11.02.2013. URL: <https://www.apn.ru/publications/article28417.htm> (data obrashcheniia: 22.03.2021).

28. Ėsadze S. Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoi voĭny. Istoricheskiĭ ocherk Kavkazsko-gorskoĭ voĭny v Zakubanskom krae i Chernomorskom poberezh'e [Conquest of the Western Caucasus and the End of the Caucasian War. Historical Sketch of the Caucasian-Mountain War in the Trans-Kuban Region and the Black Sea Coast]. Maikop, 1993. 121 s.

Сведения об авторе:

Белозёрова Марина Витальевна

главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр Российской академии наук», доктор исторических наук, доцент (г. Сочи, Россия).

E-mail: mbelozerowa@mail.ru

Bionotes:

Belozeroва Marina Vitalievna

Senior Researcher, Federal Research Centre «Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences», Doctor of History, Associate Professor (Sochi, Russia).

Для цитирования:

Белозёрова М.В. «Великая Черкесия»: к вопросу о мифах в информационном поле и историографии Западного Кавказа // *Мифологос.* Серия «Миф и общество: история, политика, социология», № 4, 2022. С. 53–64.

For citation:

Belozeroва M.V. «Great Circassia»: on the Issue of Myths in the Information Field and Historiography of the Western Caucasus // *Mythologos.* Myth and Society: History, Politics, Sociology Series, no. 4, 2022. С. 53–64.

УДК 94(73)

DOI: 10.35103/SMSU.2022.62.37.051

ВООБРАЖАЕМОЕ ПРОШЛОЕ АМЕРИКИ: МИФОЛОГИЗАЦИЯ КОЛОНИАЛЬНОГО ПРОШЛОГО В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ США

Филимонова Мария Александровна

Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Аннотация

Данное исследование посвящено анализу исторической мифологии и исторической политики в североамериканских колониях, а затем США второй половины XVIII в. Рассматривается как зарождающаяся американская историография, так и источники, отражавшие массовые представления, «публичную историю». Ко второй группе источников можно отнести периодическую печать. В ходе исследования использован имагологический метод. Проанализированы релевантные для американцев XVIII в. и высоко мифологизированные сюжеты колониальной истории. Делается вывод о высокой историзации массового сознания в рассматриваемый период.

Ключевые слова: История США; XVIII век; эпоха Просвещения; ранняя историография; историческая мифология

THE IMAGINARY PAST OF AMERICA: MYTHOLOGIZING THE COLONIAL PAST DURING THE FORMATION OF THE UNITED STATES

Filimonova Maria Alexandrovna

Kursk State University (Kursk, Russia)

Abstract

This study is devoted to the analysis of historical mythology and historical politics in the North American colonies, and then the United States in the late 18th century. The author considers both the nascent American historiography and the sources that reflected mass ideas, "public history". The second group of sources includes periodicals. In the course of the study, an imagological method has been used. The article analyzes the subjects of colonial history that were relevant to the Americans of the 18th century and highly mythologized. The conclusion is made about the high historicization of mass consciousness in the period under review.

Keywords: History of the United States; XVIII century; the Age of Enlightenment; early historiography; historical mythology

Введение

«Войны памяти», «мемориальные войны» – неотъемлемая часть современной исторической политики. На протяжении последних десятилетий и в России, и на Западе можно наблюдать, как происходит переформатирование пространства исторической памяти. Те, кто еще вчера считался героями, достойными прославления, вдруг по тем или иным причинам оказываются неприемлемыми для современной повестки. Их памятники свергаются у всех на глазах. Принимаются мемориальные законы, в которых предписанное отношение к тому или иному событию фиксируется юридически. Тем актуальнее обращение к опыту мемориальной политики прошлого.

Отсюда цель данного исследования: проанализировать исторические мифы периода становления Соединенных Штатов как независимого государства. Это

позволит определить особенности работы с историческим материалом в эпоху Просвещения, выявить механизмы мифологизации исторических событий и их использование в пропаганде.

Методы

Использован имагологический метод, позволяющий выявить в источниках образы Других. В данном случае в роли Других, причем конституирующих Других для формирующейся американской нации выступали различные исторические лица: «отцы-пилигримы», герои индейской истории, губернатор Новой Англии Эдмунд Андрос. Следует также отметить, что историческая память относится к явлениям, протекающим во времени «большой длительности» (*longue durée*, по терминологии Ф. Броделя), что позволило привлекать материал не только собственно периода Американской революции и ранней республики, но и более широкий контекст американской историографии XVIII в.

Литературный обзор

Мифотворчество – естественное свойство человеческого сознания [8, с. 86]. Мифологизации зачастую подвергаются исторические события и деятели прошлого. В последнее время этот процесс активно изучается историками, политологами, культурологами. Еще в 1920-х гг. М. Хальбвакс, основоположник исследований социальной памяти, ввел понятие коллективной памяти [10]. Сюда он относил представления об исторических событиях, разделяемые определенными социальными группами. Представительница гейдельбергской культур-антропологической школы Алейда Ассман говорит об устойчивости культурной памяти, закрепленной институционально. При этом определенная общность является носителем памяти, а память стабилизирует общность. Она может легитимировать или делегитимировать существующие властные институты [2, с. 29; 3, с. 221–226].

Отечественные исследователи также уделили внимание проблеме исторической памяти. Здесь следует вспомнить классические работы М.А. Барга, посвященные становлению историзма [4; 5]. Развитию коллективной исторической памяти на современном этапе посвящены исследования Н.Е. Копосова, В.А. Шнирельмана, О.Ю. Малиновой и др. Н.Е. Копосов отмечает «подъем памяти» в современном мире, историзацию современного мышления и даже одержимость «изобретенным прошлым» и связывает эти явления со стремлением различных социальных групп легитимировать себя через историю. В то же время, с его точки зрения, историческая политика как стремление определенных общественных сил навязать обществу свое понимание прошлого существовала всегда [6, с. 14–19, 52]. В.А. Шнирельман пишет о проблеме «престижного прошлого», которая определяет стремление современных этносов создать миф о происхождении как основу собственной легитимности [11, с. 12]. Политолог О.Ю. Малинова считает «историзацию» массового сознания характерным явлением современного мира и связывает ее с травматическим опытом XX в., затронувшим миллионы людей и превратившим историю в часть индивидуальной памяти; распространение знаний об истории вместе с обязательным всеобщим образованием; появление современных технологий визуализации прошлого, порождающих эффект присутствия [7, с. 6–7].

В то же время следует отметить, что ни американские, ни отечественные историки не баловали вниманием историческую культуру Войны за независимость.

В фокусе их исследований оказывалось прежде всего формирование культа Дж. Вашингтона, что лишь косвенно связано с исследуемой темой [напр.: 20; 18; 9].

Представляется, что здесь существует пробел, который отчасти призвана заполнить данная статья.

Результаты и обсуждение

Просвещение больше интересовалось будущим, чем прошлым. Время национальных историй пришло немного позже, вместе с романтизмом. Отношение Просвещения к прошлому противоречиво. Прошлое в рамках парадигмы прогресса воспринималось как заведомо уступающее настоящему. Но в то же время имела место идеализация и героизация прошлого. Ярче всего эти особенности проявлялись при восприятии античной истории, которая была для людей XVIII в. ближе и понятнее, чем их собственная. Еще одна характерная черта отношения американцев XVIII в. к истории определялась длительным периферийным положением, которое занимали колонии в Британской империи. История Великобритании была к тому времени хорошо разработана и составляла часть школьного курса. Колониальная историография делала лишь первые шаги. Ной Уэбстер, великий реформатор американского образования, отмечал: «Умы молодежи постоянно обращаются к истории Греции и Рима или к Великобритании» [22, vol. 1, p. 679]⁷.

Национальная история начала формироваться вместе с национальным самосознанием американцев. Исторические труды XVIII в., периодическая печать, документы личного происхождения позволяют оценить, как складывались национальные исторические мифы.

Одна из ключевых мифологем Просвещения – естественное состояние. Индейское прошлое (и настоящее) просвещенческой Америки воспринималось с легкой руки европейских авторов как реальное воплощение естественного состояния – одной из базовых исторических конструкций эпохи. С индейцами связано несколько актуальных для XVIII в. исторических мифов. В их числе попытка найти связь между индейцами и народами Старого Света. На том уровне знаний, когда этнография пребывала в зачаточном состоянии, а генетики просто не существовало, такие попытки лишь множили квазиисторические концепции. Интересно при этом, что представления о генезисе индейцев неизменно подчеркивали их инаковость, их роль Другого для колонистов. Такова «История американских индейцев» Джеймса Адэра (1775). Он считал, что ощущение собственной богоизбранности свойственно иудеям и «краснокожим американцам». Из других параллелей: обычай левирата, жестокое наказание за прелюбодеяние («возможно, ошибочное понимание моисеевых заповедей»⁸ – 146), принцип талиона. По убеждению Адэра, «индейцы строже, чем остальное человечество, привержены неотмененному закону Моисееву: «кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека» (Быт 9:6). Подобно израильтянам, сердца их пылают днем и ночью непрестанно, пока они не прольют кровь за кровь»⁹. Наконец, он находил параллели между индейскими языками и ивритом. В итоге делался вывод о еврейском происхождении индейцев [12, p. 34, 38–43, 146–147].

⁷ The minds of youth are perpetually led to the history of Greece and Rome or to Great Britain.

⁸ ...it might be adapted... by misunderstanding the Mosaic precept.

⁹ The Indians strictly adhere more than the rest of mankind to that positive, unrepealed law of Moses, "He who sheddeth man's blood, by man shall his blood be shed:" like the Israelites, their hearts burn violently day and night without intermission, till they shed blood for blood.

Эту же идею развивал в свое время Лас Касас, а из североамериканских колонистов – Роджер Уильямс и Джонатан Эдвардс.

Еще один мифологизированный сюжет индейской истории связан с «королем Таммани». По рассказу Джона Адамса, «Таммани был индейским королем в этой части континента (т.е. Пенсильвании. – *М.Ф.*), когда мистер Пенн впервые приехал сюда. Его двор находился в этом городе. Он был дружелюбен с мистером Пенном и очень услужлив с ним. Он жил здесь среди первых поселенцев некоторое время и до глубокой старости... Здешние люди почитают его святым и соблюдают его день»¹⁰ [13, vol. 2, p. 229–230]. Реально существовавший вождь делаваров Таманенд (Таммани) подвергался своеобразной санктификации. Он заполнял пустующую нишу святого покровителя Америки. Его культ строился по той же модели, что и культ св. Георгия в Англии или св. Патрика в Ирландии. Разница состояла лишь в том, что культ Таммани не носил религиозного характера.

К началу 1770-х гг. в Филадельфии и Аннаполисе стали проводиться ежегодные праздники в честь Таммани. Они проводились 1 мая, замечая сходные традиции европейского происхождения и одновременно продолжая их. Например, в День святого Таммани, отмечаемый 1 мая 1771 г. в Аннаполисе, был поставлен майский шест, украшенный лентами. Люди танцевали индейские танцы, держа в руках ленты и двигаясь по кругу вокруг шеста. После окончания Войны за независимость празднование Таммани распространилось по всей территории Соединенных Штатов. Оно было настолько важным событием, что в 1785 г. Джордж Вашингтон появился на фестивале Таммани в Ричмонде, вместе с виргинским губернатором Патриком Генри. Общество Таммани в Нью-Йорке провело свой первый фестиваль в 1787 году.

Первое общество Таммани возникло в 1772 г. в Филадельфии, хотя более известен нью-йоркский Таммани-холл. Отличительным их знаком было использование индейского колорита. Лидеры общества именовались сахемами, сами общества разных штатов – племенами. Например, в нью-йоркском Таммани-холл обосновалось Племя Орла, в Массачусетсе – Племя Пантеры, в Пенсильвании – Племя Гремучей Змеи и т.д. Сам Таммани-холл получил название «вигвама». Общества св. Таммани привлекали американцев независимо от происхождения. Герой комедии Уильяма Данлэпа «Отец» (1789) рассуждал: «Мой дед был ирландцем, отец – шотландцем, а сам я англичанин, так что меня приняли во все три общества. Я бы присоединился к св. Таммани, если он меня примет»¹¹ [17, p. 8]. В 1790-х гг., во многом благодаря инициативе Аарона Бэрра, активисты общества видели в нем «политический институт, основанный на прочной республиканской основе, демократические принципы которого послужат в какой-то мере исправлению аристократии нашего города»¹² [24, p. 202]. Так общество превратилось в политическую машину джефферсоновских республиканцев.

А вот другая архетипичная фигура индейской истории – Покахонтас – хотя и была известна в XVIII в., совершенно отличалась от знакомого нам образа из

¹⁰ Tammany was an Indian King, of this Part of the Continent, when Mr. Penn first came here. His Court was in this Town. He was friendly to Mr. Penn and very serviceable to him. He lived here among the first settlers for some Time and untill old Age... The People here have sainted him and keep his day.

¹¹ Why, my dear, my grandfather was an Irishman, my father a Scotchman, and I, myself, an Englishman, so I am received into the societies of the three nations. I would join Saint Tammany if he would let me.

¹² ...a political institution founded on a strong republican basis whose democratic principles will serve in some measure to correct the aristocracy of our city...

диснеевского мультфильма. В «Истории Виргинии» Роберта Беверли (1705) Покахонтас фигурирует в непривычной для нас роли. Сюжет спасения Джона Смита здесь отсутствует, а девушка, «превосходная дочь Паухэтана»¹³, способствует заключению договора между ее племенем и колонистами Джеймстауна. Ее брак с Джоном Рольфом приносит с собой прочный мир [15, p. 28]. А общеизвестная история Покахонтас появилась в 1797 г. в хрестоматии для школьников, созданной Ноем Уэбстером.

И Покахонтас, и Таммани связаны с периодом основания колоний, и это не случайно. Здесь проявлялась универсальная закономерность – мифологизация времени первотворения.

В роли первопредков, объектов культа выступали «отцы-пилигримы» Нового Плимута. Случалось, что американцы пытались вписать собственную историю в мировую историю. Так, Томас Принс в «Хронологической истории Новой Англии» (1736) начинал изложение событий с сотворения Адама. Но чаще они возводили свое «первотворение» к 1620-му году – к прибытию корабля «Мэйфлауэр» к берегам Новой Англии. Канонический образ «отцов-пилигримов» создавала Мерси Отис Уоррен в своей «Истории Американской революции» (опубликована в 1805 г., но создана раньше этой даты): «Угнетенные в Британии деспотическими королями и преследуемые яростью прелатов, они бежали в далекую страну, где желания людей были ограничены потребностями природы; где цивилизация не создала тех искусственных желаний, которые для своего удовлетворения слишком часто ломают все моральные и религиозные связи»¹⁴ [23, vol. 1, p. 5]. Историк Ханна Адамс, как и Мерси Уоррен, уроженка Новой Англии, употребляла в отношении «отцов-пилигримов» клише «пламенная любовь к свободе». Она писала в своей «Общей истории Новой Англии» (1799): «Пламенная любовь к свободе, непоколебимая привязанность к правам человека, желание и стремление передать их отдаленнейшему потомству были принципами, определявшими их поведение...»¹⁵ [14, p. 28].

Мифологизация «отцов-пилигримов», вероятно, облегчалась тем обстоятельством, что о ранней истории Массачусетса в тот период мало что было известно. Записи У. Брэдфорда о поселении в Плимуте – основной источник, повествующий об «пилигримах», – были найдены лишь в 1853 г. Зато здесь были задействованы сразу две просвещенческие мифологемы: естественное состояние и общественный договор. История «пилигримов», казалось, идеально вписывалась в готовую модель. Их прибытие в Америку описывалось как возвращение к природе. Так, Дж. Адэр в своей «Истории американских индейцев» приписывал им «естественную жизнь» в согласии с «законами разума» и «честной природой»¹⁶ [12, p. 432]. А вот как рассуждал политик-виг (т.е. сторонник прав Америки,

¹³ the Excellent Daughter of Powhatan.

¹⁴ Oppressed in Britain by despotic kings, and persecuted by prelatic fury, they fled to a distant country, where the desires of men were bounded by the wants of nature; where civilization had not created those artificial cravings which too frequently break over every moral and religious tie for their gratification.

¹⁵ ...an ardent love of liberty, an unshaken attachment to the rights of men, with desire to transmit them to their latest posterity, were the principles, which governed their conduct.

¹⁶ The old men tell us, they remember our colonies in their infant state, -- that when the inhabitants were poor and few in number, they maintained prosperous wars against the numerous combined nations of red people, who surrounded them on all sides; because in those early days, the law of reason was their only guide. In that time of simplicity, they lived after the temperate manner of the red people. They copied after honest nature, in their food, dress, and every pursuit, both in domestic and social life.

революционер) С. Даунер из Род-Айленда (1768): «Наши предки с согласия своего государя эмигрировали из Англии, чтобы избежать чудовищных преследований, которые тогда происходили в той стране. Они претерпели всяческие беды и трудности, пока не сумели как следует закрепиться в Новом свете...»¹⁷. Далее он рисовал идеализированный образ «отцов-пилигримов», которые знали «роскошь, расточительность и распущенность лишь по имени»; поощряли развитие религии и образования; создавали мудрые законы. «Словом, ни одна страна никогда не знала подобного счастья»¹⁸ [16, р. 3–4]. Ранний Массачусетс (а Новый Плимут впоследствии стал частью именно этой колонии) становился материалом для «ретроспективного утопизма» [термин используется Т.В. Артемьевой: 1, с. 9–10]: в прошлом будущие основатели США, как им казалось, находили тот период, когда царила гармония и свобода.

Создание колониальных хартий переосмысливалось в соответствии с парадигмой общественного договора. Сэмюэль Адамс выстраивал стройную теорию: первопоселенцы колоний могли рассматриваться как находящиеся в естественном состоянии. Они обладали естественными правами, и ни одно правительство на Земле не могло лишить их малейшего из этих прав. «Отцы-пилигримы» могли связать себя общественным договором с любым народом мира, но предпочли создать собственное правительство и избрать короля Англии своим королем по собственной свободной воле [21, 17.03.1766]. Отсюда прокидывался «мостик» в современность. Автор статьи в «Boston Gazette» был уверен: массачусетцев преследуют за то, что «их предки успешно сопротивлялись тирании»¹⁹ [21, 13.02.1769]. «Пилигримы», таким образом, выступали для американских революционеров-вигов конституирующим Другим, в сравнении с которым они выстраивали собственный образ как наследников и продолжателей их борьбы за свободу.

Вокруг «отцов-пилигримов», как и вокруг «короля Таммани», формировались определенные ритуалы. В 1769 году семеро потомков пассажиров «Мэйфлауэр» основали Клуб Старой колонии в честь дня высадки «пилигримов». Так впервые в Америке был отпразднован День предков (Forefathers' Day). В «Истории Новой Англии» (1804) Джедедии Морзе и Элайджи Пэриша День предков описывается как религиозный праздник: «После публичного богослужения, чтобы сильнее запечатлеть в умах положение достойных предков, моллюски, рыба, молотые орехи и жертвы из леса составили часть благодарственной трапезы»²⁰ [19, р. 45].

Если в колониальной истории американцы XVIII в. находили архетипичных героев, то был там и архетипичный злодей: Эдмунд Андрос, губернатор доминиона Новая Англия (1686–1689). Сама история этого административного образования не могла не быть одиозной в глазах американских патриотов. Как уже говорилось, в колониальных хартиях они видели документальную фиксацию общественного

¹⁷ Our forefathers, with the permission of their sovereign, emigrated from England, to avoid the unnatural oppressions which then took place in that country. They endured all sorts of miseries and hardships, before they could establish any tolerable footing in the new world.

¹⁸ In fine, no country ever experienced more perfect felicity.

¹⁹ The people of Boston are unfortunately descended from a race of ancestors who were the successful opposers of arbitrary power, and are therefore more particularly obnoxious to those who wish to establish a ministerial despotism.

²⁰ After public worship, more forcibly to impress their minds with the circumstances of their meritorious forefathers, clams, fish, ground nuts, and victims from the forest, constitute a part of their grateful repast.

договора. И именно эти хартии король Яков II отменил, объединив северные колонии в доминион Новая Англия. Андрос к тому же вызвал негодование своими действиями: попытками использовать пуританские молельные дома для англиканских богослужений, ввести новую систему налогообложения и перерегистрацию земельных участков. Он был свергнут в 1689 г., когда до Новой Англии докатилась Славная революция.

Отношение к нему со стороны революционеров XVIII в. было соответствующим. Ханна Адамс писала: «Сэр Эдмунд Андрос начал свою администрацию с высоких заявлений о заботе об общественном благе. Однако вскоре он явил свой произвол и обогатил себя и своих последователей путем самых дерзких нарушений прав народа»²¹ [14, p. 143]. В «Boston Gazette» Андрос упоминался наряду с наиболее ненавистными английскими роялистами предыдущего века: Страффордом, Лодом, Кларендоном [21, 23.05.1768]. С ним же сравнивали непопулярного в Массачусетсе королевского губернатора Бернарда. Славная революция и свержение Андроса представлялись оправданным и законным сопротивлением угнетению, образцом для поведения современников и участников Американской революции.

По итогам исследования можно выделить следующие результаты. Историческая память в эпоху становления США формировалась во многом в соответствии с теми же закономерностями, что и историческая память современных молодых государств. В частности, обращает на себя внимание стремление «переизобрести» собственное прошлое и использовать его для легитимации новорожденной государственности.

Новизна исследования состоит в самой постановке проблемы: историческая культура Американской революции XVIII в. до сих пор не была предметом специального исследования. Представляется также новым использование имагологического метода, позволяющего раскрыть роль исторических деятелей как конституирующего Другого для формирующейся американской идентичности.

Заключение. Даже в исследуемую эпоху – век Просвещения, ориентированный на прогресс, а отнюдь не на идеализацию прошлого, – историзация массового сознания, несомненно, присутствует. Для поколений 1760-х – 1780-х гг. в Америке, переживших распад империи и становление новой государственности, история имела первостепенное значение. Об этом говорит активная мифологизация прошлого, например, превращение реальных «отцов-пилигримов» в идеальных первопредков, с которыми можно сверять свои поступки. О том же говорит стремление к визуализации истории через ее ритуальное воспроизведение (День предков, общества Таммани). Историзация мышления была связана также со стремлением найти собственную идентичность в условиях, когда прежняя, имперская, оказалась разрушенной. История также использовалась как материал для «ретроспективной утопии». Историческая культура второй половины XVIII в. в североамериканских колониях, а затем в США впервые становится предметом анализа в отечественной историографии.

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по ранней истории США, историографии и культуре этой страны.

²¹ Sir Edmund Andros began his administration with high professions of regard for the public welfare. He soon, however, exhibited his arbitrary character, and enriched himself and his followers by the most daring violations of the rights of the people.

Литература

1. Артемьева Т.В. От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопии в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005. 251 с.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 325 с.
3. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 547 с.
4. Барг М.А. Шекспир и история. М.: Наука, 1979. 222 с.
5. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с.
6. Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
7. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4. С. 6–22.
8. Ставицкий А.В. Миф как смысловая матрица культуры и ее универсалия. Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С. 86–92.
9. Ушаков В.А. Джордж Вашингтон: формирование имиджа «отца страны» // Клио. 2000. №1. С. 232–234.
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
11. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. 603 с.
12. Adair J. The History of the American Indians. L.: E. & C. Dilly, 1775. 464 p.
13. Adams Family Correspondence: 4 vols. / ed. by L.H. Butterfield. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1963.
14. Adams H. A summary history of New-England: from the first settlement at Plymouth, to the acceptance of the federal Constitution. Dedham [Mass.]: Printed for the author, by H. Mann and J.H. Adams, 1799. 513 p.
15. Beverley R. The History of Virginia. Richmond: J. W. Randolph, 1855. 264 p.
16. Downer S. Discourse, delivered in Providence, in the colony of Rhode Island, on the 25th day of July, 1768. At the dedication of the tree of liberty... Providence: Printed and sold by John Waterman, 1768. 16 p.
17. Dunlap W. The Father: Or, American Shandyism, a Comedy. N.Y.: Dunlap society, 1887. 68 p.
18. Longmore P.K. The Invention of George Washington. Berkeley e.a.: University of California, 1988. 337 p.
19. Morse J., Parish E. A Compendious History of New England: Designed for Schools and Private Families. Amherst. N.H.: Thomas & Whipple, no. 2, State street, 1809. 336 p.
20. Schwartz B. George Washington. The Making of an American Symbol. N.Y.–L.: Free Press, 1987. 250 p.
21. The Boston-Gazette, and Country Journal. 1766–1769.

22. The Founders' Constitution: 5 vols. / ed. by R.B. Kurland and R. Lerner. Chicago – London: The University of Chicago Press, 1987.

23. Warren M.O. History of the Rise, Progress, and Termination of the American Revolution: 2 vols. Indianapolis: Liberty Classics, 1988.

24. Young A.F. The Democratic Republicans of New York: The Origins, 1763–1797. Chapel Hill: UNC Press Books, 2012. 656 p.

References

1. Artemeva T.V. Ot slavnogo proshlogo k svetlomu buduschemu. Filosofiya istorii i utopii v Rossii epohi Prosvetsheniya [From the Glorious Past to the Bright Future. Philosophy of History and Utopia in Enlightenment Russia]. St. Petersburg: Aleteyya, 2005. 251 p. (In Russian).

2. Assman A. Dlinnaya ten proshlogo. Memorialnaya kultura i istoricheskaya politika [The Long Shadow of the Past. Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 325 p. (In Russian).

3. Assman A. Zabvenie istorii – oderzhimost istoriey [Forgetting History – Obsessed with History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 547 p. (In Russian).

4. Barg M.A. Shekspir i istoriya [Shakespeare and History]. Moscow: Nauka, 1979. 222 p.

5. Barg M.A. Epohi i idei. Stanovlenie istorizma [Epochs and Ideas. Formation of Historicism]. Moscow: Myisl, 1987. 348 p.

6. Kuposov N.E. Pamyat strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii [Strict-mode memory. History and Politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 320 p.

7. Malinova O.Yu. Kommemoratsiya istoricheskikh sobyitiy kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of Historical Events as a Symbolic Policy Tool: Comparative Analysis Opportunities] // Politiya. 2017. # 4. Pp. 6–22.

8. Stavitskiy A.V. Mif kak smyslovaya matritsa kultury i ee universal'nyy. Mif v istorii, politike, kulture [Myth as a Semantic Matrix of Culture and its Universal. Myth in History, Politics, Culture] [Electronic resource]: Collection of materials of the IV International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2020, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Branch of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov in the city of Sevastopol, 2020. Pp. 86–92.

9. Ushakov V.A. Dzhordzh Vashington: formirovaniye imidzha «ot'tsa strany» [George Washington: Forming the Image of the "Father of the country"] // Klio. 2000. #1. Pp. 232–234.

10. Halbvaks M. Sotsialnyye ramki pamyati [Social Framework of Memory]. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p.

11. Shnirelman V.A. Voynyi pamyati: mify, identichnost i politika v Zakavkaze [Wars of Memory: Myths, Identity, and Politics in Transcaucasia]. Moscow: IKTs «Akademkniga», 2003. 603 p.

12. Adair J. The History of the American Indians. L.: E. & C. Dilly, 1775. 464 p.

13. Adams Family Correspondence: 4 vols. / ed. by L.H. Butterfield. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1963.

14. Adams H. A summary history of New-England: from the first settlement at Plymouth, to the acceptance of the federal Constitution. Dedham [Mass.]: Printed for the author, by H. Mann and J.H. Adams, 1799. 513 p.
15. Beverley R. The History of Virginia. Richmond: J. W. Randolph, 1855. 264 p.
16. Downer S. Discourse, delivered in Providence, in the colony of Rhode Island, on the 25th day of July, 1768. At the dedication of the tree of liberty... Providence: Printed and sold by John Waterman, 1768. 16 p.
17. Dunlap W. The Father: Or, American Shandyism, a Comedy. N.Y.: Dunlap society, 1887. 68 p.
18. Longmore P.K. The Invention of George Washington. Berkeley e.a.: University of California, 1988. 337 p.
19. Morse J., Parish E. A Compendious History of New England: Designed for Schools and Private Families. Amherst. N.H.: Thomas & Whipple, no. 2, State street, 1809. 336 p.
20. Schwartz B. George Washington. The Making of an American Symbol. N.Y.–L.: Free Press, 1987. 250 p.
21. The Boston-Gazette, and Country Journal. 1766–1769.
22. The Founders' Constitution: 5 vols. / ed. by R.B. Kurland and R. Lerner. Chicago – London: The University of Chicago Press, 1987.
23. Warren M.O. History of the Rise, Progress, and Termination of the American Revolution: 2 vols. Indianapolis: Liberty Classics, 1988.
24. Young A.F. The Democratic Republicans of New York: The Origins, 1763–1797. Chapel Hill: UNC Press Books, 2012. 656 p.

Сведения об авторе:

Филимонова Мария Александровна

ведущий научный сотрудник Центра изучения США ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук (г. Курск, Россия).

E-mail:

Bionotes:

Filimonova Maria Alexandrovna

Leading Researcher, Center for the Study of the United States, Kursk State University, Doctor of Historical Sciences (Kursk, Russia).

Для цитирования:

Филимонова М.А. Воображаемое прошлое Америки: мифологизация колониального прошлого в период образования США // Мифологос. Серия «Миф и общество: история, политика, социология», № 4, 2022. С. 65–74.

For citation:

Filimonova M.A. The Imaginary Past of America: Mythologizing the Colonial Past during the Formation of the United States // Mythologos. Myth and Society: History, Politics, Sociology Series, no. 4, 2022. С. 65–74.

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ:
ТИПОЛОГИЯ И МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ**

УДК 930.2, 101.1:316.42

DOI: 10.35103/SMSU.2022.58.23.052

**«ВЕЧНОСТЬ» ЭТАТИСТСКОГО МИФА В ЗАКРЫТЫХ ОБЩЕСТВАХ И
«БЕССМЕРТНОЕ» ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ**

Трофимцева Светлана Юрьевна

Национальный исследовательский университет "Московский энергетический институт (г. Москва, Россия)

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва (г. Самара, Россия)

Аннотация

В статье анализируется содержание мифа о «разумности» и «абсолютном» превосходстве государства как субъекта социальных отношений над личностью и обществом, разработанное в философско-политических построениях Г.В.Ф. Гегеля. Выдвигается тезис о том, что этатистский миф можно рассматривать как семантическое ядро легитимирующих макронарративов властных элит закрытых обществ.

Ключевые слова: этатистский миф, государство, закрытое общество, властная элита, легитимирующий макронарратив, «лица власти»

**THE "ETERNITY" OF THE STATIST MYTH IN CLOSED SOCIETIES AND
THE "IMMORTAL" PHILOSOPHICAL AND POLITICAL HERITAGE OF
G.V.F. HEGEL**

Trofimtseva Svetlana Yurievna

National Research University "Moscow Power Engineering Institute" (Moscow, Russia)
Korolev Samara National Research University (Samara, Russia)

Abstract

The article analyzes the content of the myth about «rationality» and «absolute» superiority of the state as a subject of social relations over the individual and society, developed in the philosophical and political constructions of G.V.F. Hegel. The thesis is put forward that the statist myth can be regarded as the semantic core of the legitimizing macronarratives of the power elites of closed societies.

Keywords: Etatist myth, state, closed society, power elite, legitimizing macronarrative, «faces of power»

Введение (Introduction)

Формирование глобального информационного пространства в условиях генезиса и эволюции постиндустриального общества (Д. Белл) способствовало серьёзной трансформации социокультурной и политической реальности и обеспечило, в том числе, доступ значительной части человечества к научной и научно-популярной информации, на лавинообразный рост которой

непосредственно влияет прогресс наук и технологий. Однако, несмотря на то, что увеличивается количество людей с высшим образованием и, как показывают социологические исследования, обобщаемые в ежегодных картах ценностей Р. Инглхарта – К. Вельцеля, в мировоззрении («мироотношении», по Р. Инглхарту) жителей ряда регионов планеты усиливаются секулярно-рациональные тенденции [12], вместо «всепроникающей рационализации» социальных сфер, прогнозируемой в начале XX в. М. Вебером, человечество, как отмечал первый из философов лауреат Нобелевской премии А. Бергсон ещё в 1930-е гг., «лишь сильнее приковывает себя к абсурду и заблуждению», поскольку «самые низменные суеверия так долго были универсальным фактором», что «они ещё сохраняются» до сих пор [1, с. 109]. Такая ситуация (поддерживаемая в постиндустриальную эпоху, в том числе, за счёт распространения социальных сетей и кардинальной трансформации в виртуальном пространстве средств информационного обмена в прямую сетевую коммуникацию («люди-журналы» – блогеры)) обеспечивает в общественном сознании «благодатную почву» для сохранения и трансляции как естественных, так и искусственных мифов. В числе последних значимую роль для социума в контексте международных и, особенно, внутренних отношений играют политические мифы, которые, как указывал Э. Кассирер, «как змея», парализуют людей, и люди «становятся жертвами мифов без серьёзного сопротивления», поскольку они «побеждены и покорены ещё до того, как оказываются способны осознать, что на самом деле произошло» [6]. В современной политической реальности эта способность мифов, в том числе, искусственно созданных, должна неизбежно использоваться вновь и вновь, в том числе, в целях удержания господства властными элитами, прежде всего, элитами «закрытых обществ» (А. Бергсон).

Однако, поскольку, согласно Э. Кассиреру, новые политические мифы «не возникают спонтанно», а «создаются в соответствии с планом» [6], этот «план» должен предусматривать генерацию семантического ядра мифа в соответствии с поставленными властной элитой задачами в политическом поле. Для наиболее эффективного решения подобных задач такие мифы творятся «ловкими и умелыми мастерами» (Э. Кассирер), которые не только самостоятельно создают весь нарратив мифа, но и, что вполне логично, используют для его создания идеи и теории, обоснованные в философско-политической мысли, нужные и важные для властной элиты в той или иной социальной ситуации. И в этой связи весьма актуальным остаётся анализ одного из классических политических мифов – мифа о «абсолютности», «разумности» государства, реальности его существования не в качестве института политической подсистемы (идея Г. Спенсера, развитая затем Т. Парсонсом и др.), а как безусловно высшего субъекта социальных отношений, имеющего интересы, абсолютно доминирующие над интересами общества и личности. Такая теория весьма детально была обоснована ещё в первой половине XIX века Г.В.Ф. Гегелем и стала «вечным» этатистским мифом, обращение к которому в современную эпоху в ряде государств крайне показательным и интересным.

Методы (Methods)

В настоящей работе использован ряд общенаучных методов: метод логико-теоретического анализа, метод сравнительно-исторического анализа, метод логико-исторической реконструкции и типологизации.

Литературный обзор (Literature Review)

Философско-исторические воззрения Г.В.Ф. Гегеля в историографии подвергались широкому исследованию. Достаточно назвать работы Б. Рассела, Р. Арона, Р.Дж. Коллингвуда и Э. Трельча, И.А. Ильина и Г.В. Плеханова, а также В.Н. Кузнецова, А.М. Каримского, М.Ф. Овсянникова, В.С. Нерсесянца и др. Однако следует отметить, что исследователи сосредоточивали своё внимание на выявлении истоков гегелевских построений, на анализе конкретных философско-политических идей Гегеля вне связи с политическим мифотворчеством. Отдельно следует отметить только исследование идей Гегеля К. Поппером, встроившим его теорию в ряд историцистских концепций, начиная с философско-политических построений Гераклита и Платона и заканчивая теорией К. Маркса, считая их идейной почвой для возникновения тоталитарных режимов XX века.

Результаты и обсуждение (Results and discussion)

С одной стороны, исходя из рассмотренной выше ситуации, в очередном возрождении этатистского мифа не должно быть ничего принципиально нового. Постепенная замена ещё в эпоху Нового времени традиционного господства легальным (М. Вебер) требовала от властной элиты поиска максимально адекватных способов реализации «двух лиц власти»²² (П. Бахрах и М. Барац) в сочетании с неиспользованием государственного террора как постоянной внутривластной практики. Наиболее оптимальным решением для властной элиты, как было показано С. Льюксом, становится реализация «третьего лица» власти²³. В результате этого властная элита, приобретая высшие полномочия любым путём, включая законный, и, в соответствии с «железным законом олигархии» (Р. Михельс) стремящаяся как можно дольше сохранить возможность распоряжаться властью, получает в общественном сознании легитимацию (А. Грамши) своего права на использование таких полномочий, в том числе, и права на насилие как санкцию за нарушение принятых ею законов в её же собственных интересах.

В этой связи суперэтатистская теория Г.В.Ф. Гегеля должна была быть использована для создания универсального семантического ядра политического мифа в целях обоснования со стороны властной элиты тезиса о том, почему граждане должны, отказываясь от реализации собственных интересов, реализовывать интересы властной элиты, одобряя своё же поведение и считая его правильным и нравственным. Это демонстрирует важную функцию политического мифа – быть не только одним из инструментов управления массами, но и одним из средств регуляции социальных отношений, в том числе, за счёт перевода социальных конфликтов из явного в латентное состояние.

В философско-политических построениях Гегеля (где далеко не все идеи отличаются оригинальностью и новизной) присутствует практически весь набор необходимых атрибутов, которые изменяют индивидуальную и общественную политическую мотивацию в пользу признания приоритета интересов властной

²² «Первое лицо власти», по П. Бахраху и М. Барацу состоит в том, что она заставляет граждан делать что-то для неё, а «второе лицо» – в том, что заставляет людей не делать что-то для них самих.

²³ «Третье лицо власти», по С. Льюксу, предполагает использование массивного информационно-психологического воздействия на управляемое большинство для изменения политической мотивации граждан, что позволяет властной элите реализовывать первые «два лица» при активном одобрении большинства общества.

элиты, что составляет квинтэссенцию этатистского мифа и распространяет на эти построения характеристики мифа вообще и искусственного политического мифа в частности как сформированного не в результате длительных процессов в общественном сознании, а в результате целенаправленной деятельности властной элиты по созданию политических нарративов, укрепляющих, с одной стороны, социальный статус конкретной властной элиты, а с другой (даже учитывая фактор навязывания таких нарративов путём массивированной пропаганды), принятых, в конечном счёте, общественным сознанием, что позволило таким мифам встроиться в социальное мироотношение и повлиять на корректировку в нужном направлении политического поведения граждан.

Отталкиваясь от теории С. Льюкса, универсальной целью искусственного политического мифа можно считать стремление властной элиты убедить «агрессивно-послушное большинство» (Ю. Афанасьев²⁴) добровольно и сознательно отказаться от своих «обособленных частных интересов» (Г.В.Ф. Гегель) в пользу интересов властной элиты, которые, исходя из теории Гегеля, выступают уже не интересами небольшой по численности олигархической группы, на относительно небольшой срок или на весьма продолжительное время сконцентрировавшей власть в своих руках, а интересами «Государства», которое необходимо превратить в нечто сакральное, поднятое на недостижимую для индивида высоту и никоим образом не сравнимое с ним.

Гегель блестяще реализовал указанную необходимость, прежде всего, за счёт создания прямой и неразрывной корреляции между духом – вечной, сверхразумной и абсолютной субстанцией, и государством – наличным, развёртывающимся в действительности «образом» и «организацией мирового духа» [2, с. 293]. Такая корреляция повлекла за собой формирование ряда логических связей, совокупность которых замыкается в единый семантический конструкт.

Итак, если государство – это «мир, созданный духом для себя» [2, с. 310], то, во-первых, оно становится безусловно высшим по отношению к обществу и индивиду. Во-вторых, как творение мирового духа, государство у Гегеля утверждается как «в себе и для себя разумное» [2, с. 258], как «подлинный, сам себя осуществляющий разум» [3, с. 338]. Иными словами, государство становится высшей субстанцией, близкой к пониманию Г.В. Лейбницем духовной субстанции, целью и смыслом существования которой является оно же само как «бесконечное в самом себе» [10, с. 227].

Из этих двух утверждений Гегеля логично вытекает введение государства в социальные отношения в качестве субъекта, причём абсолютно высшего по сравнению с обществом и, тем более, индивидом. И этот высший субъект, обладая разумом и волей, противопоставляется человеку, поскольку государство, в отличие от индивида, не способно на генерацию и реализацию эгоистичных устремлений, прежде всего, потому, что, по Гегелю, государство – это моральная и «обладающая самосознанием нравственная субстанция» [4, с. 350]. При этом мораль и нравственность – это не социоисторические феномены, формируемые в процессе развития общества и постоянно изменяющиеся, и, тем более, не социальные институты, находящиеся в процессе постоянной трансформации (Э. Дюркгейм), а нечто трансцендентное по отношению к социуму, а, следовательно, статичное и

²⁴ Ю.Н. Афанасьев, бывший ректор Московского историко-архивного института, депутат I съезда народных депутатов СССР.

объективное для человека. Из чего следует, во-первых, утверждение незыблемости «духовно-нравственных скреп» для общества, перечень которых декларируется на уровне государственной идеологии (что из имманентных и делает эти «скрепы», по сути, трансцендентными), и может быть утверждён даже нормативными правовыми актами. А во-вторых, консервация морали и нравственности практически бесспорно демонстрирует тенденцию превращения социума в «закрытое общество», где мораль, как писал А. Бергсон, закрепляется «в нравах, идеях, институтах» и носит «обязательный характер» [1, с. 291]. Поэтому любое изменение морально-нравственных норм невозможно, поскольку, если мораль и нравственность – не творение государства, а его атрибуты в наличном бытии²⁵, то изменения морали и нравственности не может иметь место как по объективным причинам (это сущностные характеристики существования государства), так и по субъективным (изменение – это корректировка ошибки, а высший разум не ошибается). И, в-третьих, любая попытка со стороны индивида просто заявить о допустимости иных морально-нравственных установок становится посягательством на безопасность государства, его стабильность и подрыв его духовной основы – сущности его бытия, а сам индивид, как указывал ещё М.Ф. Овсянников, существует как нравственный только «лишь постольку, поскольку он член государства» [7, с. 205], и ему фактически позволено приобщиться к надперсональной нравственности, но не менять её и даже не пытаться осмыслить рациональность соблюдения этих норм с точки зрения здравого смысла.

Кроме того, абсолютная разумность государства превращает его у Гегеля в безусловно свободного и единственно полностью свободного субъекта, ибо, как воплощение объективного духа (а «сущность духа <...> есть свобода» [4, с. 25]), свобода имманентна только для государства, и лишь государство как сверхразумный субъект способно познать необходимость, недоступную для индивида и общества, так как в этой необходимости раскрывается стремление мировой духа стать абсолютным духом. Тем самым, противопоставляя государство как абсолютный разумный свободный субъект произволу «частных» волей, Гегель превращает его, во-первых, в «абсолютную самоцель для себя» [7, с. 205], а во-вторых, в высшую цель для каждого его гражданина, поскольку лишь государство способно, соединив «блага индивидов», всё это «свести к жизни всеобщей субстанции» [3, с. 316].

И уже на этом базисе очевидность приобретает ещё одна значимая идея Гегеля: априорная сакральность любых, принятых государством, законов, ибо закон «заключает в себе разумное определение объективного духа» [3, с. 319], и такой закон а priori не может быть направленным против общественного или индивидуального блага, как и не может быть абсурдным, ибо он – творение «нравственной субстанции», поэтому, приходит к выводу Гегель, «истинный закон и есть свобода» [3, с. 319]. Следовательно, нарушая законы, граждане обрекают себя не только на полную несвободу, но и посягают на «нечто святое», коём Гегелю представляется право как «наличное бытие абсолютного понятия,

²⁵ Здесь более точным будет употребление не часто употребляемого термина «Dasein» (букв. «наличное бытие») – объективное эмпирическое наличие вещи, а «Wassein» (букв. «определённое бытие»), выражающее определённую бытия данного предмета как сформированного объекта или его свойства.

самосознательной свободы» [2, с. 90]. А это лишает граждан государства права в ситуации грубого и постоянного нарушения их юридических и естественных свобод не только на вооружённое восстание против властной элиты²⁶, но и на любые формы протеста, включая «мирно и без оружия», ибо это есть, согласно Гегелю, «не только нарушение субъективно-бесконечного, но и всеобщего дела» [2, с. 256]. Иными словами, из этой идеи Гегеля с необходимостью вытекает то, что нарушитель закона никогда не может и не имеет права заявлять о стремлении защитить права других граждан или об оправдании своего нарушения желанием улучшить ситуацию в стране, он всегда посягает на стабильность государства, на общее благо, детерминированное интересами абсолютно высшей нравственной субстанции. Поэтому государство у Гегеля, как указывал К.Р. Поппер, «не может оцениваться по какой-либо иной норме и, в особенности, по меркам гражданской морали» [9, с. 79], – оно неморально с позиции общечеловеческой и прочей морали, оно вне поля субъективного человеческого добра и зла.

Исходя из этого, абсолютную свободу можно рассматривать как своего рода ноуменальную сторону государства как субстанции, характеризующейся «бытием-для-себя», а «абсолютное долженствование» [3, с. 306] – как феноменальную сторону государства в системе общественных отношений, где противоположным государству субъектом выступает индивид. И тогда главная, основная задача существования человека Гегелем вполне логично определяется как реализация «своего долга» (как отмечал А. Бергсон, именно такая формула «это твой долг» способна победить сомнения, «которые могли бы возникнуть» [1, с. 7] при отказе от реализации индивидуальных интересов, что формирует, по мнению Бергсона, у человека иррациональную привычку повиноваться, ибо «надо, потому что надо» [1, с. 22]. Долг индивидов становится их «всеобщей обязанностью» перед государством, суть которой заключается в том, чтобы «жертвовать собой для сохранения индивидуальности государства» [2, с. 361], поскольку, как отмечал А. Бергсон в отношении закрытых обществ, индивид предназначен только для того, чтобы «слепо служить интересам коллектива» [1, с. 127], и сам он – лишь «элемент», а не личность²⁷. И только при этом условии человек у Гегеля получает право (и обязанность!) «быть счастливым», реализовывать которое, согласно «вершине немецкой классической философии», ему активно помогает полиция²⁸. При этом государству дозвоительно жертвовать некоторым, возможно, даже большим, количеством своих граждан «ради благой цели», и не просто «дозвоительно», а даже «обязательно», и при этом дозвоительно и обязательно «нарушать то, что священо, следовательно, делать преступление средством для достижения благой цели» [2, с. 189].

Такой «благой целью» у Гегеля один из главных критиков его политических идей К. Поппер считал историческую миссию государства, реализация которой (исключительно) может выступать «единственной возможной нормой» для оценивания государства, – это «всемирно-исторический успех его действий» [9, с. 80] или же их провал. И тогда государства для Гегеля, соединяя в себе как

²⁶ См. вторую поправку к Конституции США.

²⁷ Неслучайно Бергсон сравнивал такие общества с пчелиным роем и муравейником.

²⁸ По некоторым свидетельствам современников, кто-то из познакомившихся с «Русской правдой» П. Пестеля, спросил у её автора: «Как в твоём государстве человек сможет стать счастливым?», и Пестель ответил: «Чтобы человек стал счастливым, в каждый уезд нужно отправить лишнюю тысячу жандармов».

эмпирический, так и трансцендентальный уровень истории [11, с. 67], становятся единственными реальными и подлинными субъектами мирового исторического процесса, чем, по мнению А.М. Каримского, утверждается гипертрофированная роль государства в истории [5, с. 138].

Однако в реальной ситуации у властной элиты, отправляющей на смерть своих сограждан и превращающей преступление в норму государственной политики ради «всемирно-исторического успеха» может возникнуть и, как показывает история, возникала проблема из-за нежелания некоторых граждан становиться «средством» для «благой цели» государства. Но в одном из решений этой проблемы Гегель совершенно не оригинален: идея передачи контроля над воспитанием детей для формирования у будущих граждан нужного государству мышления и мировосприятия была озвучена ещё Платоном (которого К. Поппер относил к авторам первых тоталитарных теорий), а затем развита Томмазо Кампанеллой. Другое решение этой проблемы Гегелем предлагается через снятие возможного противоречия между интересами общества (народа как нации) и интересами государства. Указанное противоречие у Гегеля становится полностью иллюзорным, поскольку реальным в данной конструкции может быть только противоречие между интересами государства и интересами личности, а нация у Гегеля не может противостоять государству, поскольку её основной, по сути, имманентной целью в историческом бытии становится «быть государством и поддерживать себя в качестве такового» [4, с. 368]. Эта идея Гегеля также оказалась крайне продуктивной в плане создания этатистского мифа: индивид, выступая против государства, фактически выступал против собственного народа, составившего единое целое с государством.

Исходя из всего выше сказанного, конструкция Гегеля, где государство – абсолютный разумный субъект, безусловной высший в системе социальных отношений, единственный, действительно стремящийся к достижению всеобщего блага, воплощающий в себе дух народа, моральный и нравственный, по отношению к которому гражданин обязан жертвовать собой и не может нарушать или даже сомневаться в правильности не только принятых государством законов, но и установленных от его имени морально-нравственных норм, – в плане практического воплощения в мифологизаторской деятельности властной элиты секулярной части мира имела один маленький недостаток: вся конструкция базировалась на идее существования мирового духа (абсолютной идеи, абсолютного духа), изъятие которой, казалось бы, должно было обрушить всю конструкцию. Тем не менее, этого не произошло, и этатистский миф Гегеля нашёл своё воплощение в официальных идеологиях ряда государств XX – XXI вв., встраиваясь в них как неотъемлемая часть, как семантическое ядро легитимирующих макронарративов (Ж.Ф. Лиотар), создаваемых властными элитами в целях сохранения своих властных полномочий и оправдания своих действий апелляцией к интересам «Государства» и его благу, что нашло естественный отклик в общественном сознании, прежде всего, благодаря возникшей связи с патерналистскими ожиданиями определённой, иногда, значительной части общества. Можно рассматривать как вполне логичное то, что обращение властной элиты к этатистскому мифу, как, собственно, и прибегание к самой мифотворческой функции вообще, которая, как утверждал А. Бергсон, «достаточно хорошо работает уже сама по себе», но в критических для властной элиты ситуациях, когда использование этой функции «подстёгивается страхом и

нуждой» [1, с. 145], она становится, по выражению Э. Кассирера, «отчаянным средством», превращаемым властной элитой (если перефразировать А. Шопенгауэра) в «средство обслуживания своих государственных интересов» [цит. по: 9, с. 43], что демонстрирует история, в первую очередь, всех без исключения авторитарных и тоталитарных режимов²⁹.

При этом вряд ли можно согласиться с утверждением К. Поппера о том, что для властных элит тоталитарных режимов «государство как таковое не является высшей целью», поскольку, по его мнению, более актуальным в середине XX века стали «кровь, народ, раса» [9, с. 76–77]. Это не совсем так, во-первых, потому, что даже расцвет тоталитарных и авторитарных режимов в Европе в 1930-е – 1940-е гг., несмотря на первостепенное использование в политической риторике «нации», «расы», «класса», явно свидетельствует о присутствии в легитимирующем макронарративе идеи Гегеля о воплощении «духа народа» в государстве и абсолютном примате государства по отношению к нации, что наиболее чётко выражено в лозунге: «Ein Staat, ein Volk...» («одно государство, один народ»)³⁰. А во-вторых, потому, что очевидно: за ширмами «великих наций» – хранительниц истинной религии, традиционной семьи³¹, «высших рас», призванных господствовать над Untermenschen («недочеловеками»), классов, тоже великих в своей миссии построения светлого будущего, de facto скрываются олигархические властные элиты, утверждающие себя в качестве «передовой части» нации, расы, класса. А для этого этатистский миф Гегеля с его разумностью и безусловным приоритетом государства над личностью и слиянием государства и нации («арийской расы», «всех истинных сынов Испании», «всего советского народа») в макронарративе властных элит закрытых обществ превращается почти в универсальное семантическое ядро макронарратива, вокруг которого строится вся наррация как целостный смысловой конструкт, несущий совокупность прагматических параметров. И, основываясь на этом и используя способность мифа «удалять реальность» (Р. Барт), властная элита начинает писать свою официальную историю³², историю, какой она должна была быть, в которую, по словам А. Бергсона, помещаются объекты, не «присутствующие в настоящем времени», и вещи, не «существовавшие в прошлом» [1, с. 209]. Тем самым, используя «таинственную власть прошлого над настоящим» [1, с. 233], властная элита творит иную, мнимую, но нужную себе реальность в настоящем, в которой государство как разумное и высшее существовало всегда, и только благодаря созданию государства конкретный народ смог полностью реализовать себя в истории, поскольку иначе бы без государственного устройства «народ <...> (нация как таковая) не имеет собственно никакой истории» [4, с. 368], а «всемирно-исторические успехи» государства (К. Поппер) превращаются властной элитой в санкцию для оправдания любых своих действий в настоящем и объявления несогласных «национал-предателями» и «врагами народа».

Однако этот этатистский миф является искусственным конструктом, поскольку он построен не столько коллективным сознанием любого народа в качестве базиса для создания представления о мире и человеке в нём, а, в

²⁹ Что ни в коей мере не исключает как существования, так и применения этатистского мифа в условиях любого политического режима.

³⁰ Последний компонент триады банален и логичен: «ein Führer» («один вождь»).

³¹ См., например, речи Ф. Франко.

³² См. «Краткий курс истории ВКП (б)».

значительной мере (но не полностью) был навязан для того, чтобы, по выражению академика РАО Л.П. Бугеовой, воспринимать развитие событий «как правильное и должное» [8], и, благодаря трансляции этатистского мифа, интересы властной элиты воспринимаются индивидами именно как «вечные» и безусловные интересы государства, а их собственные интересы – как ничто по сравнению с интересами государства. Тем самым, вводя в систему политического поведения и политической культуры граждан посредством массовой политической пропаганды политический миф, где государство утверждается как высший сакрализованный субъект социальных отношений, стремящаяся сохранить власть и узурпировавшая средства массовой коммуникации властная элита, прикрываясь и высшей расой, и скрепной нацией, и «правильным» классом, получает ничем не ограниченный мандат на реализацию любых действий в тех случаях, пока эти действия в общественном сознании воспринимаются как действия государства (сакрального сверхразумного, в том числе, и заботливого *pater'a*), направленные на достижение всеобщего блага, хотя на самом деле, как указывал Б. Малиновский, суть ситуации заключается в том, что с помощью мифов всего лишь закрепляются любые «социальные притязания на власть», обосновываются «некие особые привилегии или обязанности, вопиющее социальное неравенство, различный ранг, отличающий высший или низший уровень» [цит. по: 8]. А любой протест против любого из перечисленных элементов будет представлен не как иная, вполне возможная социально-политическая позиция, а как «подрыв устоев», «нарушение стабильности» и даже как «измена Родине».

Заключение (Conclusions)

Демократическая волна в Европе во второй половине XX в., усилившаяся с крушением коммунистических режимов, и постепенное развитие демократических тенденций в Латинской Америке вроде бы должно было хотя бы, если не подорвать, то несколько пошатнуть этатистский миф хотя бы по причине отказа от «старых» макронарративов, однако «авторитарный откат» на рубеже XX – XXI вв. продемонстрировал трансформацию делегативных демократий (Г. О'Доннел) Латинской Америки, части «переходных демократий» Центральной и Восточной Европы, а также «несформировавшихся демократий» среднеазиатского и, частично, африканского региона, в «гибридные» режимы (а иногда, и в открытые диктатуры), где властные элиты, как правило, пришедшие к власти не в результате переворота, а в результате относительно свободных выборов, постепенно трансформируются в олигархии и, стремясь не потерять власть, превращают этатистский миф в варианте Гегеля в базовую идею своих макронарративов, закрепляя её не только на уровне общественного сознания, но и в конституциях своих стран, поправки к которым как расширяют полномочия и аннулируют предыдущие сроки высших властных полномочий авторитарных лидеров³³, так и закрепляют титульную нацию в качестве государствообразующего народа³⁴ или же, на уровне текущих законов, создают из государственной и общественной безопасности неразрывную целостность, фактическое единство, подтверждая тем самым тезисы Э. Кассирера о том, что массами «легче управлять силой воображения, нежели, чем силой», и «миф сам по себе неуязвим», «он не

³³ См., например, поправки к конституциям Боливии, Бурунди, Чада и т. п.

³⁴ См., например, поправки к Конституции Венгрии.

чувствителен к рациональным аргументам, его нельзя отрицать с помощью силлогизмов» [6].

Литература

1. Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994. 384 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа // Гегель, Г.В.Ф. Сочинения. М.: изд-во политической литературы, 1956. 368 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
5. Каримский А.М. Философия истории Гегеля. М.: МГУ, 1988. 270 с.
6. Кассирер Э. Техника современных политических мифов [Электронный ресурс] // Вестник МГУ. Сер. 7 «Философия». 1990. № 2. С. 58–65. URL: <http://read.virmk.ru/k/Kassirer.htm> (дата обращения: 17.09.2017).
7. Овсянников М.Ф. Философия Гегеля. М.: СОЦЭКГИЗ, 1959. 308 с.
8. Политическая мифология: круглый стол. 2012. № 2 (48). URL: https://iphras.ru/uplfile/histan/kruglye_stoly_pdf/Politicheskaya_mifologiya_№2%2848%29_2012.pdf (дата обращения: 23.03.2021).
9. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
10. Рассел Б. История западной философии и её связь с политическими и социальными условиями: от античности до наших дней. Новосибирск: изд-во Новосибирского университета, 1994. Т. 2. 391 с.
11. Трофимцева С.Ю. Историсофские парадигмы: классическая философия истории и генезис постклассики. Самара: СЮИ ФСИН России, 2008. 210 с.
12. The new 2020 World Cultural Map has been released // World Valus Servey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSNewsShow.jsp?ID=428> (data access: 03/04/2021).

References

1. Bergson A. Dva istochnika morali i religii [Two Sources of Morality and Religion]. M.: Kanon, 1994. 384 s. (In Russian).
2. Hegel G.V.F. Filosofiiâ prava [Philosophy of Law]. M.: Mysl', 1990. 524 s. (In Russian).
3. Hegel G.V.F. Èntsiklopediiâ filosofskikh nauk [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. T.3. Filosofiiâ dukha [Vol. 3. Philosophy of Spirit] // Hegel, G.V.F. Sochineniiâ [Compositions]. M.: izd-vo politicheskoi literatury, 1956. 368 s. (In Russian).
4. Hegel G.V.F. Èntsiklopediiâ filosofskikh nauk [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. T.3. Filosofiiâ dukha [Vol. 3. Philosophy of Spirit]. M.: Mysl', 1977. 471 s. (In Russian).
5. Karimskii A.M. Filosofiiâ istorii Gegeliâ [Philosophy of History Hegel]. M.: MGU, 1988. 270 s. (In Russian).
6. Cassirer È. Tekhnika sovremennykh politicheskikh mifov [The Technique of modern political Myths] [Èlektronnyï resurs] // Vestnik MGU. Ser. 7 «Filosofiiâ». 1990. № 2. S. 58-65. URL: <http://read.virmk.ru/k/Kassirer.htm> (data obrashcheniâ: 17.09.2017). (In Russian).

7. Ovsiānnikov M.F. Filosofiiā Gegeliā [Philosophy of Hegel]. M.: SOTŚĖKGIZ, 1959. 308 s. (In Russian).
8. Politicheskaiā mifologiiā: kruglyĩ stol [Political Mythology: round Table]. 2012. № 2 (48). URL: [https://iphras.ru/uplfile/histan/kruglye_stoly_pdf/Politicheskaya_mifologiya_№2\(48\),_2012.pdf](https://iphras.ru/uplfile/histan/kruglye_stoly_pdf/Politicheskaya_mifologiya_№2(48),_2012.pdf) (data obrashcheniā: 23.03.2021). (In Russian).
9. Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi [The open Society and its Enemies]. T. 2: Vremiā lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly [The High Tide of Prophecy: Hegel, Marx, and the Aftermath]. M.: Feniks, Mezhdunarodnyĩ fond «Kul'turnaiā initsiativa», 1992. 528 s. (In Russian).
10. Rassel B. Istoriia zapadnoi filosofii i eē sviāz' s politicheskimi i sotśial'nymi usloviāmi: ot antichnosti do nashikh dneĩ [History of Western Philosophy and its Relation to political and social Conditions: from Antiquity to the present Day]. Novosibirsk: izd-vo Novosibirskogo universiteta, 1994. T. 2. 391 s. (In Russian).
11. Trofimtseva S.Iũ. Istoriiosofskie paradigmy: klassicheskaiā filosofiiā istorii i genezis postklassiki [Historiosophical Paradigms: classical Philosophy of History and the Genesis of Postclassics]. Samara: SII FSIN Rossii, 2008. 210 s. (In Russian).
12. The new 2020 World Cultural Map has been released // World Valus Servey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSNewsShow.jsp?ID=428> (data access: 03/04/2021).

Сведения об авторе:

Трофимцева Светлана Юрьевна

доцент кафедры Безопасности и информационных технологий ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет "Московский энергетический институт"», (г. Москва, Россия).

доцент кафедры Безопасности информационных систем ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва», кандидат философских наук, доцент (Самара, Россия).

E-mail: suiistoria@rambler.ru

Bionotes:

Trofimtseva Svetlana Yurievna

Associate Professor, Department of Security and Information Technologies, National Research University "Moscow Power Engineering Institute" (Moscow),

Associate Professor Department of Security and Information Systems, Korolev Samara National Research University, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Samara, Russia).

Для цитирования:

Трофимцева С.Ю. «Вечность» этатистского мифа в закрытых обществах и «бессмертное» философско-политическое наследие Г.В.Ф. Гегеля // Мифологос. Серия «Миф и общество: история, политика, социология», № 4, 2022. С. 75–85.

For citation:

Trofimtseva S. Yu. The "Eternity" of the Statist Myth in Closed Societies and the "Immortal" Philosophical and Political Heritage of G.V.F. Hegel // Mythologos. Myth and Society: History, Politics, Sociology Series, no. 4, 2022. С. 75–85.

УДК 32.019.51

DOI: 10.35103/SMSU.2022.85.40.053

**МИФ О ЕДИНСТВЕ КАК ИДЕЙНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ МАТРИЦА
ВОСПРИЯТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
ГРАЖДАНАМИ РФ³⁵**

Шмелева Ольга Юрьевна

Национальный исследовательский нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия)

Аннотация

В статье анализируются практика конструирования мифа о единстве, опыт его применения в современном политическом процессе, сопутствующие риски, а также роль данного мифа в складывании образа российского государства. Рассматриваются факторы, снижающие функциональность данного способа осмысления мира, эффективность его воздействия на массовое сознание. Исследуются архетипические основания мифа о единстве, обеспечивающие его устойчивость, основные мифологемы, составившие семантическое поле исследуемого мифа, закреплённые за ним в сознании элит и рядовых граждан. На основе данных прикладных исследований, реализованных при участии автора, делается вывод об амбивалентности мифа о единстве, ценностном рассогласовании элит и граждан, различных коннотациях единства в массовом и элитарном сознании, обозначившихся линиях социальных расколов, когнитивном диссонансе, фрустрациях, сдерживающих формирование целостного и непротиворечивого представления о государстве.

Ключевые слова: политический миф; технология политического мифотворчества; мифологема; единство, коннотации концепта единства, гражданское согласие; доверие; базовый консенсус; перцепция; образ государства; политическое манипулирование

**THE MYTH ABOUT THE UNITY AS A SEMANTIC MATRIX OF
PERCEPTION OF THE MODERN RUSSIAN STATE BY CITIZENS OF THE
RUSSIAN FEDERATION**

Shmeleva Ol'ga Yur'evna

Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (Nizhny Novgorod, Russia)

Abstract

The article analyzes the practice of constructing the myth of unity, the experience of its application in the modern political process, the associated risks, as well as the role of this myth in shaping of the image of the Russian state. The author considers the factors that reduce the functionality of this way of understanding the world, the effectiveness of its impact on the mass consciousness. The article explores the archetypal foundations of the myth of unity, which ensure its stability. The main mythologemes that make up the semantic field of the myth under study and are assigned to it in the minds of elites and ordinary citizens. Based on data from applied research that was implemented with the participation of the author a the conclusion is made about the ambivalence of the myth of unity, the value mismatch of elites and citizens, various connotations of unity in the mass and elite consciousness, lines of social divisions, frustrations that restrain the formation of a holistic and consistent view about the state.

³⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31307.

Key words: political myth; technology of political myth-making; mythologeme; unity, connotations of the concept of unity; civil consent; trust; basic consensus; perception; the image of the state; political manipulation

Введение

Мифу о единстве традиционно придавалось особое значение в процессе политогенеза по причине его высокого интеграционного потенциала. Идеи достижения/«почитания единства» как условие процветания и благополучия страны, «сближения» народа с правителем, позволяющего сделать народ единым в его стремлениях» [9, с. 78; 25, с. 142], проходят красной нитью через творчество древневосточных (китайских) мыслителей. Тема единства (духовного, политического, территориального) стала ключевой в памятниках древнерусской литературы как одна из базовых скреп российской государственности. Она поддерживалась различными «интеграционными образами», символами, в том числе христианскими – Богородица, Троица, Александр Невский и прочими. Идеальный образ российского государства на разных этапах исторического развития строился на представлениях о нём как о едином, целостном образовании, «олицетворяемым единством княжеского рода» [18, с. 28], сильной, моноцентричной властью самодержавного правителя.

В условиях современной политической конъюнктуры, связанной с многочисленными внутренними и внешними вызовами – усилением глобального, информационного противостояния в мире; интенсификацией миграционных потоков, попытками внешнего вмешательства в дела суверенных государств, санкционной политикой Запада, структурным усложнением современного общества значение мифа о единстве многократно возрастает. Закреплению мифа о единстве человечества способствует глобализация. Усиливают запрос на мифотворчество в современном политическом процессе внутривнутриполитические проблемы в РФ – снижение реальных доходов населения, индекса социального оптимизма, рост цен, масштабов бедности, социальной дифференциации в российском обществе, скептических настроений респондентов (с осени 2018 г.). Идею единства нации перед лицом внешней угрозы актуализируют также деструктивные действия оппозиции, пытающейся сыграть на внутривнутриполитических проблемах и дезориентировать, расколоть российское общество.

Концепт единства отличается зонтичной (многомерной) структурой, внутренней сложностью, имеет различные смысловые значения – территориальная целостность, гражданская солидарность, единство власти и общества и пр. Коннотативный смысл его в данной статье раскрывается через идею единства социального, ментального, ценностного смыслового поля, обеспечиваемого осознанием властью и гражданами общих целей, задач, приоритетов, ценностей как условие достижения доверия к государству, внутривнутриполитической стабильности, прочности. Именно внутривнутриполитическое единство становится фактором устойчивости режима (государства) («сила – в единстве»).

Цель данного исследования состоит в изучении потенциала мифа о единстве как технологии стабилизации общественно-политических настроений, поддержания и укрепления в массовом сознании позитивного образа современного российского государства, действующей власти, оценке возможностей изучаемого мифа с учётом ключевых вызовов и политических рисков.

Постановка проблемы. Интеграционный потенциал мифа о единстве снижается на фоне рассогласования интересов элиты и общества, роста популизма, сохраняющейся «дворцовой» сущности государства, деятельность которого редуцирована интересами элит, растут фрустрации, усиливающие критический фон восприятия современного государства. Семантический смысл, вкладываемый в понятие «единства» элитами и рядовыми россиянами, различается. Рассогласованность восприятия концепта единства властью и гражданами, различные коннотации и идейно-смысловое наполнение концепта «единства» в сознании элит и рядовых россиян усиливают амбивалентность восприятия современного государства.

Методы

Для достижения поставленной цели в статье были использованы методы качественного контент-анализа в связи с изучением нарратива власти, раскрывающего идейно-смысловое значение концепта единства в официальном дискурсе, мифологемы, составляющие семантическое поле мифа о единстве; психосемантические методики (проективный рисунок и ассоциативный тест), раскрывающие бессознательные элементы сознания, выраженные в визуальных и вербальных ассоциациях с темой единства. Установить ассоциативные связи единства в массовом сознании, восприятие населением идеи единства, особенности репрезентации идеи единства действующей властью, нарратив мифа, коннотативные смыслы, идейно-семантическое содержание понятия и т.п. позволили также статистические инструменты мониторинга социальных медиа (WordState и др.).

Литературный обзор

В современном научном дискурсе обозначились актуальные тренды в рамках исследуемой проблематики. Так, один из них связан с *изучением и анализом рисков*, обусловленных сетевизацией, появлением новых субъектов формирования мифов (разработчики компьютерных игр, блогеры и пр.), форм их выражения [30]; потерей современными мифами целостности, способностью мифов «мимикрировать под современные формы мышления», изменять свою структуру и содержание в соответствии с конъюнктурными особенностями [10, с. 110, 113–114]. Последняя особенность расширяет технологические возможности современных мифов, продуцируя новые риски.

Рядом учёных отмечается *амбивалентная роль* политических мифов. Она выражается как «в позитивном, так и негативном воздействии мифов на социальную безопасность личности», их способности «создавать «фейковые» угрозы безопасности, порождать отрицательное отношение личности, общества к ... явлениям социальной жизни» [8, с. 438–439], «легитимизировать нормативный порядок и одновременно дестабилизировать ситуацию» [20, с. 456]; «обеспечивать историческую преемственность, формировать идентичность», наряду с «манипулятивными последствиями мифологизации как стратегии доминирования элит» [6, с. 18–19]. Р. Барт указывал на отсутствие «внутренней целостности», «внутреннюю противоречивость» мифа, «постоянно дрейфующего между объектом и его демистификацией» [29, с. 159].

Интеллектуальные интенции учёных направлены также на исследование роли компьютерных игр как «формы отражения политики в сознании, инструмента конструирования образа власти/государства, коллективной идентичности» [31, с. 4], формирования стереотипов и представлений, на изучение сетевых форм,

приёмов мифологизации сознания – мемов, хештэгов и прочих инструментов. Рассматривается аспект политизации игровой деятельности в сетях, которая «больше не ограничивается действиями государственных субъектов» [31, с. 3].

Отдельное направление научного дискурса по интересующей нас тематике связано с анализом мифологемы «единство». Последняя, имея сюжетное сходство и связанная идеей общего происхождения в мифологизации национального/государственного единства, символическими конструкциями, изобретаемыми под конъюнктурные потребности (например, «Крым наш!») и т.п., придают универсальному содержанию мифа о единстве индивидуальные очертания, закреплённые в субъективных смыслах носителя сознания. М. Штейман, например, исследует политический миф в контексте достижений, побед, «политической славы» государства (власти) в прошлом и настоящем как его интеграционной основы [33]. Роль политического мифа в создании «нормативных и когнитивных основ управления в ЕС, мифология европейской интеграции» рассматриваются в статье [32].

Результаты и обсуждение

В рамках изучения механизма воздействия конструируемого властью мифа о единстве на особенности восприятия современного российского государства гражданами РФ внимание автора было сфокусировано на анализе ценностей элиты и общества; мифологем, формирующих семантическое поле данного мифа; раскрытии интенций сознания представителей политической элиты и рядовых граждан, связанных со смысловым наполнением концепта единства.

Материалы проведённого нами контент-анализа нормативно-правовых и концептуальных документов, текстов Посланий Президента РФ [12; 15; 17; 19; 24; 27] позволяют говорить о *консервативном тренде* в реализации концепта «единства» в официальном нарративе власти. На это указывают выявленные основные мифологемы – история (уважение к истории), прошлое, традиционные ценности, защита Отечества, Родина/Россия/Отечество.

Механизмами популяризации и закрепления в массовом сознании вышеназванных мифологем являются система образования, праздники и памятные даты, характеризующиеся смежностью идейно-семантического и сюжетного поля. Так, концептуальная схема содержания школьных учебников социогуманитарного цикла строится вокруг понятий – объединение, Россия, народ, защита, прошлое, Отечество, доверие, гражданское согласие, солидарность, базовый консенсус и пр. Данный вывод сделан нами на основании контент-анализа ряда учебных изданий (обработано 8 единиц текста [1; 2; 7; 13; 14], 304 лингвистических элемента).

Мифологема единства находит отражение в семантике ряда официальных праздников и памятных дат, закрепляется в массовом сознании посредством символической политики, интегративных символов прошлого. Вокруг идеи сплочённости, общих побед, гражданского долга строится ценностно-смысловая и функциональная нагрузка Дня Победы, Дня народного единства. Победа в Великой Отечественной войне остаётся интеграционным символом для 69% респондентов [11]. Идея консолидации российского социума вокруг государства как организующего начала, конструктивных практик взаимодействия власти и общества, способствовавших складыванию уникальной культуры, норм социальной жизни, поддержанию территориальной целостности, защиты от внешних вторжений, была взята за основу при конструировании общероссийского праздника, связанного с датой зарождения российской государственности [26].

Частью политической технологии сплочения общества вокруг интегративного символа, национального героя (например, Александр Невский как олицетворение нравственности, мудрости, дипломатичности, силы духа, символ единства; Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, Казанская икона Божьей матери и др.) стали проекты различного уровня, реализуемые властью. В их числе – федеральные проекты – «Великие имена России», 2018 г., «Александровские дни» и др. Вместе с тем, выявленная нами тенденция сужения событийного ряда (как в официальной риторике, так и в учебной литературе), стремление власти ограничиться событиями, не вызывающими разногласий в обществе, не способствует складыванию объективного, целостного исторического мировоззрения россиян. Ещё одна мифологема, присутствующая в официальном дискурсе и составляющая семантическое поле мифа о единстве, связана с идеей межнационального согласия, гражданской идентичности и мерами, направленными на их укрепление [16].

Конструирование мифа о единстве достигается также за счёт применения широкого спектра иных средств и приёмов технологического воздействия. Среди них – построение коммуникации на контрасте («мы-они», «свой-чужие»); технология формирования образа врага в лице Запада, террористической угрозы, оппозиции; информационное сопровождение, PR-проектов, праздников, достижений власти, мер помощи, поддержки в сложных жизненных ситуациях, борьбы с бедностью и др. Спектр приёмов дополняет учёт особенностей массовой психологии и политической культуры россиян («плохо (трудно) не мне одному, плохо всем»).

Следовательно, концепт единства в официальном нарративе действующей власти раскрывается преимущественно через понятия духовного единства, общих побед и достижений, славного прошлого. Коннотация единства связана с межнациональным согласием, территориальной целостностью, национальной и гражданской идентичностью. Другие мифологемы представлены не столь широко в официальном дискурсе. В частности, недооценивается значимость и интегративный потенциал социальных мифов в консолидации общества. Семантический смысл единства в массовом сознании маркируется иначе, нежели в элитарном сознании и раскрывается посредством таких понятий, как «гражданское согласие», «социальная справедливость», «народное единство». По данным опроса ВЦИОМ от 03 ноября 2020 г. только 10% россиян объединяет принадлежность к великому народу, славному прошлому, 8% – патриотизм. 11% опрошенных связывают единство с ментальными особенностями россиян, историей, культурой, воспитанием, заложенной в них идеей взаимопомощи. У 18% респондентов единство ассоциируется с межнациональным согласием, мирным существованием этнических групп, населяющих территорию РФ [3; 11].

Анализ запросов в поисковой системе Яндекс, произведённый с помощью ресурса WordStat, отражающий статистику обращений пользователей Рунета за март 2021 г., свидетельствует, что вторую по популярности строчку рейтинга смежных с концептом единство ассоциаций (57577 запросов) занимают *ассоциации единства с народом (народное единство)*. Далее следует процессуальный аспект исследуемой мифологема, ассоциируемый с обеспечением единства – 34460 запросов. Лидирующая позиция принадлежит коннотации праздника (День единства/День народного единства/4 ноября и пр.) – 129759 запросов. Среди прочих смысловых значений единства – единство людей – 23303, единство (в общем) – 21791, народов – 18854, России – 13258, экономическое единство – 10997,

социальное единство – 9189, единство нации – 5464, единство государства и гражданского общества – 708, единство ценностей – 3079³⁶. Общее количество запросов со словом «единство» в поисковой системе Яндекс в марте 2021 г. составило 444621. Анализ ассоциативного ряда к слову-стимулу «государство» по трём исследовательским срезам, реализованным нами с 2016 по 2019 гг. (1048 ассоциаций), позволяет говорить о ключевом месте единства в ряду ценностных составляющих образа государства в массовом сознании респондентов (29% всех ассоциаций связаны с желанием респондентов видеть государство целостным, единым). При этом доля россиян, ощущавших народное единство, сократилась с 54%, отмечавших, что народное единство есть в стране до 37% в 2019 г.

Аргументация респондентов, заявивших об отсутствии народного единства в стране, связана с ростом индивидуализма (30%), масштабов бедности в обществе (21%), отсутствием единой цели, сплоченности, патриотизма (10%) [3; 21]. Таким образом, факторами дезинтеграции становятся социально-экономические проблемы, расслоение в обществе, высокий уровень социальной дифференциации, масштабы бедности; рост тарифов на товары и услуги; усиливающееся на фоне социального неравенства чувство социальной несправедливости. За период с 1 кв. 2018 по 1 кв. 2019 гг. доля населения с доходами ниже прожиточного минимума выросла и составила 20,4 млн. и 20,9 млн. человек соответственно. В 2017 г. продолжилось падение реальных доходов россиян: в Нижегородской области оно составило 4,2%, в Москве – 3,1%, Санкт-Петербурге – 2,8%, Татарстане – 2,1%. Последствия пандемии коронавируса способствовали усилению отрицательной динамики социально-экономических показателей.

Проблемы чрезмерного социального расслоения в обществе, несправедливого распределения материальных благ, бедности нашли отражение в прикладных исследованиях, реализованных при участии автора в период с 2017 по 2019 гг. среди жителей Нижегородской области. В рамках ассоциативного тестирования вышеобозначенные проблемы раскрываются через понятия «нищета», «бедность», «малоимущие», «плохие дороги», «плохая медицина» и пр. вербальные стереотипы, закрепившиеся в ассоциативном ряду к слову-стимулу «современное российское государство» и присутствовали в каждом из трёх исследовательских срезов (2017, 2018 и 2019 гг.). Близкий набор тем и характеристик, раскрывающих образ современного государства, прослеживается в проективных рисунках респондентов, отражающих срез бессознательных ассоциаций с государством, властью, а также находит отражение в вербальных ассоциациях. В результате проведения психологического теста в период с 2017 по 2019 гг. было получено 282 рисунка, содержащих 293 элемента анализа. В них также находят отражение актуальные проблемы, связанные с деятельностью государства, в том числе тема социальной дифференциации, экономические и прочие проблемы (Рис.1).

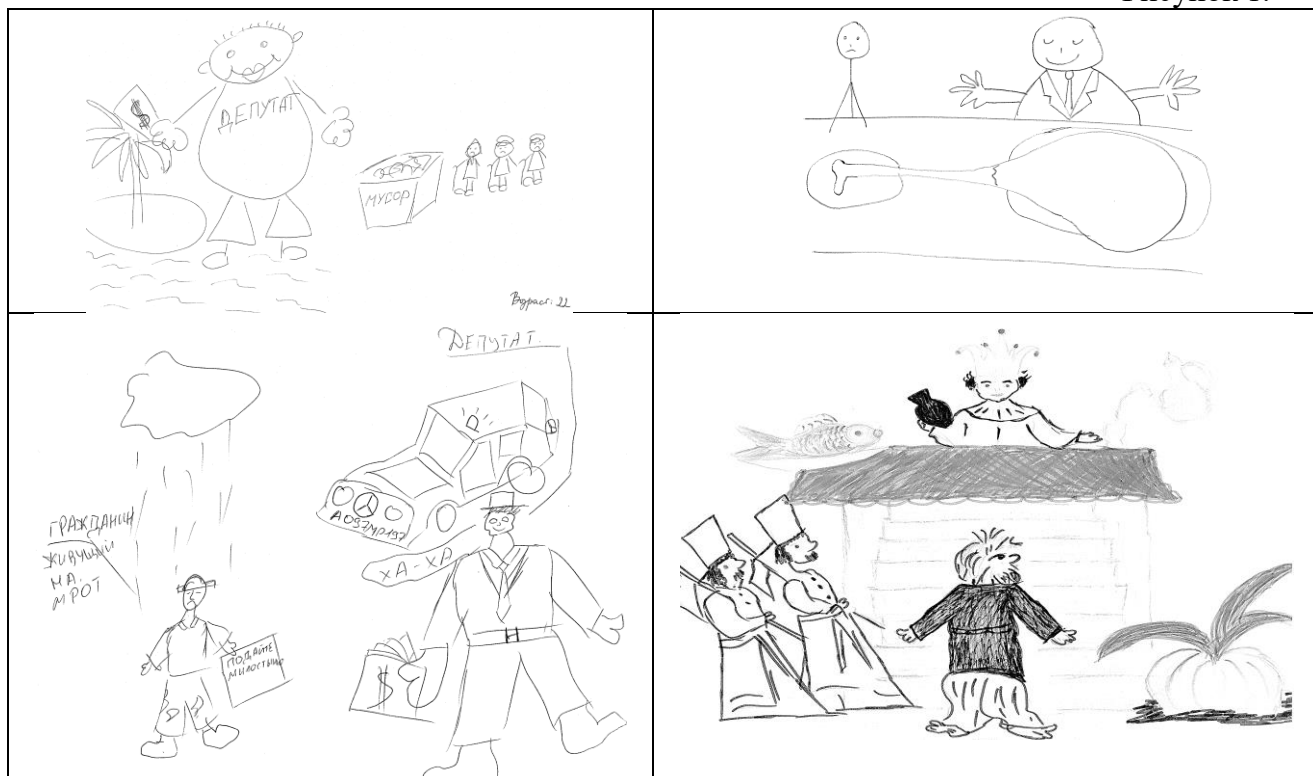
Ещё один аспект социальной действительности связан с расколом по линии «чиновник – общество». Образ чиновника в зеркале прикладных исследований – одинаково негативный, карикатурный, нелюбимый, критический, применительно к различным уровням власти, ассоциируемый с коррупцией, несправедливостью, деструктивными социальными практиками, фактами некорректного поведения чиновников (преимущественно регионального и

³⁶ <https://wordstat.yandex.ru/#!/?words=единство>

муниципального уровня). Среди них – резонансные заявления о возможности прожить на 3,5 тыс. руб. в месяц (Н. Соколовой); о том, что «государство вообще в принципе ничего не должно» (О. Глацких) и др., отличающиеся циничным характером высказываний, отражающие апатичное отношение чиновников к проблемам граждан, провоцирующие рост критических настроений среди населения.

Образ госслужащего раскрывается посредством пейоративной лексики, имеет отрицательные коннотации, ассоциируется с «коррупцией», «взятками», «деньгами», «воровством», «властью», «некомпетентностью», «несправедливостью». Федеральная власть предстаёт как «далёкая от народа». Схожий ассоциативный ряд демонстрируют результаты исследований, проведённых в различных регионах страны кафедрой социологии и психологии политики МГУ за аналогичный период времени [23, с. 126–127]. В зеркале проективных рисунков российский чиновник выглядит как далёкий от народа и его нужд; преследующий личные цели и корыстные интересы.

Рисунок 1.

Источник: Данные психсемантического исследования, реализованного автором на основе методики проективного рисунка в Нижегородской области в 2019 году.

Скепсис респондентов по поводу заинтересованности российских властей в диалоге с гражданами нашёл отражение в материалах анкетирования за 2016–2019 гг. Наименее заинтересованной в диалоге россияне считают федеральную власть (45% в 2016 г. и 65% в 2019 г. считали федеральную власть незаинтересованной в диалоге с обществом).

Факт «политического отчуждения, ... заторможенности обратной связи», «порождающих у правящих классов иллюзию социального согласия» [28, с. 157], «не налаженности эффективной коммуникации», «отсутствия системного и двухстороннего взаимодействия между гражданами и политической элитой,

представители которой преимущественно обращают внимание на интересы и потребности россиян во время избирательных циклов» [22, с. 164], констатируют российские учёные. И.И. Глебова акцентирует внимание на «неравностатусности положения правителей и управляемых (представители элит ощущают себя не в структуре социума, а над ним)»; «редуцировании государственных интересов интересами политических элит, преследовании элитами «собственных экономических выгод, «отсутствии общего интереса» представителей элиты и социума, стремлении власти к имитации социально справедливого и ответственного государства» [5, с. 84, 90, 93, 98].

Ещё один вектор размежеваний связан с ценностным рассогласованием элиты и общества, получившим отражение, как в научных исследованиях, так и в социологических опросах. Учёными констатируется факт «внутренней структурно-содержательной разбалансированности» [22, с. 158], ценностных размежеваний (противоречий) элиты и общества, «несогласованности темпов ценностных трансформаций» в сознании политической элиты и общества (в массовом сознании они происходят значительно быстрее, нежели в элите). Они проявляются в отношении ценности прогресса, развития. Россияне разделяют установку на изменения и рассматривается как обязательное условие существования сильного государства, то среди элиты – консервативный настрой присутствует. Различные представления о «справедливом социальном порядке» [22, с. 161–162]. Вышеназванные обстоятельства позволяют делать вывод о том, что «полноценной единой системы ценностей, разделяемой всеми гражданами и политической элитой не сложилось» [22, с. 164].

Заключение

Проведённое исследование позволяет говорить об амбивалентности конструируемого в современной политической практике мифа о единстве, выражающейся в его различном смысловом наполнении, маркировке в элитарном и массовом сознании, внутренней (семантической) рассогласованности. Отмечается сужение семантического поля рассматриваемого мифа, сведение его к героическому (славному) прошлому как интегративной основе социума, принадлежности к культурному наследию, гражданской идентичности, межнациональному согласию, территориальной целостности. Создаваемый конструкт с данным набором мифологем слабо коррелирует с представлениями, запросами россиян, учитывает конъюнктурный контекст. Подобная тактика политического мифотворчества снижает эффективность технологического воздействия рассматриваемого в статье мифа, способствует усилению когнитивного диссонанса в массовом сознании, фрустраций на фоне несовпадений запросов, ожиданий и объективной реальности, порождает амбивалентность восприятия государства (причём, как современного, так и исторической ретроспективе).

Вместе с тем, меняется (расширяется) семантический смысл концепта единства за счёт усиления акцента на социальной составляющей, качестве жизни, изменения ценностной картины мира при переходе к постиндустриальному обществу, выдвижения ценностей потребления, экзистенциальной безопасности в качестве приоритетных. Поэтому представляется целесообразным при конструировании политического мифа о единстве отказ от консервативной парадигмы. Достижение единства власти и общества невозможно на основе только консервативного тренда, необходимо отталкиваться от запросов, ожиданий

россиян, учитывать ценностные изменения при конструировании мифов, строить коммуникативную стратегию, исходя из футурологического подхода. Позитивно-деятельностная основа единства как перспективный сценарий консолидации общества на основе совместной (конструктивной) деятельности, усилий в решении актуальных проблем в разных сферах жизни российского общества.

Литература

1. Андреев И.Л. История России с конца XVI–XVIII в. 7 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений. 5-е изд. М.: Мнемозика, 2013. 255 с.
2. Виноградова Н.Ф., Калинова Г.С. Окружающий мир. 4 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений: в 2 ч. Ч. 2. 2-е изд. М.: Вентана-Граф, 2012. 176 с.
3. ВЦИОМ: лишь треть россиян ощущает народное единство. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7066019> (дата обращения: 30.03.2021).
4. Россияне о единстве нации. Опрос 2017 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-o-edinstve-naczii> (дата обращения: 13.09.2018).
5. Глебова И.И. «Дворцовое государство» в современной России // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2011. № 2. С. 80–116.
6. Завершинский К.В. Политический миф в структуре современной символической политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 2. С. 16–25.
7. История России. 6 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016. 128 с.
8. Кирейчиков В.К. Роль социальных мифов в формировании социальной безопасности современного общества // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции (ноябрь 2017, г. Севастополь). Севастополь: Филиал МГУ им. М.В.Ломоносова в г.Севастополь, 2018. С. 435–439.
9. Книга Мо-цзы // Антология мировой политической мысли в 5-ти тт. М.: Мысль, 1997. Т. 1. С. 77–78.
10. Мусихин Г.И. Политический миф как разновидность политической символизации // Общественный науки и современность. 2015. № 5. С. 102–117.
11. Накануне Дня народного единства ВЦИОМ выяснил, что объединяет россиян. URL: <https://rg.ru/2020/11/03/nakanune-dnia-narodnogo-edinstva-vciom-vyiasnil-chto-obedinaet-rossiiian.html>(дата обращения: 30.03.2021).
12. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 гг., утверждённая Указом Президента РФ № 761 от 01.06.2012 г. URL: <https://base.garant.ru/70183566/> (дата обращения: 25.01.2021).
13. Плешаков А.А. Окружающий мир. 4 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. 3-е изд. М.: Просвещение, 2013. 143 с.
14. История России. 7 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 2 ч. Ч. 1/ Под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016. 112 с.
15. Послание Президента Федеральному собранию 1 марта 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 23.01.2019).
16. Постановление Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718 «О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и

этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» 28 августа 2013. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70339260/> (дата обращения: 06.04.2021).

17. Постановление Правительства РФ № 1493 от 30 декабря 2015 г. «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016–2020 гг.». URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 06.04.2021).

18. Поучение Владимира Мономаха // Антология мировой политической мысли в 5 тт. М.: Мысль, 1997. Т.3. С. 42–45.

19. Приказ от 06 октября 2009 № 373 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования». URL: <https://base.garant.ru/197127/> (дата обращения: 25.01.2021).

20. Пушкарёва Г.В. Мифы в идейно-ценностном механизме государственного управления // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции (ноябрь 2017, г. Севастополь). Севастополь: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополь, 2018. С. 455–459.

21. Россияне о единстве нации. Опрос ВЦИОМ от 03.11.2017 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116501> (дата обращения: 12.10.2019).

22. Селезнёва А.В. Российское общество в постсоветский период: динамика ценностных изменений элиты и граждан // Political science (RU). 2016. Специальный выпуск. С. 149–169.

23. Селезнёва А.В., Палитай И.С. Восприятие своей страны российской молодёжью: ценностно-символический и политико-культурные аспекты // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 2. С. 123–135.

24. Стратегия развития воспитания в РФ на период до 2025 г., утверждённая распоряжением Правительства РФ № 996-р от 29.05.2015 г. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70957260/> (дата обращения: 26.09.2018).

25. Сюнь-цзы // Антология мировой политической мысли в 5-ти тт. М.: Мысль, 1997. Т. 1. С. 141–146.

26. Указ Президента Российской Федерации от 03 марта 2011 года № 267 «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6648668/> (дата обращения: 26.11.2020).

27. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности РФ». URL: <http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 02.08.2017).

28. Шабров О.Ф. Духовные основы российской политики // Открытое образование. 2011. № 2. С. 155–158.

29. Barthes R. Mythologies / Selected and translated from the French by A. Lavers. New York: The Noonday Press, 1991. 83 p.

30. Bottici Ch., Challand B. Rethinking Political Myth The Clash of Civilizations as a Self-Fulfilling Prophecy // European Journal of Social Theory August 2006. № 9(3). P. 315–336.

31. Pfister Eu. Der Politische Mythos als diskursive Aussage im digitalen Spiel. Ein Beitrag aus der Perspektive der Politikgeschichte // Digitale Spiele im Diskurs / Th.

Junge und C. Schumacher (Hg.). Hagen, 2018. P. 1–20. URL: <http://www.medien-im-diskurs.de> (дата обращения: 02.04.2021).

32. Sala Vincent Della. Political Myth, Mythology and the European Union // *JCMS Journal of Common Market Studies*. January.2010. 48(01). P.1-19.

33. Shteynman M. Political Myth and Political Glory: Shaping Media Reality // *Russian sociological review*. 2016. Vol. 15. №4. P. 96-113.

References

1 Andreev I.L. (2013) *Istoriya Rossii s konca XVI–XVIII v.* [History of Russia from the End of the XVI-XVIII Centuries: Textbook for educational institutions. 5th ed]. M.: Mnemozika, 2013. 255 s. (In Russian).

2 Vinogradova N.F., Kalinova G.S. (2012) *Okruzhayushchij mir.* [The World around us: Textbook for Students of Educational Institutions: in 2 hours, part 2. 2nd ed.]. M.: Ventana-Graf, 2012.176 s. (In Russian).

3 VCIOM: lish' tret' rossiyan oshchushchaet narodnoe edinstvo. [Only a Third of Russians Feel National Unity] URL: <https://tass.ru/obschestvo/7066019> (accessed: 30.03.2021) (In Russian).

4 Rossiyanе o edinstve natsii. Opros 2017 g. [Russians about the Unity of the Nation. opinion Poll. 2017]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyanе-o-edinstve-natsii> (accessed: 13.09.2018) (In Russian).

5 Glebova I.I. (2011) «Dvorcovoe gosudarstvo» v sovremennoj Rossii [«Palace State» in Modern Russia] // *Politicheskaya konceptologiya: zhurnal mezhdisciplinarnyh issledovanij* [Political Conceptology: Journal of Interdisciplinary Research]. № 2. 2019. S. 80–116 (In Russian).

6 Zavershinskij K.V. (2015) *Politicheskij mif v strukture sovremennoj simbolicheskoy politiki* [Political Myth in the Structure of Modern Symbolic Politics] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Political science. International Relations]. 2015. № 2. S. 16–25 (In Russian).

7 *Istoriya Rossii* (2016) *Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nyh organizacij* [Russian History: Textbook for Educational Organizations]. V 2 ch. Ch. 1 / Pod red. A.V. Torkunova. M.: Prosveshchenie, 2016. 128 s. (In Russian).

8 Kirejchikov V.K. *Rol' social'nyh mifov v formirovanii social'noj bezopasnosti sovremenogo obshchestva* [The Role of Social Myths in the Formation of Social Security in Modern Society] // *Mif v istorii, politike, kul'ture: Sbornik materialov I Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj zaochnoj konferencii* [Myth in History, Politics, Culture: Collection of Materials of the I International Scientific Interdisciplinary Correspondence Conference]. Sevastopol': Filial MGU im. M.V.Lomonosova v g.Sevastopol', 2018. S. 435–439 (In Russian).

9 *Kniga Mo-czy* [Book of Mo-tzu] // *Antologiya mirovoj politicheskoy mysli v 5-ti tt.* [Anthology of World Political Thought in 5 vols] M.: Mysl', 1997. T. 1. S. 77–78 (In Russian).

10 Musihin G.I. (2015) *Politicheskij mif kak raznovidnost' politicheskoy simbolizacii* [Political Myth as a Type of Political Symbolization] // *Obshchestvennyj nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. 2015. № 5. S. 102–117 (In Russian).

11 Nakanune Dnya narodnogo edinstva VCIOM vyyasnil, chto ob"edinyayet rossiyan [On the Eve of National Unity Day, VCIOM found out what Unites Russians] URL: <https://rg.ru/2020/11/03/nakanune-dnia-narodnogo-edinstva-vciom-vyiasnil-cto-obediniaet-rossiian.html> (accessed: 30.03.2021) (In Russian).

12 Nacional'naya strategiya dejstvij v interesah detej na 2012-2017 gg., utverzhdyonnaya Ukazom Prezidenta RF № 761 ot 01.06.2012 g. [The National Strategy for Action in the Interests of Children for 2012-2017, approved by the Decree of the President of the Russian Federation No. 761 of 01.06.2012]. URL: <https://base.garant.ru/70183566/> (accessed: 25.01.2021) (In Russian).

13 Pleshakov A.A. (2013) Okruzhayushchij mir. 4 klass: uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij [The World around us: Textbook for Educational Institutions]. M.: Prosveshchenie, 2013. 143 s. (In Russian).

14 Istoriya Rossii. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nyh organizacij (2016) [Russian History. Textbook for Educational Organizations.] / Pod red. A.V. Torkunova. M.: Prosveshchenie, 2016. 112 s. (In Russian).

15 Poslanie Prezidenta Federal'nomu sobraniyu 1 marta 2018 g. [Message from the President to the Federal Assembly on March 1, 2018]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed: 23.01.2019) (In Russian).

16 Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 20 avgusta 2013 g. № 718 «O federal'noj celevoj programme «Ukreplenie edinstva rossijskoj nacii i etnokul'turnoe razvitie narodov Rossii (2014–2020 gody)». [Decree of the Government of the Russian Federation No. 718 «On the Federal Target Program» Strengthening the Unity of the Russian Nation and Ethnocultural Development of the Peoples of Russia (2014–2020)». August 20, 2013]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70339260/> (accessed: 06.04.2021) (In Russian).

17 Postanovlenie Pravitel'stva RF № 1493 ot 30 dekabrya 2015 g. «O gosudarstvennoj programme «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan RF na 2016–2020 gg.» [Decree of the Government of the Russian Federation «On the state program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016–2020»]. URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (accessed: 06.04.2021) (In Russian).

18 Pouchenie Vladimira Monomaha (1997) [The lesson of Vladimir Monomakh] // Antologiya mirovoj politicheskoy mysli [Anthology of world political thought]. V 5 tt. M.: Mysl', 1997. T.3. S. 42–45. (In Russian).

19 Prikaz ot 06 oktyabrya 2009 № 373 «Ob utverzhdenii i vvedenii v dejstvie federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta nachal'nogo obshchego obrazovaniya» [Order of October 6, 2009 No. 373 «On the Approval and Implementation of the Federal State Educational Standard of Primary General Education»]. URL: <https://base.garant.ru/197127/> (accessed: 25.01.2021) (In Russian).

20 Pushkaryova G.V. (2018) Mify v idejno-cennostnom mekhanizme gosudarstvennogo upravleniya [Myths in the Ideological and Value Mechanism of Public Administration] // Mif v istorii, politike, kul'ture: Sbornik materialov I Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj zaochnoj konferencii [Myth in History, Politics, Culture: Collection of materials of the I International Scientific Interdisciplinary Correspondence Conference]. Sevastopol', 2018. S. 455–459 (In Russian).

21 Rossiyanе o edinstve nacii. Opros VCIOM ot 03.11.2017 g. [Russians about the Unity of the Nation. Poll by VCIOM. 03.11.2017] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116501> (accessed: 12.10.2019) (In Russian).

22 Seleznyova A.V. (2016) Rossijskoe obshchestvo v postsovetskij period: dinamika cennostnyh izmenenij elity i grazhdan [Russian Society in the Post-soviet Period: Dynamics of Value Changes of the Elite and Citizens] // Politicheskie nauki. Special'nyj vypusk. [Political science. Special issue]. 2016. S. 149–169 (In Russian).

23 Seleznyova A.V., Palitaj I.S. (2019) Vospriyatie svoej strany rossijskoj molodyozh'yu: cennostno-simvolicheskij i politiko-kul'turnye aspekty [Perception of their Own Country of Russian youth: Value-symbolic and Political and Cultural Aspects] // Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Scientific and Technical Bulletins of the St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and Social Sciences]. 2019. № 2. S. 123–135. DOI: 10.18721/JHSS.10211 (In Russian).

24 Strategiya razvitiya vospitaniya v RF na period do 2025 g., utverzhdyonnaya rasporyazheniem Pravitel'stva RF № 996-r ot 29.05.2015 g. [The Strategy for the Development of Education in the Russian Federation for the Period up to 2025, approved by the order of the Government of the Russian Federation No. 996-r dated May 29, 2015] URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70957260/> (accessed: 26.09.2018) (In Russian).

25 Syun'-czy // Antologiya mirovoj politicheskoy mysli v 5-ti tt. T. 1. [Anthology of World Political Thought in 5 vols. Volume 1]. M.: Mysl', 1997. S. 141-146 (In Russian).

26 Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 03 marta 2011 goda № 267 «O prazdnovanii 1150-letiya zarozhdeniya rossijskoj gosudarstvennosti» [Decree of the President of the Russian Federation Dated March 03, 2011 No. 267 «On the celebration of the 1150th anniversary of the emergence of Russian statehood»] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6648668/> (accessed: 26.11.2020) (In Russian).

27 Ukaz Prezidenta RF ot 31 dekabrya 2015 g. № 683 «O strategii nacional'noj bezopasnosti RF» [Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 «On the National Security Strategy of the Russian Federation»] URL: <http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (accessed: 02.08.2017) (In Russian).

28 Shabrov O.F. (2011) Duhovnye osnovy rossijskoj politiki [Spiritual Basis of Russian Politics] // Otkrytoe obrazovanie [Open Education]. 2011. № 2. S. 155–158 (In Russian).

29. Barthes R. (1991) Mythologies. New York: The Noonday Press, 1991. 83 p.

30. Bottici Ch., Challand B. (2006) Rethinking Political Myth The Clash of Civilizations as a Self-Fulfilling Prophecy // European Journal of Social Theory August 2006. № 9 (3). P. 315-336. DOI:10.1177/1368431006065715

31. Pfister Eu. (2018) Der Politische Mythos als diskursive Aussage im digitalen Spiel. Ein Beitrag aus der Perspektive der Politikgeschichte // Digitale Spiele im Diskurs / Th. Junge und C. Schumacher (Hg.). Hagen, 2018. P. 1-20. URL: <http://www.medien-im-diskurs.de> (accessed: 02.04.2021).

32. Sala Vincent Della (2010). Political Myth, Mythology and the European Union // JCMS Journal of Common Market Studies. January. 2010. 48(01). P. 1-19. DOI:10.1111/j.1468-5965.2009.02039.x

33. Shteynman M. (2016) Political Myth and Political Glory: Shaping Media Reality // Russian sociological review. 2016. Vol. 15. №4. P. 96-113. DOI:10.17323/1728-192X-2016-4-96-113

Сведения об авторе:

Шмелева Ольга Юрьевна

доцент кафедры политологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», доктор политических наук, кандидат исторических наук (г. Нижний Новгород, Россия)

E-mail: O_shmeleva1977@mail.ru

Bionotes:

Шмелева Ольга Юрьевна

Associate Professor, Department of Politology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Doctor of Politology, Candidate of History (Nizhny Novgorod, Russia).

Для цитирования:

Шмелева О.Ю. Миф о единстве как идейно-семантическая матрица восприятия современного российского государства гражданами РФ // Мифологос. Серия «Миф и общество: история, политика, социология», № 4, 2022. С. 86–99.

For citation:

Shmeleva O.Yu. The Myth about the Unity as a Semantic Matrix of Perception of the Modern Russian State by Citizens of the Russian Federation // Mythologos. Myth and Society: History, Politics, Sociology Series, no. 4, 2022. С. 86–99.

УДК 327-057.54

DOI: 10.35103/SMSU.2022.18.70.054

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ О «МИРОВОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ»:
СЮЖЕТНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
АНАЛИТИЧЕСКИХ ДОКЛАДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ УКРАИНЫ)**

Онопко Олег Владимирович

Донецкий национальный университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

Аннотация

На основе синтетического теоретико-методологического подхода, объединяющего ключевые положения теории «эпистемных сообществ» П. Хааса, теории секьюритизации Б. Бузана и О. Уэвера, а также теории критической геополитики В. Колосова и Дж. О’Тоала автором с помощью собственной методики исследования военных мифов проанализирован распространённый в политической картине мира украинских экспертов политический миф о «мировой гибридной войне». По итогам изучения текстов докладов Национального института стратегических исследований Украины (2014–2020 гг.) установлено, что данный миф построен по принципу «мы – они». Он создаётся и распространяется экспертами института с целью секьюритизации образа России, а также легитимации и поддержки на международном уровне внешнеполитического курса Украины.

Ключевые слова: политические мифы, военная мифология, «мировая гибридная война», политическая картина мира, внешнеполитическая экспертиза.

**THE POLITICAL MYTH OF THE "WORLD HYBRID WAR": PLOT AND
STRUCTURAL FEATURES (BASED ON ANALYTICAL REPORTS OF THE
NATIONAL INSTITUTE FOR STRATEGIC STUDIES OF UKRAINE)**

Onopko Oleg Vladimirovich

Donetsk National University

(Donetsk, Donetsk People’s Republic)

Abstract

Basing on a synthetic theoretical and methodological approach that combines the key provisions of the theory of "epistemic communities" by P. M. Haas, the theory of securitization by B. Buzan and O. Waever, as well as the theory of critical geopolitics by V. Kolosov and G. O’Tuathail using own research methodology of studying military myths, the political myth about the "world hybrid war", widespread in the political picture of the world of Ukrainian experts, is analyzed by the author. According to the results of the study of the texts of the reports of the National Institute for Strategic Studies of Ukraine (2014–2020), it was established that this myth is built on the principle “we – they”. It is created and distributed by the experts of the institute with the aim of securitizing the image of Russia, as well as legitimizing and supporting at the international level Ukraine's foreign policy.

Keywords: political myths, military mythology, "world hybrid war", political picture of the world, foreign policy expertise.

Введение (Introduction)

Мифологическое мировоззрение и, как следствие, мифологическая политическая картина мира [11] традиционно в большей степени господствуют в массовом политическом сознании, сознании обывателей, но не лиц, чьё участие в политике можно считать профессиональным, основанным на непосредственной причастности к процессу выработки, принятия и реализации политических решений. Вместе с тем и политики, и эксперты-политологи могут сознательно интерпретировать окружающую политическую действительность сквозь призму политических мифов, стереотипов и установок, что непосредственно влияет на характер политики, которая в этом случае становится всё менее рациональной, реалистичной и прагматичной.

В сфере международных отношений и внешней политики иррациональные представления об отдельных международно-политических процессах и явлениях, а также международной системе в целом могут привести к искажениям и ошибкам политической элиты государства в сфере внешнеполитического целеполагания, идейно-теоретического формулирования и практической реализации программы внешней политики как таковой. Руководствуясь в своих внешнеполитических действиях иррациональными мотивами, государство может создавать угрозу для своих соседей и других международных акторов, побуждать их принимать экстраординарные меры для обеспечения собственной национальной или коллективной безопасности.

В этих условиях ключевыми задачами системы внешнеполитической экспертизы должны являться формирование наиболее рациональных представлений о международно-политической действительности, предоставление взвешенных и, по возможности, максимально непредвзятых оценок происходящего, подготовка рекомендаций по совершенствованию внешнеполитического курса государства. В случае же если эксперты сами являются носителями мифологической политической картины мира и, тем более, создателями и трансляторами политических мифов в политическое сознание лиц, принимающих внешнеполитические решения, то весь курс государства в международной среде становится заложником искусственных иррациональных, чувственно-эмоциональных представлений.

После смены режима на Украине в 2014 г. её внешняя политика приобрела устойчивый евроатлантический и антироссийский характер, а любые аспекты российско-украинских отношений, ключевые проблемы национальной, региональной и международной безопасности, ситуации с Крымом и Донбассом, а также многие другие вопросы стали рассматриваться исключительно сквозь призму «гибридной войны», которую Россия якобы ведёт против Украины. При этом именно эксперты, специализирующиеся на внешней политике и международных отношениях, внесли чуть ли не наибольший вклад в легитимацию и укоренение в сознании правящей элиты и граждан страны политической картины мира, в центре которой лежит политический миф о «мировой гибридной войне». Выявление его сущностных особенностей представляется актуальной задачей для российской политической науки и практики, решение которой позволило бы повысить эффективность украинского направления отечественной внешней политики.

Принимая это во внимание, автор преследовал цель выявить структурные и сюжетные особенности политического мифа о «мировой гибридной войне»,

содержащегося в политической картине мира экспертов Национального института стратегических исследований (НИСИ) – главного консультативно-совещательного органа при президенте Украины, обеспечивающего научно-аналитическое сопровождение его деятельности, а также деятельности Совета национальной безопасности и обороны (СНБО) [22].

Методы (Methods)

Для проведения исследования автором предложена синтетическая методология, в основе которой лежат ключевые положения теории «эпистемных сообществ» П. Хааса [30], теории секьюритизации Б. Бузана [25] и О. Уэвера [37] и теории критической геополитики В. Колосова и Дж. О’Тоала [4]. Объединив их в единый теоретико-методологический подход, можно утверждать, что политический миф о «мировой гибридной войне» – это милитарный центральный миф [10] современной внешней политики Украины, на основании которого создаются секьюритизирующие образ России и описывающие международно-политическую действительность скрипты различных украинских геополитических историй. Создателями политического мифа о «мировой гибридной войне» являются представители украинского внешнеполитического экспертного сообщества, объединённые схожими ценностями, убеждениями и политической картиной мира – представлениями о текущем состоянии международных отношений и их акторах, проблемах безопасности, национальных интересах Украины, вызовах и угрозах, стоящих перед ней. Одними из участников такого эпистемного сообщества являются эксперты НИСИ, которые, используя в качестве канала коммуникации с институтами «внешнеполитической триады» [13, с. 36] государства свои аналитические доклады, транслируют президенту Украины и власти в целом выраженное в мифе своё видение международно-политической действительности, чем побуждают их проводить определённую внешнюю политику, а также легитимируют соответствующий такому видению внешнеполитический курс.

Подобная научная интерпретация предмета исследования обуславливает использование предложенного автором в 2012 г. общего алгоритма анализа милитарных политических мифов³⁷ в сочетании с отдельными элементами политико-семантического анализа, направленного на выявление в текстах аналитических докладов и других публикаций НИСИ за 2014–2020 гг. концептов, относящихся к политическому мифу о «мировой гибридной войне», определение характеристик, приписываемых экспертами Института данным концептам.

Литературный обзор (Literature Review)

При подготовке статьи автором были приняты во внимание теоретические положения и практические результаты ряда современных политологических исследований: в сфере изучения политической мифологии – работы таких российских и иностранных учёных, как Э. Асриян [26], В. Делла Сала [28], Г. Де Врис [20], М. Кранерт [32], Р. Магди [33], О. Малинова [6], Г. Мусихин [8], В. Толстых [12], М. Стойка [36] и др.; в сфере изучения гибридных войн – исследования В. Белозёрова и А. Соловьёва [1], Ф. Гофмана [31], В. Киселёва [3], А. Манойло [7], Б. Ренц [35], К. Чиввиса [27] и др.; в сфере изучения внешнеполитической экспертизы – П. Абба [23], Д. Абельсона [24], И. Истомина

³⁷ См. подробнее: Оношко О. В. Мілітарна міфологія і «маленька переможна війна» // Наукові праці [Чорноморського державного університету імені Петра Могили]. Сер. : Політологія. 2012. Т. 182, Вип. 170. С. 70–73.

[2], А. Макарычева [4], Дж. МакГэнна [34] и др. Анализ работ этих и других исследователей засвидетельствовал, что на сегодняшний день мифологические аспекты политической картины мира украинских внешнеполитических экспертов и тем более создаваемый и распространяемый НИСИ миф о «мировой гибридной войне» так и не стали предметами политологического анализа.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

О «гибридной войне» как о состоянии российско-украинских отношений в НИСИ заговорили в 2014 г. после воссоединения Крыма с Россией и начала вооружённого конфликта в Донбассе [15, с. 6, 31, 119]. А в 2017 г. вышла монография директора Национального института стратегических исследований В.П. Горбулина «Мировая гибридная война: украинский фронт» [20], в которой одноимённый политический миф впервые получил максимальную сюжетную проработку и детализацию. С тех пор он активно развивается и дополняется в аналитических докладах и других публикациях НИСИ, на сегодняшний день представляя собой целостное милитарное мифологическое повествование. Отсюда – целесообразно рассмотреть его основные смысловые блоки.

Пространственный блок представляет собой мифологическое описание территории, на которой происходит вооружённый конфликт. Именно с ней связаны первые сведения, которые о нём получает целевая аудитория. Содержащаяся зачастую в самом названии конфликта его пространственная характеристика служит первоосновой его мифологизации. Она одновременно определяет географические границы противостояния и задаёт общую тональность, а также – в отдельных случаях – основу сюжетов политических мифов, которые будут возникать вокруг него. Территориальное определение конфликта существенно влияет на его чувственно-эмоциональное восприятие и отношение. В этих условиях важной задачей создателей милитарных мифов является формулирование такого названия для вооружённого конфликта, которое не оставило бы равнодушным максимально широкий круг лиц или же конкретную целевую аудиторию. Можно с уверенностью предположить, что чем географически дальше аудитория мифа находится от территории, где происходит вооружённое противостояние, тем меньше она им интересуется. Условно говоря, вряд ли у большинства жителей Центральной и Восточной Европы вызовет живой интерес ход современного (2020 г.) индо-китайского пограничного конфликта в Аксайчине. В случае же с политическим мифом о «мировой гибридной войне» его авторы изначально позиционируют описываемые с помощью него международно-политические и военные процессы так, чтобы создать иллюзию их актуальности для всего мира, убедить как можно больше людей в том, что Россия представляет угрозу не только для Украины, но и для всей международной системы в целом. Именно поэтому кризис в российско-украинских отношениях рассматривается экспертами НИСИ лишь как один из компонентов более широкого – мирового – противостояния («фронт»), а связанные с ним проблемы безопасности искусственно экстраполируются на международный уровень. Такой подход является нецелесообразным при ориентации мифа на внутреннюю аудиторию, но в полной мере соответствует стремлению украинского руководства заручиться в своём противостоянии с Россией поддержкой мирового сообщества.

Ещё один пространственный аспект политического мифа о «мировой гибридной войне» связан с Крымом и Донбассом, которые занимают центральное место в политической картине мира экспертов НИСИ: «Как сараевское убийство

освободило сжатую пружину глубоких противоречий и сложных процессов, которые привели к Первой мировой войне, так и прямая аннексия Крыма Россией и её действия на Донбассе стали таким же спусковым крючком для начала новой мировой гибридной войны» [20, с. 7]. Эти события рассматриваются как начало «мировой гибридной войны». Судя по текстам докладов, эксперты представляют их как некую точку отсчёта для новой эпохи в истории украинской внешней политики. Отмечается, что произошедшее в 2014 г. «радикально изменило ландшафт европейской безопасности» [17, с. 28] и стало «для европейской и глобальной систем безопасности масштабным испытанием на прочность. Цена сохранения безопасности резко возросла» [16, с. 23].

Предметный блок связан с социально-практической функцией мифа, которая в случае с милитарными политическими мифами проявляется в двух измерениях: 1) она обосновывает причины, по которым воюем условные «мы», и 2) показывает то, чего хочет достичь противник. Политические мифы этого блока определяют причины и аксиологические основы противостояния, иллюстрируют интересы сторон. В НИСИ убеждены, что причины мифической «мировой гибридной войны» кроются в имперской политике, которую якобы проводит Россия [17, с. 129] и которая «имеет целью дестабилизацию, социальный и политический хаос, не предлагая никаких новых форм порядка. Учитывая экзистенциальный базис российского государства как имперского образования, главным вопросом его правителей во внутренней и внешней политике является самодостаточная власть – её достижение, сохранение, укрепление и распространение» [21, с. 289]. При этом в текстах Института отсутствуют сколь-либо адекватные объяснения того, почему такая политика якобы имеет место, каковы её рациональные причины и основания, – всё ограничивается безапелляционным констатированием «факта» её наличия. В полной мере осознавая этот существенный пробел в создаваемом ими политическом мифе, украинские эксперты сами вынуждены оговариваться, что «понять смысл российской агрессивной войны против Украины через рациональные объяснения невозможно, поскольку никаких причин или формальных оснований для войны вообще не существует» [21, с. 297].

Кроме того, в НИСИ полагают, что России стремится противодействовать европейской и евроатлантической интеграции Украины, которая была восстановлена в качестве основного направления внешней политики после прихода к власти проевропейской националистической коалиции [15, с. 46]. При этом именно возможное вступление Украины в НАТО украинские эксперты считают «одной из непосредственных целей нападения», которое, по их мнению, являлось «проверкой на действенность и жизнеспособность Североатлантического альянса» [16, с. 414]. И данный вопрос связан с мифологическими характеристиками действий сторон конфликта. Источником угроз для безопасности Украины, НАТО и в целом евроатлантического сообщества украинские эксперты считают только и исключительно Россию. Они убеждены, что тактика её поведения в условиях новой политической реальности заключается в планомерной организации зон военно-политической напряжённости.

Данная задача решается путём «создания как можно большего количества "замороженных" конфликтов, особенно в регионе между Балтикой, Чёрным и Каспийским морями» [16, с. 420], эффективного «использования прокси-сил, ... подрывной деятельности, пропаганды», а также манипулирования международным правом [14, с. 13]. При этом в НИСИ считают, что именно такие специфические

методы являются традиционными для российской внешней и военной политики. Примечательно, что в российском внешнеполитическом экспертном дискурсе распространена полностью противоположная точка зрения, согласно которой именно Североатлантический альянс искусственно создаёт напряжённость у российских границ. Такая позиция получила особую популярность на фоне возобновления армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе и политических кризисов в Белоруссии и Киргизии [9].

Украинские эксперты считают, что действия Россия ведут к консолидации её противников в регионе, активизации евроатлантической интеграции Украины и оборонной кооперации с НАТО и его государствами-членами. В частности, речь идёт о создании новых (по сравнению с 2008 г., когда Украина обратилась к НАТО за Планом действий по членству) условий для диалога между Киевом и Брюсселем, в котором обе стороны заинтересованы в «восстановлении институтов безопасности на европейском пространстве» [18, с. 40]. Вместе с тем «дальнейшее промедление Запада с принятием плана эффективных действий, направленных на жёсткое противодействие реваншистской политике России, может привести к катастрофическим последствиям для европейского континента» [17, с. 28].

Украина рассматривается экспертами НИСИ исключительно как жертва, объект политики, не способный в полной мере самостоятельно обеспечивать собственную безопасность. В частности, периодически отмечается, что украинские «ВМС не имеют сил и средств для надлежащего выполнения задач <...> в Чёрном и Азовском морях, отпора возможной российской агрессии с моря на юге» [15, с. 37; 16, с. 114]. Отсюда – украинские эксперты считают, что их страна должна придерживаться тактики «консолидации международного сообщества в противодействии мировой гибридной войне» [19, с. 384].

Исходя из содержания структурных компонентов анализируемого политического мифа, воспроизводящегося в текстах НИСИ, можно сформулировать его общий сюжет. По мнению экспертов Института, в 2014 г. движимая иррациональной и ничем не обоснованной имперской политикой Россия, стремящаяся к дестабилизации существующего мирового порядка, совершила «акт агрессии» против ослабленной политическим кризисом и не способной самостоятельно обеспечивать собственную безопасность Украины, «аннексировав» Крым и «инициировав» конфликт в Донбассе. Используя методы «гибридной войны», Россия якобы пытается подорвать «европейский геополитический ландшафт» и для этого воздействует на страны Балто-Черноморско-Каспийского региона. В этих условиях Украина представляется экспертам НИСИ пусть одним из, но всё же главным «фронтом» этого международного противостояния, а потому якобы нуждается в максимальной поддержке мирового сообщества – в первую очередь, со стороны НАТО, которое вновь консолидируется перед лицом «российской угрозы».

Данному сюжету присущи следующие черты:

1. Русоцентризм. Несмотря на то, что политический миф формально повествует о «мировой гибридной войне», в центре его повествования лежит не противостояние каких-либо сил на мировом уровне, а искусственно выводящиеся на него проблемы российско-украинских отношений. Это классическое мифологическое противостояние «мы – они», где одно действующее лицо – Украина – позиционируется как жертва, а второе – Россия – как агрессор. При этом основное внимание мифотворцы уделяют именно последней. Детально

описываются российские «замыслы» и «стремления», «мотивы» и особенности участия в международно-политических процессах. Всё это делается для дискредитации России и демонизации и секьюритизации её образа в политической картине мира аудитории мифа. Именно сюжет мифа о «мировой гибридной войне» служит основой для официально скрипта украинской геополитической истории «о России».

2. Утилитарность. Поскольку политический миф о «мировой гибридной войне» рассчитан главным образом на иностранную аудиторию, а основные его положения секьюритизируют образ России, можно заключить, что его цель – содействовать евроатлантическому интеграционному курсу украинской внешней политики, текущему обеспечению международной поддержки Украины (прежде всего, материальной, военно-технической и санкционной) и созданию новой – антироссийской – системы коллективной безопасности в Балто-Черноморском регионе.

3. Адаптивность. Учитывая «неясность» рациональных мотивов «имперской политики» России, любые её действия в международной среде могут трактоваться украинскими экспертами как враждебные – как проявления «мировой гибридной войны». Это создаёт уникальные возможности для мифотворчества и делают миф о «мировой гибридной войне» практически бессмертным.

Заключение (Conclusions). Анализ структурных и сюжетных особенностей милитарного политического мифа о «мировой гибридной войне» свидетельствует о том, что он является основой официального скрипта украинской геополитической истории о России. Он в полной мере соответствует своему статусу центрального мифа как в политической картине мира экспертов НИСИ, так и в целом украинской внешней политики. Он создаётся и распространяется украинскими экспертами как участниками национального внешнеполитического эпистемного сообщества в их аналитических докладах и других работах для президента и СНБО Украины с целью легитимации её текущего курса в международных отношениях, а также для привлечения союзников в попытках противостоять России. Вся структура и сюжет мифа подчинены одной цели – секьюритизации её образа для мирового сообщества, созданию у максимально широкого круга лиц чувственно-эмоциональных представлений о ней как о мощном источнике угроз для международного мира и безопасности. Позиционируя Россию таким образом и заявляя о себе как о жертве её агрессии, эксперты НИСИ надеются добиться консолидации антироссийских сил как на глобальном, так и региональном (Балто-Черноморском) уровне, а также ускорения и облегчения для Украины евроатлантической интеграции.

Литература

1. Белозеров В.К., Соловьев А.В. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. № 9. С. 5–11.
2. Истомина И.А. Внешнеполитическая экспертиза и конструирование международной среды // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 3–4 (30–31). С. 58–72.
3. Киселев В.А. К каким войнам необходимо готовить вооруженные силы России // Военная мысль. 2017. № 3. С. 37–46.

4. Колосов В.А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. № 4: Региональное измерение политического процесса. С. 31–52.

5. Макарычев А.С. Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти // Политическая наука. 2015. № 3. С. 9–26.

6. Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилки // Полис. Политические исследования. 2015. №4. С. 12–21. doi:10.17976/jpps/2015.04.03

7. Манойло А.В. Гибридные войны и цветные революции в мировой политике // Право и политика. 2015. № 7. С. 918–929. doi: 10.7256/1811-9018.2015.7.15832

8. Мусихин Г.И. Политический миф как разновидность политической символизации // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 102–117.

9. Нагорный Карабах, Киргизия, Белоруссия – эксперты объясняют создание очагов напряженности у российских границ. URL: [https://www.1tv.ru/news/2020-10-18/395229-](https://www.1tv.ru/news/2020-10-18/395229-nagornyy_karabah_kirgiziya_belorussiya_eksperty_ob_yasnyayut_sozdanie_ochagov_na_pryazhennosti_u_rossiyskih_granits)

[nagornyy_karabah_kirgiziya_belorussiya_eksperty_ob_yasnyayut_sozdanie_ochagov_na_pryazhennosti_u_rossiyskih_granits](https://www.1tv.ru/news/2020-10-18/395229-nagornyy_karabah_kirgiziya_belorussiya_eksperty_ob_yasnyayut_sozdanie_ochagov_na_pryazhennosti_u_rossiyskih_granits) (дата обращения: 20.03.2021).

10. Попов С.А. Центральный миф в стратегии избирательной кампании // Избирательные технологии и избирательное искусство. М.: "РОССПЭН" . 2001. С. 75–87.

11. Самаркина И.В. Политическая картина мира: опыт концептуализации и интерпретации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 3 (23). С.117–127.

12. Толстых В.Л. Миф о войне как центральный элемент международно-правовой идеологии // Российский юридический журнал. 2015. № 6 (105). С. 43–53.

13. Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М., НОФМО. 2008. 232 с.

14. Александров О., Филипенко А., Власенко Р. та ін. Російська політика в Чорноморському регіоні: загрози й виклики для України : аналіт. доп. / за заг. ред. І. Веремія, М. Паламарчука. К.: НІСД. 2020. 37 с.

15. Аналітична доповідь Національного інституту стратегічних досліджень до позачергового Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України у сфері національної безпеки». К.:НІСД. 2014.148 с.

16. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2015 році».К.: НІСД. 2015. 684 с.

17. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2016 році». К.: НІСД. 2016. 688 с.

18. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2017 році». К.: НІСД. 2017. 928 с.

19. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2018 році». К.: НІСД. 2018. 688 с.

20. Горбулін В.П. Світова гібридна війна: український фронт. К.: НІСД. 2017. 496 с.
21. Парахонський Б.О., Яворська Г.М. Онтологія війни і миру: безпека, стратегія, смисл: монографія. К.: НІСД. 2019. 560 с.
22. Указ Президента України «Питання Національного інституту стратегічних досліджень». URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/737/2019#Text> (дата обращения: 20.03.2021)
23. Abb P. China's Foreign Policy Think Tanks: institutional evolution and changing roles // *Journal of Contemporary China*. 2014. №24 (93). P. 531–553. DOI: 10.1080/10670564.2014.953856.
24. Abelson D.E. Old world, new world: the evolution and influence of foreign affairs think-tanks // *International Affairs*. 2014. №90(1). P. 125–142. DOI: 10.1111/1468-2346.12099.
25. Albert M., Buzan B. Securitization, Sectors and Functional Differentiation // *Security Dialogue*. 2011. № 42(4-5). P. 413–425.
26. Asriyan E. Ethnic and political myths as a factor of forming the public opinion // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2017. №VIII/1. P. 161–172.
27. Chivvis C.S. Understanding Russian "Hybrid Warfare": And What Can Be Done About It. Santa Monica, CA: RAND Corporation. 2017. URL: <https://www.rand.org/pubs/testimonies/CT468.html>. (дата обращения: 20.03.2021) DOI: 10.7249/CT468.
28. Della Sala V. Europe's odyssey?: political myth and the European Union // *Nations and Nationalism*. 2016. №22(3). P. 524–541. DOI: 10.1111/nana.12159.
29. De Vriese H. Political myth and sacrifice // *History of European Ideas*. 2017. № 43(7). P. 808–824. DOI: 0.1080/01916599.2017.1321567
30. Haas P.M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // *International Organization*. 1992. Vol. 46. № 1 Knowledge, Power, and International Policy Coordination. P. 1–35.
31. Hofman F.G. Hybrid Warfare and Challenges // *Small Wars Journal*. 2009. №52. P.34–39.
32. Kranert M. Political myth as a legitimation strategy. The case of the golden age myth in the discourses of the Third Way // *Journal of Language and Politics*. 2018. №17 (6). P. 882-906. DOI: 0.1075/jlp.17059.kra
33. Magdy R. Mythos Politicus: A Theoretical Framework for the Study of Political Myths // *Athens Journal of Mediterranean Studies*. 2020. Vol. 6, № 2. P.155–178. DOI: 10.30958/ajms.6-2-4
34. McGann J.G. Think Tanks and the Transnationalization of Foreign Policy // *Connections : The Quarterly Journal*. 2003. Vol. 2, № 1. P. 88.
35. Renz B. Russia and “hybrid warfare”. *Contemporary Politics*. 2016. № 22(3). P. 283–300. DOI: 10.1080/13569775.2016.1201316.
36. Stoica M.S. Political Myths of the Populist Discourse // *Journal for the Study of Religions and Ideologies*. 2017. № 46. P. 63–76.
37. Waever O. Securitization and Desecuritization // *International Security: Widening Security*. 2007. Vol. 3. P.66–99.

References

1. Belozеров V.K., Solov'ev A.V. Gibridnaja vojna v otechestvennom politicheskom i nauchnom diskurse [Hybrid Warfare in the Domestic Political and Scientific Discourse] // Vlast'. 2015. № 9. P. 5–11. (in Russian)
2. Istomin I.A. Vneshnepoliticheskaja jekspertiza i konstruirovanie mezhdunarodnoj sredy [Foreign Policy Expertise and Construction of the International Environment] // Mezhdunarodnye processy [International Trends]. 2012. Vol. 10. № 3–4 (30–31). P. 58–72. (in Russian)
3. Kiselev V.A. K kakim vojnam neobhodimo gotovit' vooruzhennye sily Rossii [What Wars do the Russia's Armed Forces Need to Prepare for?] // Voennaja mysl' [Military Thought]. 2017. № 3. P. 37–46. (in Russian)
4. Kolosov V.A. Kriticheskaja geopolitika: osnovy koncepcii i opyt ee primenenija v Rossii [Critical Geopolitics: Foundations of the Concept and Experience of its Application in Russia] // Politicheskaja nauka [Political Science]. 2011. № 4.: Regional'noe izmerenie politicheskogo processa [Regional Dimension of the Political Process]. P. 31–52. (in Russian)
5. Makarychev A.S. Gosudarstva, jekspertnye soobshhestva i rezhimy znanija-vlasti [States, Expert communities and Knowledge-Power Regimes] // Politicheskaja nauka [Political Science]. 2015. № 3. P. 9–26. (in Russian)
6. Malinova O.Ju. Mif kak kategorija simvolicheskoj politiki: analiz teoreticheskikh razvilok [Myth as a Category of Symbolic Politics: Analysis of Theoretical Junctions] // Polis. Politicheskie issledovanija [Polis. Political Studies]. 2015. №4. P. 12–21. DOI: 10.17976/jpps/2015.04.03 (in Russian)
7. Manojlo A.V. Gibridnye vojny i cvetnye revoljucii v mirovoj politike [Hybrid Wars and Color Revolutions in Global Politics] // Pravo i politika [Law and Politics]. 2015. № 7. P. 918–929. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.7.15832 (in Russian)
8. Musihin G.I. Politicheskij mif kak raznovidnost' politicheskoi simvolizacii [Political Myth as a Type of Political Symbolization] // Obshhestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]. 2015. № 5. P. 102–117. (in Russian)
9. Nagornyj Karabah, Kirgizija, Belorussija – jeksperty ob#jasnjajut sozdanie ochagov naprjazhennosti u rossijskih granic. [Nagorno-Karabakh, Kyrgyzstan, Belarus – Experts Explain the Creation of Hotbeds of Tension Near Russian Borders] URL: https://www.1tv.ru/news/2020-10-18/395229-nagornyy_karabah_kirgiziya_belorussiya_eksperty_ob_yasnyayut_sozdanie_ochagov_na_pryazhennosti_u_rossijskih_granits (accessed: 20.03.2021). (in Russian)
10. Popov S.A. Central'nyj mif v strategii izbiratel'noj kampanii [Central Myth in Election Campaign Strategy] // Izbiratel'nye tehnologii i izbiratel'noe iskusstvo [Electoral Technologies and Electoral Art]. ROSSPJeN [Russian Political Encyclopedia]. 2001. P. 75–87. (in Russian)
11. Samarkina I.V. Politicheskaja kartina mira: opyt konceptualizacii i interpretacii [Political Picture of the World: Experience of Conceptualization and Interpretation]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. 2013. № 3 (23). P. 117–127. (in Russian)
12. Tolstyh V.L. Mif o vojne kak central'nyj jelement mezhdunarodno-pravovoj ideologii [The Myth about War as a Central Element of International Legal Ideology] // Rossijskij juridicheskij zhurnal [Russian Juridical Journal]. 2015. № 6 (105). P. 43–53. (in Russian)

13. Khrustalev M. A. Analiz mezhdunarodnyh situacij i politicheskaja jekspertiza: ocherki teorii i metodologii [Analysis of International Situations and Political Expertise: Essays on Theory and Methodology]. Moscow. 2008. 232 p. (in Russian)

14. Aleksandrov O., Filipenko A., Vlasenko R. ta in. Rosijs'ka politika v Chornomors'komu regionu: zagrozi j vikliki dlja Ukraïni : analit. dop. [Russian policy in the Black Sea region: threats and challenges for Ukraine: Analytical Report]. Kiev: NISD. Kiev: NISD [National Institute for Strategic Studies]. 2020. 37 p. (in Ukrainian)

15. Analitichna dopovid' Natsional'nogo institutu strategichnikh doslidzhen' do pozachergovogo Poslannia Prezidenta Ukraïni do Verkhovnoï Radi Ukraïni «Pro vnutrishne ta zovnishne stanovishche Ukraïni u sferi natsional'noï bezpeki» [Analytical Report of the National Institute for Strategic Studies to the Extraordinary Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine "On the Internal and External Position of Ukraine in the Sphere of National Security"]. Kiev: NISD [National Institute for Strategic Studies]. 2014. 148 p. (in Ukrainian)

16. Analitichna dopovid' do Shhorichnogo Poslannja Prezidenta Ukraïni do Verkhovnoï Radi Ukraïni «Pro vnutrishne ta zovnishne stanovishche Ukraïni v 2015 roci» [Analytical Report to Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine "On the Internal and External Position of Ukraine in 2015"]. Kiev: NISD [National Institute for Strategic Studies]. 2015. 684 p. (in Ukrainian)

17. Analitichna dopovid' do Shhorichnogo Poslannja Prezidenta Ukraïni do Verkhovnoï Radi Ukraïni «Pro vnutrishne ta zovnishne stanovishche Ukraïni v 2016 roci» [Analytical Report to Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine "On the Internal and External Position of Ukraine in 2016"]. Kiev: NISD [National Institute for Strategic Studies]. 2016. 688 p. (in Ukrainian)

18. Analitichna dopovid' do Shhorichnogo Poslannja Prezidenta Ukraïni do Verkhovnoï Radi Ukraïni «Pro vnutrishne ta zovnishne stanovishche Ukraïni v 2017 roci» [Analytical Report to Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine "On the Internal and External Position of Ukraine in 2017"]. Kiev: NISD [National Institute for Strategic Studies]. 2017. 928 p. (in Ukrainian)

19. Analitichna dopovid' do Shhorichnogo Poslannja Prezidenta Ukraïni do Verkhovnoï Radi Ukraïni «Pro vnutrishne ta zovnishne stanovishche Ukraïni v 2018 roci» [Analytical Report to Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine "On the Internal and External Position of Ukraine in 2018"]. Kiev: NISD [National Institute for Strategic Studies]. 2018. 688 p. (in Ukrainian)

20. Gorbulin V.P. Svitova gibridna vijna: ukraïns'kij front [World Hybrid War: Ukrainian Front]. Kiev: NISD NISD [National Institute for Strategic Studies]. 2017. 496 p. (in Ukrainian)

21. Parahons'kij B.O., Javors'ka G.M. Ontologija vijni i miru: bezpeka, strategija, smisl: monografija [Ontology of War and Peace: Security, Strategy, Meaning: Monograph]. Kiev: NISD [National Institute for Strategic Studies]. 2019. 560 p. (in Ukrainian)

22. Ukaz Prezidenta Ukraïni «Pitannja Nacional'nogo institutu strategichnih doslidzhen'» [Decree of the President of Ukraine "Issues of the National Institute for Strategic Studies"]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/737/2019#Text> (accessed: 20.03.2021). (in Ukrainian)

23. Abb P. China's Foreign Policy Think Tanks: institutional evolution and changing roles // Journal of Contemporary China. 2014. №24(93). P. 531–553. DOI: 10.1080/10670564.2014.953856.

24. Abelson D.E. Old world, new world: the evolution and influence of foreign affairs think-tanks // *International Affairs*. 2014. №90(1). P. 125–142. DOI: 10.1111/1468-2346.12099.
25. Albert M., Buzan B. Securitization, Sectors and Functional Differentiation // *Security Dialogue*. 2011. № 42 (4-5). P. 413–425.
26. Asriyan E. Ethnic and political myths as a factor of forming the public opinion // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2017. №VIII/1. P. 161–172.
27. Chivvis C.S. Understanding Russian "Hybrid Warfare": And What Can Be Done About It. Santa Monica, CA: RAND Corporation. 2017. URL: <https://www.rand.org/pubs/testimonies/CT468.html>. (accessed: 20.03.2021) DOI: 10.7249/CT468
28. Della Sala V. Europe's odyssey?: political myth and the European Union // *Nations and Nationalism*. 2016. №22 (3). P. 524-541. DOI: 10.1111/nana.12159.
29. De Vriese H. Political myth and sacrifice // *History of European Ideas*. 2017. № 43 (7). P. 808–824. DOI: 10.1080/01916599.2017.1321567.
30. Haas P.M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // *International Organization*. 1992. Vol. 46. № 1 Knowledge, Power, and International Policy Coordination. P. 1–35.
31. Hofman F.G. Hybrid Warfare and Challenges // *Small Wars Journal*. 2009. №52. P.34–39.
32. Kranert M. Political myth as a legitimation strategy. The case of the golden age myth in the discourses of the Third Way // *Journal of Language and Politics*. 2018. №17 (6). P. 882-906. DOI: 0.1075/jlp.17059.kra
33. Magdy R. Mythos Politicus: A Theoretical Framework for the Study of Political Myths // *Athens Journal of Mediterranean Studies*. 2020. Vol. 6, № 2. P.155-178. DOI: 10.30958/ajms.6-2-4.
34. McGann J.G. Think Tanks and the Transnationalization of Foreign Policy // *Connections: The Quarterly Journal*. 2003. Vol. 2, № 1. P. 88.
35. Renz B. Russia and "hybrid warfare". *Contemporary Politics*. 2016. № 22(3). P. 283–300. DOI: 10.1080/13569775.2016.1201316.
36. Stoica M.S. Political Myths of the Populist Discourse // *Journal for the Study of Religions and Ideologies*. 2017. № 46. P. 63–76.
37. Waever O. Securitization and Desecuritization // *International Security: Widening Security*. 2007. Vol. 3. P. 66–99.

Сведения об авторе:

Онопко Олег Владимирович

доцент кафедры политологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», кандидат политических наук (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).

E-mail: onopko.oleg@gmail.com

Bionotes:

Onopko Oleg Vladimirovich

Associate Professor, Department of Political Science, Donetsk National University, Candidate of Political Sciences (Donetsk, Donetsk People's Republic).

Для цитирования:

Онопко О.В. Политический миф о «мировой гибридной войне»: сюжетные и структурные особенности (по материалам аналитических докладов Национального института стратегических исследований Украины // Мифологос. Серия «Миф и общество: история, политика, социология», № 4, 2022. С. 100–112.

For citation:

Onopko O.V. The Political Myth of the "World Hybrid War": Plot and Structural Features (Based on Analytical Reports of the National Institute for Strategic Studies of Ukraine) // Mythologos. Myth and Society: History, Politics, Sociology Series, no. 4, 2022. С. 100–112.

ФЕЙК КАК СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНТИМИФ

Пименова Марина Владимировна

Международный гуманитарный университет им. П.П. Семёнова – Тянь-Шанского
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Родичева Анна Анатольевна

Российский государственный гидрометеорологический университет
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Зайцева Татьяна Александровна

Гуманитарный институт Череповецкого государственного университета
(г. Череповец, Россия)

Аннотация

Цель статьи: описать речь президента США Д. Трампа в аспекте анализа фейков, призванных создать политические мифы в текстах американских СМИ в 2020 году. Решаемая задача – определить корпус стратегий и тактик выражения фейков, используемых в СМИ в период предвыборной кампании, упомянутых Д. Трампом. Предметом изучения является политический дискурс Д. Трампа, озвученный в г. Талса. Актуальность проводимого исследования состоит в обращении к материалу как образцу политического дискурса, отображающего реалии жизни американцев с позиций действующего на то время руководителя страны. Как показал анализ, в 2020 году в предвыборной кампании были широко использованы фейки как один из способов манипуляции общественным сознанием американцев. Отмечены такие разновидности фейков, как передача ложной информации и ее искажение; обман избирателей; образование ложного информационного поля в интересах одной из политических сторон; создание атмосферы истерии вокруг пандемии; противоположная объективной оценке событий, связанных с организованными беспорядками в отдельных штатах, и ситуацией со школьным образованием в целом; использование запрещенных риторических приемов в политических дискуссиях.

Ключевые слова: фейк, антимиф, политический дискурс, политическая лингвистика, лингвокультурология

FAKE AS A MODERN POLITICAL ANTIMYTH

Pimenova Marina Vladimirovna

International Humanitarian University named after. P.P. Semyonov - Tien-Shansky
(Saint Petersburg, Russia)

Rodicheva Anna Anatolievna

Russian State Hydrometeorological University (St. Petersburg, Russia)

Zaitseva Tatiana Alexandrovna

Humanitarian Institute Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)

Abstract

Purpose of the article: to describe the speech of US President D. Trump in terms of the analysis of fakes designed to create political myths in the texts of the American media in 2020. The task to be solved is to determine the corpus of strategies and tactics for expressing fakes, used in the media during the election campaign, mentioned by D. Trump. The subject of study is D. Trump's political discourse, voiced in Tulsa. The relevance of the study is to refer to the material as a model of political discourse reflecting the realities of American life from the standpoint of the then current leader of the country. As the analysis showed, fakes were widely used as one of the ways to manipulate the public consciousness of Americans in the 2020 election campaign. Such types of fakes as transmission of false information and its distortion were noted; cheating voters; the formation of a false information field in the interests of one of the political parties; creating an atmosphere of hysteria around the pandemic; the opposite objective assessment of events related to organized riots in individual states, and the situation with school education in general; the use of prohibited rhetorical devices in political discussions.

Key words: fake, anti-myth, political discourse, political linguistics, cultural linguistics

Введение

В июне 2020 г. в США стартовала политическая кампания, посвященная выборам президента. Дональд Трамп обратился к своим избирателям, посетив город Талса (Tulsa) в штате Оклахома 20 июня 2020 года. В своей речи Д. Трамп часто обращался к теме фейков [7]. Нам уже известно, что было признано, что выборы в США выиграл Дж. Байден. Сейчас важно посмотреть на ту ситуацию глазами лингвиста с целью описать стратегии и тактики, которыми пользовались американские СМИ, предвыборной кампании глазами одного из претендентов на пост президента Америки.

В современной лингвистике очень мало работ, посвященных теме фейков как в СМИ, так и в политическом дискурсе. Этим и объясняется научная новизна проведенного исследования. Научная новизна заключается ещё и в том, что: 1. Речь президента США в г. Талса впервые становится объектом исследования лингвистов. 2. Речь Д. Трампа в г. Талса в аспекте создания политических фейков не была ещё описана.

Литературный обзор

Слово *фейк* в русском языке относят к молодежному жаргону. Синонимами заимствованного англицизма *фейк* являются 8 слов: *ложь, обман, подделка, неправда, фальсификация, виртуал, фальшивка, липа* [8]. Если в предшествующие времена пропагандировалась истинность объявляемых в СМИ новостей, то «современная массовая мифология погружает общественное сознание в тотальную ложь, транслируемую всей мощью медийного информационного потока» [10, с. 376]. Реальность уже не осознается как непреложная истина, её описывают как многослойную структуру, пронизывающую весь наш мир: как физический, так и виртуальный: «Многослойная версия реальности создает новые жанры в литературе и кинематографе – байопик, мокьюментари (документари)» [10, с. 377]. В сознание масс внедряются антиценности, базирующиеся на антимифах. Так возникают новые сказки типа «Шрек», где героями становятся не красивые люди, а уродцы. Мы замечаем, что «превращение фейка в миф неконтролируемо» [10, с. 377].

Миф – это «способ духовной самоорганизации общества; особый язык описания, в терминах которых человек с древнейших времен моделировал, классифицировал, идентифицировал и интерпретировал себя, общество, мир» [6, с.

133]. Фейк (англ. fake «подделка, фальшивка») – это антими́ф, используемый широко в соцсетях, СМИ, политических кампаниях. Активно применяют фейки в информационной войне: «информационные войны преимущественно рассматриваются как противодействие фейкам и кибератакам» [1, с. 281]. Мир находится в состоянии гибридной войны, в которой информация выступает одним из видов оружия. Политика как концепт пересматривается и переформатируется в сознании наших современников [2; 3].

Существует несколько типов фейков, которые встречаются в современном мире: 1. Фальшивые/ поддельные фотографии, отредактированные или смонтированные в фотошопе, и видеоролики, обработанные в разных программах видеоредактора. 2. Фальшивые/ поддельные новости: их в советское время называли *дезинформацией* (жарг. *деза*) и *газетными утками*, а сейчас это синоним *информационного вброса*. 3. Фальшивые/ поддельные аккаунты в соцсетях, которые созданы от имени известных людей, но за которыми скрывается кто-то другой. Фейковым может быть только заголовок новостной статьи, либо только фотография к тексту статьи [9]. В любом случае, фейк становится одним из основным видов информационной политической борьбы.

В политике на наших глазах складывается организованная система по созданию мифов, широко используемых в гибридной войне в современной действительности. Уже описаны основные способы их внедрения в сознание людей: это ложная информация (дезинформация), тенденциозные информационные вбросы (фейки), недоговаривание (освещение неполной информации), гиперболизация событий, перекладывание ответственности на противника, уничижительные оценки оппонента, создание образа врага, эксплуатация сильных негативных эмоций, лозунги и карикатуры, порочащие или осмеивающие противоположную сторону [4, с. 175–186]; добавим от себя к этому ряду: акцентирование внимания на отдельном, вырванном из контекста, факте высказывания, передергивание фактов, подмена понятий, искажение истории и ее переписывание и т.д.

Результаты и обсуждение

Актуальной темой предвыборной речи президента Д. Трампа становится обман американских СМИ во время его правления в Белом доме. Политическая борьба, разгоревшаяся в США, показывает новые реалии, с которыми столкнулась эта страна в последние 5 лет.

В современном английском языке прочно утвердилось словосочетание *fake news*, где слово *fake* означает «объект, который выглядит реальным или ценным, чтобы обмануть людей»³⁸ [11]. Словосочетание *fake news* имеет значение: «ложные истории, которые кажутся новостями, распространяются в Интернете или с помощью других средств массовой информации, обычно созданные для влияния на политические взгляды или в качестве шутки»³⁹ [12]. Создание фейков – известная в политике стратегия, используемая в средствах массовой информации во всем мире для создания ложного информационного поля в интересах одной из политических сторон.

Что бы президент не предпринимал для спасения ситуации в стране – в СМИ информация об этом будет со стопроцентной вероятностью искажена: «Когда вы

³⁸ an object that is made to look real or valuable in order to deceive people.

³⁹ false stories that appear to be news, spread on the internet or using other media, usually created to influence political views or as a joke.

видите мародеров, их действия мы подавляем, если бы мы не остановили их, никто бы этого не сделал, потому что другая сторона их никогда не остановит. Но всегда обвиняют президента»⁴⁰. Постановка ложных акцентов, передергивание фактов, умышленное искажение слов – вот те тактики, которые избрали СМИ в период правления Д. Трампа.

Президент США Д. Трамп столкнулся с этой стратегией в связи с COVID-19 и карантином, введенным из-за коронавируса. Д. Трамп говорит в своей речи: «Я уже несколько недель смотрю фейковые новости, и все они негативные»⁴¹. Американские СМИ создали атмосферу истерии вокруг коронавируса. В этом и заключается их фейковость.

Эта стратегия актуальна и в передаче СМИ новостей об организованных глобалистами беспорядках в разных Штатах страны. Фейковыми новостями стало освещение этих событий CNN. Фейковость здесь заключалась в обратной оценке событий, когда плохое называется хорошим, подменяется базовая система ценностей американского народа. Такие беспорядки, по словам Д. Трампа, сравниваются CNN с Бостонским чаепитием, когда было объявлено о независимости США: «Мы просто видели это на улицах, вы видели этих пришлых бандитов. Этим людей называют протестующими, разве это не красиво, это так красиво. Нет, они такие замечательные. Они называют происходящее Бостонским чаепитием. Эти люди такие замечательные. Да, они их называют так... Вы когда-нибудь смотрели фейковые новости CNN, вы когда-нибудь их видели?»⁴². Люди, которые громят и грабят магазины, могут разве таким образом биться за независимость страны – этот риторический вопрос он задает своим избирателям: «Как насчет ведущего CNN, как насчет ведущего CNN, знаете ли, он немного побрил голову, и это нормально. И он стоит перед зданием и говорит: “Здесь все спокойно“. И здание похоже на самый большой пожар, который я когда-либо видел. Весь город горит. Это похоже на самый большой пожар. И он сказал: “Здесь очень хорошо, Андерсон. Я думаю, это здорово. Это замечательные люди, Андерсон”»⁴³. То, что CNN оценивается позитивно, Д. Трамп называет бедой, несчастьем, катастрофой: «Возможно, я ошибаюсь, но нам, наверное, лучше просто понаблюдать за этой катастрофой»⁴⁴. Подытоживая состояние страны в целом, он характеризует его как серьезную проблему: «У этой страны большие неприятности»⁴⁵. Сверхпроблему он находит в ситуации школьного образования, которую он считает катастрофой: «... выбор для школ. Он очень популярен, но для некоторых ситуация похожа на катастрофу: всё из-за того, что происходит с

⁴⁰ «When you see looters, even though we put them down, if we didn't stop them, nobody would because the other side will never stop them. But they always blame a President» (здесь и далее – цитаты из речи президента Д. Трампа в г. Талса).

⁴¹ «I've been watching the fake news for weeks now, and everything is negative».

⁴² «We just saw it outside, you saw these thugs that came along. These people, call them protesters, isn't it beautiful, it's so beautiful. No, they're so wonderful. They call them the Boston Tea Party. They're so wonderful. Yeah, they call them... You ever watch fake news, CNN, you ever watch?»

⁴³ «How about the CNN anchor, how about the CNN anchor, you know, did a little shave job in the head, which is fine. And he's standing in front of a building saying, “things are very peaceful here.” And the building is, it looks like the biggest fire I've ever seen. The whole town is burning. It's like the biggest fire. And he said, “Things are very good here, Anderson. I think it's great. These are wonderful people, Anderson”».

⁴⁴ «Now I may be wrong, but it's probably better for us to just watch that **disaster**».

⁴⁵ «This country is in big trouble».

конкретными профсоюзами, которые имеют большую власть над демократами, даже если они знают, что это неправильно»⁴⁶. Мир сходит со своих рельсов – а это и есть катастрофа, до которой никому нет дела.

Президент Америки постоянно сталкивается с фейками, представляемыми СМИ его страны. При посещении Вест-Пойнта, когда он встретился с выпускниками военной академии, американские СМИ грубо исказили информацию об этом визите: «Если я ошибусь на две минуты, они скажут: "Он преувеличил. Это было всего час и 25 минут. Он преувеличивал, он лгал, он лгал, он лжец". Эти люди больны, фейковые новости»⁴⁷. Здесь мы видим пример морбиальной метафоры, которую Дональд Трамп применил для выражения своего отношения к репортерам, неверно освещающим реальные события. Американские СМИ ставят акценты не на том, что важно для страны и ее граждан, они выискивают недостатки и просчеты президента. Визит в Вест-Пойнт ознаменовался поддержкой вооруженных сил Америки, а СМИ акцентировали свое внимание на несуществующей болезни Паркинсона, выступив псевдоврачами: «Сегодня поздно вечером я звоню жене и говорю: "Хорошо ли всё прошло, дорогая?" Она сказала: "Ты в тренде номер один". И я говорю нашей великой первой леди: "Позвольте мне задать вам вопрос. Неужели я настолько хорош был в своем выступлении, что считают его номером один? Потому что я чувствовал, что речь действительно была хороша". "Нет-нет, они даже не упоминают речь. Они упоминают тот факт, что у вас может быть болезнь Паркинсона". <...> Они заразили меня еще одной болезнью»⁴⁸. Фейковые новости в СМИ – это не непрофессионализм журналистов, это оружие глобалистов для формирования общественного мнения: «Ни одна медиа-группа не сказала, что я произнес хорошую речь или я выступил с отличной речью, но ребятам она понравилась, и они нарушили дистанцию, что было плохо с точки зрения COVID, но они нарушили установленную дистанцию и хотели пожать мне руку...»⁴⁹. COVID-19 – еще одна новая морбиальная метафора, часто встречаемая в СМИ: так называют вирус, поразивший мир.

Фейк оказался оружием руководства Миннеаполиса, которое не показывало настоящих событий в городе. Описывая ситуацию в городе Миннеаполис в мае 2020 года, президент использовал метафору Апокалипсиса: «Похоже, что мир приблизился к своему концу»⁵⁰. Ситуация была исправлена введением национальной гвардии: «Я заставил их взять 8 тысяч служащих Национальной гвардии. И через час всё закончилось, и следующие три недели прошли без

⁴⁶ «...choice for schools. It's very popular, but some people it's like a **disaster** because what it does to certain unions that have a lot of power over the Democrats, even though they know it's wrong».

⁴⁷ «If I'm off by two minutes they'll say, "He exaggerated. It was only an hour and 25 minutes. He exaggerated, he lied, he lied, he's a liar." These people are sick, the fake news».

⁴⁸ «So far tonight, but I call my wife and I said, "How good was it, darling?" She said, "You're trending number one." I said to our great first lady, I said, "Let me ask you a question. Was it that good of a speech that I'm trending number one? Because I felt it was really good." No no, they don't even mention the speech. They mention the fact that you may have Parkinson's disease. <...> They gave me another disease».

⁴⁹ «Not one media group said I made a good speech or I made a great speech, but the kids loved it because they broke their barrier which wasn't good in terms of COVID but they broke their barrier and they wanted to shake hands...».

⁵⁰ «It looked like the world was coming to an end».

проблем»⁵¹. Здесь выражение *all ended* представляет метафору достижения финиша – конечной точки пути. Метафора пути встречается и в описании исправления ситуации беспорядков в Сиэтле: «В любое время, когда вы захотите, мы придем, мы все исправим за час или меньше»⁵² (где *straighten* означает буквально «выпрямлять»). Метафора пути используется и для передачи образа достижения цели – воссоздания экономического уровня до весенне-летнего кризиса в стране: ««Мы собираемся подняться. Мы собираемся достигнуть октябрь. Мы собираемся встать. Мы собираемся подняться наверх. Мы не собираемся быть там, где были; что угодно, кроме ужасной, ужасной смерти, вызванной вирусом, которая была бы напрасной; вирус нужно было остановить там, где он возник, а именно в Китае»⁵³. Этот путь президент простираивает на период до момента выборов 3 ноября 2020 года: «Но мы движемся вверх, вверх, вверх, вверх, в августе, сентябре, октябре...»⁵⁴.

Второй претендент на пост президента Дж. Байден тоже использует морбиальные метафоры в отношении своего противника. Он обвиняет Д. Трампа в наличии у него невротического и психического заболевания: «Тогда я предпринял быстрые и решительные действия, чтобы запретить поездки из Китая и защитить американцев от вируса. И, как я уже сказал, Джо Байден воспротивился моему решению и назвал это истерией, ксенофобией. Он не знает, что означает это слово, *ксенофобия* и разжигание страха»⁵⁵. Использовать свой авторитет для достижения своих политических целей и дискредитации своего оппонента – вот еще одна тактика создания фейковых новостей в СМИ США.

Заключение. Как показывают результаты проведенного исследования, в американских СМИ во время предвыборной кампании 2020 г. широко использовались следующие стратегии и тактики создания фейков:

1. Передача ложной информации; обман избирателей.
2. Создания ложного информационного поля в интересах одной из политических сторон.
3. Искажение информации.
4. Создание атмосферы истерии вокруг пандемии.
5. Противоположная оценка событий, связанных с организованными беспорядками в отдельных штатах, и ситуацией со школьным образованием в целом.
6. Использование запрещенных приемов в политических дискуссиях (постановка диагноза оппоненту политиком, некомпетентным в медицине; обвинение в грехах и пр.).

Обращение к теме фейков вызвано их массовым использованием в мировых СМИ в последние несколько лет. В политическом дискурсе у слова *фейк* исчезла

⁵¹ «I got them to take 8,000 National Guardsmen. And in one hour it all ended and they rode through the next three weeks with no problem».

⁵² «Anytime you want we'll come in, we'll straighten it out in one hour or less».

⁵³ «We're going to go up. Then we're going to hit October. We're going to be up. We're going to be way up. We're not going to be where we were, but in many ways, other than all of the horrible, horrible death that was so needlessly caused by a virus that should have been stopped where it originated, which was China».

⁵⁴ «But we're going to go up, up, up, up August, September, October...».

⁵⁵ «When I took early and decisive action to ban travel from China and protect Americans from the virus. And as I said, Joe Biden, opposed my decision and called it hysteria, xenophobia. He doesn't know what the word means, xenophobia and fear-mongering».

юмористическая составляющая: в современном русском языке у слова *фейк* значение «шутка» отсутствует. Политические мифы при таком подходе становятся антимидами, пропагандирующими антиценности и антидуховность.

Литература

1. Глушак А.С. Изучение мифа: достижения, проблемы, перспективы // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной заочной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. С. 275–284.
2. Пименова М.В. Концепт *политика* и способы его репрезентации // Политическая лингвистика. 2005. № 15. С. 32–39.
3. Пименова М.В. Политическая концептуальная система // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 2 (32). С. 47–55.
4. Снежкова И.А. Отражение гибридной войны в электронных ресурсах Украины и России // Вестник антропологии. 2016. №4. С. 175–186.
5. Снежкова И.А. Политические мифы в информационно-психологической войне России и Украины // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной заочной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. С. 459–463.
6. Ставицкий А.В. Современный миф и его основные функции. Севастополь: Рибэст, 2012. 290 с.
7. Стенограмма речи Д. Трампа: Donald Trump Tulsa, Oklahoma Rally Speech Transcript [Electronic resources]. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-tulsa-oklahoma-rally-speech-transcript/amp> (accessed 21.06.2020).
8. Фейк // Словарь синонимов [Электронный ресурс]. URL: <https://sinonim.org/s/фейк> (дата обращения: 09.04.2021).
9. Фу Хэчжэнь. Политическая медиалингвистика: референциальные и аксиологические аспекты новостных статей современной российской прессы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Фу Хэчжэнь. Волгоград, 2019. 265 с.
10. Щеглова Л.В. Неомифологизм постмодерна с точки зрения экзистенциальной философии // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной заочной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. С. 374–379.
11. Cambridge Dictionaries Online [Electronic resources]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fake> (accessed 21.06.2020).
12. Cambridge Dictionaries Online [Electronic resources]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fake-news> (accessed 21.06.2020).

References

1. Glushak A.S. Izuchenie mifa: dostizheniya, problemy, perspektivy [Study of the myth: achievements, problems, prospects]. Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in history, politics, culture] [Electronic resource]: Collection of materials of the II International scientific interdisciplinary correspondence conference (June 2018, Sevastopol) / Edited by O.A. Gabrielyan, A.V. Stavitsky, V.V. Khapaeva, S.V. Yurchenko. Sevastopol: Branch of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Sevastopol, 2018, 600 p., pp. 275–284. (In Russian).
2. Pimenova M.V. Koncept politika i sposoby ego reprezentacii [The concept of politics and ways of its representation]. Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]. 2005, No. 15, pp. 32–39. (In Russian).
3. Pimenova M.V. Politicheskaya konceptual'naya sistema [Political conceptual system]. // Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]. 2010, Issue. 2 (32), pp. 47–55. (In Russian).
4. Snezhkova I.A. Otrazhenie gibridnoj vojny v elektronnyh resursah Ukrainy i Rossii [Reflection of hybrid war in the electronic resources of Ukraine and Russia]. Vestnik antropologii [Bulletin of Anthropology]. 2016, No. 4, pp. 175–186. (In Russian).
5. Snezhkova I.A. Politicheskie mify v informacionno-psihologicheskoy vojne Rossii i Ukrainy [Political myths in the information-psychological war of Russia and Ukraine]. Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in history, politics, culture] [Electronic resource]: Collection of materials of the II International scientific interdisciplinary correspondence conference (June 2018, Sevastopol) / Edited by O.A. Gabrielyan, A.V. Stavitsky, V.V. Khapaeva, S.V. Yurchenko. Sevastopol: Branch of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Sevastopol, 2018, 600 p., pp. 459–463. (In Russian).
6. Stavitskiy A.V. Sovremennyy mif i ego osnovnye funkicii [Modern myth and its main functions]. Sevastopol: Ribest, 2012. 290 p. (In Russian).
7. Stenogramma rechi D. Trampa [Transcript of D. Trump's speech]: Donald Trump Tulsa, Oklahoma Rally Speech Transcript [Electronic resources]. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-tulsa-oklahoma-rally-speech-transcript/amp> (accessed 21.06.2020). (In Russian).
8. Fejk [Fake]. Slovar' sinonimov [Dictionary of synonyms] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sinonim.org/s/фейк> (дата обращения: 09.04.2021). (In Russian).
9. Fu Hezhen. Politicheskaya medialingvistika: referencial'nye i aksiologicheskie aspekty novostnyh statej sovremennoj rossijskoj pressy [Political media linguistics: referential and axiological aspects of news articles in the modern Russian press]: dis. ... cand. philol.: 10.02.01 / Fu Hezhen. Volgograd, 2019. 265 p. (In Russian).
10. Shcheglova L.V. Neomifologizm postmoderna s tochki zreniya ekzistencial'noj filosofii [Neomythologism of postmodernity from the point of view of existential philosophy]. Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in history, politics, culture] [Electronic resource]: Collection of materials of the II International scientific interdisciplinary correspondence conference (June 2018, Sevastopol) / Edited by O.A. Gabrielyan, A.V. Stavitsky, V.V. Khapaeva, S.V. Yurchenko. Sevastopol: Branch of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Sevastopol, 2018, 600 p., P. 374–379.
10. Cambridge Dictionaries Online [Electronic resources]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fake> (accessed 21.06.2020).

11. Cambridge Dictionaries Online [Electronic resources]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fake-news> (accessed 21.06.2020).

Сведения об авторе:

Пименова Марина Владимировна

ректор АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семёнова – Тян-Шанского», профессор, доктор филологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: MVPimenova@yandex.ru

Зайцева Татьяна Александровна

зам. директора по учебно-методической работе Гуманитарного института ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», кандидат филологических наук, доцент (г. Череповец, Россия).

E-mail: tatianazaitseva2013@yandex.ru

Родичева Анна Анатольевна

зав. кафедрой английского языка и литературы ФГБОУ ВО Российский государственный гидрометеорологический университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: annarodicheva@mail.ru

Bionotes:

Pimenova Marina Vladimirovna

Rector, Semyonov – Tien-Shansky International Humanitarian University, Professor, Doctor of Philology (St. Petersburg, Russia).

Zaitseva Tatiana Alexandrovna

Vice-director for Educational and Methodological Work of the Humanitarian Institute, Cherepovets State University, Candidate of Philology, Associate Professor (Cherepovets, Russia).

Rodicheva Anna Anatolievna

Head of the Department of the English Language and Literature, Russian State Hydrometeorological University, Candidate of Philology, Associate Professor (St. Petersburg, Russia).

Для цитирования:

Пименова М.В., Родичева А.А., Зайцева Т.А. Фейк как современный политический антимиф // Мифологос. Серия «Миф и общество: история, политика, социология», № 4, 2022. С. 113–121.

For citation:

Pimenova M.V., Rodicheva A.A., Zaitseva T.A. Fake as a Modern Political Antimyth // Mythologos. Myth and Society: History, Politics, Sociology Series, no. 4, 2022. С. 113–121.

МИФЫ О ВЛАСТИ И ВЛАСТЬ МИФА: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ**Демидова Евгения Евгеньевна**

АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семёнова – Тянь-Шанского» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы о взаимообусловленности мифа и власти в сознании носителей русского языка. Цель статьи – описать четыре когнитивные модели в русской лингвокультуре: «миф о власти», «власть – это миф», «миф – это власть» и «власть в мифе». Актуальность проводимого исследования состоит в наблюдении за эволюцией этих когнитивных моделей в языковом сознании носителей русского языка. Первая когнитивная модель «миф о власти» в русской лингвокультуре образуется поэтапно: 1. Миф о первенстве природы и ее власти над всеми: иллюстративные примеры первой трети XIX в.; 2. Миф о божественной власти управляющих Землей богов (пантеон богов Древней Греции, включая Фемиду – богиню правосудия): иллюстративные примеры XX в.; 3. Миф о божественной природе власти земных правителей (государство – это бог, правитель – представитель божественных сил на Земле – обычно мужчина; в XVIII в. в России это может быть и женщина) – иллюстративные примеры XX в.; 4. Шесть советских мифов XX в.; 5. Два мифа нового времени (90-е гг. XX в. – 20-е гг. XXI в.); 6. Два современных мифа (XXI в.). Вторая когнитивная модель «власть – это миф» оформилась в XIX в., она представлена тремя мифами. Третья когнитивная модель «миф – это власть» относится к 60-м гг. XX в., сейчас она не актуальна. Четвертая когнитивная модель «власть в мифе» является продуктом XX – XXI вв.; она реализует следующие мифы: 1. Миф о властительнице в мире животных – богине Артемиде (переходный период между XX и XXI вв.); 2. Миф о распоряжающихся судьбой человека трёх богинях – римских парках (конец XX в.); 3. Миф об антагонизме власти и интеллигенции; 4. Мифология о Великой Отечественной войне (начало XXI в.).

Ключевые слова: миф; макроконцепт; когнитивная модель; когнитивные признаки; языковая картина мира; лингвокультурология.

MYTHS ABOUT POWER AND THE POWER OF MYTH: A COGNITIVE ASPECT**Demidova Evgeniya Evgenievna**

АНО ВО "International Humanitarian University named after P.P. Semenov - Tian Shan (St. Petersburg, Russia) P.P. Semenov-Tian Shansky International Humanitarian University (St. Petersburg, Russia)

Abstract

The article discusses the question of the myth and power interdependence in the minds of the Russian language native speakers. The purpose of the article is to describe four cognitive models in Russian linguoculture: "Myth of power", "Power is a myth", "Myth is power" and "Power in myth". The relevance of the study is to observe the evolution of these cognitive models in the conscienceness of the Russian language native speakers. The first cognitive model "Myth of Power" in Russian linguoculture is formed in stages: 1. The myth of the championship of nature and its power over all: illustrative examples of the first third of the 19th century; 2. The myth of the divine power of the land control of the lands (the pantheon of the gods of ancient Greece,

including Themis - the goddess of justice): illustrative examples of the twentieth century; 3. The myth of the divine nature of the earthly rulers authorities (the state is God, the ruler - the representative of the Divine forces on Earth is usually a man; in the XVIII century, it can be a woman in Russia) - illustrative examples of the 20th century; 4. Six Soviet myths of the twentieth century; 5. Two myths of the New Age (90s of the 20th century-the 20s of the XXI century); 6. Two modern myths (XXI century). The second cognitive model "Power is a myth" took shape in the 19th century, it is represented by three myths. The third cognitive model "Myth is power" dates back to the 60s. XX century, now it is not relevant. The fourth cognitive model "Power in myth" is a product of the XX - XXI centuries. It realizes the following myths: 1. The myth of the ruler in the world of animals - the goddess Artemis (the transition period between the XX and XXI centuries); 2. The myth of the three goddesses - Roman parks (end of the twentieth century); 3. The myth of the antagonism of the authorities and the intelligentsia; 4. Mythology about the Great Patriotic War (beginning of the XXI century).

Key words: myth; macroconcept; cognitive model; cognitive signs; language picture of the world; linguoculture

Введение

В статье рассматривается вопрос о реализации нескольких когнитивных моделей, описывающих власть и миф. В статье анализируются способы реализации четырех когнитивных моделей: «миф о власти», «власть – это миф», «миф – это власть» и «власть в мифе». Ведущими в статье выступают два термина: *макроконцепт* и *когнитивная модель*.

Под *макроконцептом* в языкознании понимается «сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями» [Пименова 2001, с. 32]. Власть отнесена автором к разряду макроконцептов в силу того, что в его структуру входят концепты по принципу родо-видовых отношений. Среди таких концептов можно назвать следующие: *страна, государство, управление, влияние, подчинение, повиновение, правитель, армия* и т.д.

Когнитивная модель – это стереотипный образ, с помощью которого организуется некоторый жизненный опыт. Такая модель определяет нашу концептуальную организацию опыта, оценку этого опыта, а также то, что мы хотим выразить [Пименова 2007, с. 33]. Посредством когнитивных моделей анализируются стереотипы общества на тот или иной вопрос. В данной статье изучаются стереотипы соотношения таких базовых понятий лингвокультуры, как *власть* и *миф*.

Методы и материал исследования, используемые в работе, следующие: дескриптивный, интерпретативный, методы концептуального и сопоставительного анализа. Материал для исследования взят из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru, далее – НКРЯ).

Литературный обзор

Существует ряд научных исследований, посвященных исследованию концептуализацию власти в разных лингвокультурах. Концепт *власть* был предметом исследований разных ученых. Д. Лопарева и М. Кипенко рассматривали концепт *власть* в публицистическом дискурсе [Лопарева, Кипенко 2012]. М.В. Пименовой были представлены основные метафоры власти в аспекте реализации образных признаков этого концепта в СМИ [Пименова 2012]. Дискурсивные исследования концепта *власть* – одна из разработанных тем в современной лингвистике. Е.И. Шейгал изучила концепт *власть* в категориях дискурса [Шейгал

2001]. И.В. Ерофеевой был описан концепт *власть* в медиадискурсе [Ерофеева 2009]. И.Г. Вражнова проанализировала метафорическую объективацию концептов властных структур в современных российских и американских СМИ [Вражнова 2009]. А.А. Шабанова обратилась к теме метафорических способов репрезентации концепта *власть* в современных русской, американской и английской языковых картинах мира [Шабанова 2011]. А.Д. Васильев определил способы вербализация концепта *власть* в языковом сознании жителей г. Красноярск [Васильев 2015]. Ни в одной из указанных работ не были исследованы когнитивные модели, представляющие соотношение власти и мифа, в русской лингвокультуре, чем определяется и актуальность, и научная новизна статьи

Особо следует выделить ряд научных работ, посвященных изучению мифологизации власти. Проведенное Дж.Ф. Бирлайном исследование этого вопроса привело к выводу, что «гражданские мифы создают основу для образования государства и обеспечивают полномочия государства, объединяя всех граждан с помощью общего символизма, и именно миф исполняет роль социальной “склейки” при разнообразном этническом составе» [Бирлайн 1997, с. 30]. Власть создает искусственные мифы о себе [Петев 2018., с. 206–208], поддерживая их различными способами. Таким образом, «мифотворчество раскрывает деятельность механизма воспроизводства смыслов, без которых человек не может жить, а миф уже представляется информацией, обладающей свойством суггестии» [Ставицкий 2018, с. 110]. Миф признается идеологическим оружием: «миф для сознания является оружием массового поражения» [Ставицкий 2021, с. 78].

Изменение мифов о власти фиксирует изменения в сознании носителей языка. Д. Дэвидсон пишет: «При переходе от одной теории к другой слова неуловимым образом изменяют свои значения или условия применимости. Хотя большая часть тех же самых знаков используется как до, так и после научной революции (например: сила, масса, элемент, состав, клетка), способ, которым они связываются с природой, изменился. Таким образом, следующие друг за другом теории, как мы утверждали, несоизмеримы» [Davidson 1985, с. 185]. Язык тонко реагирует на изменения в политике, идеологии, поддерживающей властные структуры. Такие изменения отображаются в системе мифов: «Мифология в высшем смысле слова есть власть языка над мыслью во всевозможных областях духовной деятельности» [Потебня 1990, с. 296]. Определению взаимообусловленности мифа и власти в сознании носителей русского языка посвящена данная статья.

Результаты и обсуждение

В статье выдвигается гипотеза о существовании нескольких когнитивных моделей, актуализирующих смыслы взаимосоответствий между мифом и властью. К таким моделям относятся четыре: 1. «миф о власти», 2. «власть – это миф», 3. «миф – это власть» и 4. «власть в мифе». Первая модель является самой распространенной. Об этом свидетельствует количество примеров, иллюстрирующих ее, из НКРЯ.

Первоначальные мифы о власти имеют определенные особенности. Древние тексты приводят мифы о найденышах, которые попадают во власть. К этому типу относится, например, миф о Моисее, которого нашли в водах Египта (*Не имела хождения и очередная версия древнего мифа о царственном найденыше, приплывшем по волнам к славе и власти*. Н. Климонтович. Далее – везде. 2001).

Моисей стал первым правителем еврейского народа, ушедшего из-под власти Египта.

Власти всегда создавали мифы для поддержания себя и своих действий (*И смешно было бы считать, что **творила этот миф** одна **власть***. Н. Охотин, И. Прусс. «Братья и сестры!» // «Знание - сила», 2005). Такие мифы оправдывали существующие формы власти и способы управления народом. Б. Паскаль отмечает, что «следует неустанно внушать народу, что закону должно следовать повиноваться, потому что он закон, а власти предержажшей – потому что она власть (независимо от того, справедливы они или нет)» [Паскаль 2009, с. 185–186]. Власти свойственно творить оптимистичные мифы о светлом будущем (***Оптимистичные мифы, создаваемые Властью** (временщиками), апеллировали не только к лубочному подсознанию массы, но и к здравому смыслу*. М. Кушников. Участь первой. К 100-летию Любови Орловой // «Известия», 28.01.2002). Миф и власть определяет общий признак – устойчивость (*Этот миф гораздо более устойчив, чем советская **власть***. Н. Охотин, И. Прусс. «Братья и сестры!» // «Знание - сила», 2005). Именно этот признак позволяет надолго сохраняться мифу в сознании людей.

Миф – это способ создания идеологии. Пропаганда использует миф как способ управления массами (*Какая-то часть интеллигенции – тоже, то ли соучаствуя в наращивании **пропагандистского мифа**, то ли, пытаясь укорить новую **власть** и новые нравы – самым что ни на есть деликатным способом*. И. А. Дедков. Дневник. 1993). Пропаганда активно внедряет определенные когнитивные модели, успешно эксплуатируемые в текстах СМИ. Рассмотрим их подробнее.

Миф о власти. Когнитивная модель «миф о власти» относится к разряду самых распространенных и активно используемых в современное время. Всякая эпоха слагает свои мифы о той власти, которая правит в этот период (***Мифы о власти** являются одними из самых распространённых, так как этому способствует её политическая ангажированность*. С. Любичанковский. Миф о власти и власть мифа // «Родина», 2007). Первоначально распространенным был миф о власти природы над человеком (*Южное небо надобно видеть, чтобы понять и южную поэзию, и **мифологию** древних, и **власть природы** над человеком*. И. В. Киреевский. Письма родным. 1830). Природа – это источник, начало всего живого на Земле. Пантеизм Древней Греции – лучший пример системы мифов о первенстве природы.

Мифология в разные периоды времени формирует особое отношение к власти. В Древней Греции отмечен ряд мифов о власти: 1. О передаче власти от Кроноса Сатурну (*В частности, высказывалось мнение, будто даже древнегреческий **миф об «эстафете власти»** на небесах от Урана к Кроносу-Сатурну и затем к Зевсу-Юпитеру заимствован из аналогичного древнейшего шумерского предания*. В. Скурлатов. «Увидевшие все до края мира...» // «Техника - молодежи», 1974); 2. О дальнейшем перехвате власти Зевсом от Сатурна (*Так, в мифе о **завоевании Зевсом власти** над миром рассказывается о его борьбе со стоглавым чудовищем Тифоном, которое было порождением Геи (Земли) и поднялось из ее недр*. А. И. Конюхов. Геология океана: загадки, гипотезы, открытия. 1989); 3. О борьбе за власть между титанами и богами (*На стенках пергамского алтаря Зевса древнегреческий скульптор запечатлел в камне **миф о том, как титаны боролись за власть с богами***. В. А. Мезенцев. Чудеса: Популярная энциклопедия. 1991). К этому времени относится создание мифа о

богине правосудия – Фемиде, второй супруге Зевса, титаниде. Божественное происхождение власти берет свое начало в мифе: «политическая власть нуждалась в сакрализации и сверхъестественном объяснении своего происхождения» [Паниотова 2021, с. 350]. Мифы о богах, делящих власть на Олимпе, аллегорически переносятся на земную жизнь и власть предрежащих.

Позже появляется миф о власти, дарованной свыше. Власть дается человеку от бога (*Складываются и веками держатся социальные мифы, например убеждение, что всякая власть от Бога. Учебник по обществознанию. Профильный уровень. 10 класс. 2007*).

Существовавший в Европе миф о божественных истоках власти королей в русской лингвокультуре к середине XX в. опровергается, формируется ироничное восприятие этого мифа (*В XVIII веке человечество старалось окончательно отвергнуть миф о божественном происхождении власти королей и ограничить их власть. Р.Я. Райт-Ковалева. Роберт Бернс. 1959*).

Исследователи отмечают, что «для архаичного сознания было характерно отождествление короля с богом, но только до тех пор, пока он выполняет свои обязанности, является пригодным для своих подданных, а когда он перестаёт соответствовать этому требованию – заботливость, преданность и религиозное почитание превращается в презрение и ненависть (король должен уступить место другому, его могли изгнать или убить)» [Фрейд 2014, с. 68–69]. Такой миф относится к категории социальных. Специально создается общественно значимый «искусственный политический миф о тождественности государства и бога, в частности для обеспечения собственной легитимности и безопасности (недостигаемости)» [Петев 2021, с. 69]. Позже появляется «римское право», формирующее систему правосудия, актуальную поныне в разных странах мира.

Обычно власть ассоциируется с проявлением мужского начала – у власти находятся мужчины. В XVIII в. в России к власти приходят женщины. В это время происходит отказ от мифа о святости власти (*Но всё-таки эпоха «женского правления» XVIII века особенно способствовала разрушению мифа о святости верховной власти в России. Е. Анисимов. «У нас-де ныне баба царствует...» // «Родина», 2009*). Гендерный шовинизм, сформированный ранее, приводит к растождествлению понятий государства и бога.

Когнитивная модель «миф о власти» начинает активно эксплуатироваться в первые годы Советской власти (*Неужели достойно «объединяться» в эмигрантские союзы и лиги, ждать, когда «призовут», повторять, как Иванушка-дурачок, легенды и мифы, и верить, что по шучьему велению будет свергнута Советская власть? Б. В. Савинков. Почему я признал Советскую власть? 1924*). Власть переносится с небес на землю (*Где-то к концу 20-х годов началось сотворение мифа «советскости» власти, народа и человека. Л. Бородин. Что такое жить по-русски? // «Родина», 1997*). Переходный период начала XX в. показал, что в умах людей мифы о классической Элладе и политические мифы нового времени перемежаются, переплетаясь между собой (*Вдруг и Еленка лишь образ, рождаемый пеной; Елена Прекрасная – греческий миф; а он Грецией бредил; и бредил народом; соединял миф Эллады с творимой легендой о русском крестьянине; видел в цветных сарафанах, в присядке под звуки гармоники – пляс на полях Елисейских; бывало: орехом кто щелкнул – вкушенье оливок; и в стаде узрел «цветоядных» коров; и о бабьем лице, том, которое «писаной миской», он выразился: «мирро уст»; даже в дудочке слышалась флейта ему; сочетав миф с*

эсерством («земля для народа», «долой власть помещиков»), он пожелал омужичиться; «барина» сбросить, женясь на крестьянке. А. Белый. Между двух революций. 1934). Это время становления новой системы мифов о власти людей, живущих на своей земле в советский период.

Первая треть XX в. приводит к появлению разнообразных мифов о советской власти. Советская власть как власть рабочих и крестьян – это миф (*Только потому, что они дорожат мифом о рабоче-крестьянской власти, строящей якобы социализм; потому, что и им, не социалистам, дорога, пусть неудавшаяся, но все же благостная и, по существу, праведная попытка универсального освобождения человечества.* М. В. Вишняк. Два Пути (Февраль и Октябрь). 1931). Диктатура пролетариата – сакральный миф о советской власти (**Миф о власти рабочих, диктатуре пролетариата** как основе легитимности существующей власти – один из сакральных, тех, в которые советские руководители в конце 1950-х годов верили. Е. Гайдар. Гибель империи. 2006). Советская власть формирует о себе миф о народной власти (*Не говоря уже о мифе «мира, хлеба и свободы», такие мифы, как «советская (то есть народная) власть», «диктатура пролетариата», «союз пролетариата и крестьянства» обнаружили свою полную несостоятельность и стали быстро превращаться в принудительные фикции.* Н. Осипов. К становлению тоталитаризма. 1963).

Советской власти свойственно активное мифотворчество: «Основа организационно-управленческой доктрины советской власти – трудо-бытовые коллективы – обязаны были мечтать о светлом будущем, о городах-садах, и воплощать эти мечты своим ежедневным трудом, не помышляя о конструируемой властью мифе о светлом будущем коммунизма» [Пушкарева 2021, с. 318]. Творческая часть общества сотрудничает власть – это созданный миф (*Одной этой фразы достаточно, чтобы миф о добровольном сотрудничестве российской интеллигенции с Советской властью был порушен.* Н. В. Кожевникова. Сосед по Лаврухе. 2003). В этот период внедряется миф об отторжении людей с антипатриотическими настроениями (*Ее по сути трагичные рассказы причудливым образом совпадут с планомерно прививаемым мифом советской власти о никчемности людей, покинувших нашу прекрасную социалистическую родину.* И. Николаева, Вацлав Михальский. Мартовские иды Нового града // «Октябрь», 2001). К восьмидесятым годам XX в. эта система мифов становится неактуальной.

Девяностые годы XX века указывают на появление в России новых мифов о власти. Первый миф – о сильной исполнительной власти в политике (*Внешняя помощь нынешнему правительству России, на мой взгляд, очередной миф (как и миф о «сильной исполнительной власти», для которой нужны как минимум эффективные армия и карательный аппарат, да еще хоть какая-то массовая база и идеология в придачу).* М. Малютин. Обыкновенный термидор // «Век XX и мир», 1992). Еще один миф связан с мотивом ухода правителей от руля власти (**Новый миф ухода опасен для власти, которая не может остановить одного человека, но хочет перерезать этот путь для масс, для остальных – иначе за Верой могут «пойти в прошлое» в поисках лучшей доли миллионы людей.** Н. Иванова. В полоску, клеточку и мелкий горошек // «Знамя», 1999). Другой миф относится к научной тематике. Он актуализирует смысл прорыва к власти молодых лидеров (*В ней он в очередной раз муссирует свой наукообразный миф о первобытной орде, в которой группа «отодвинутых от власти» молодых самцов убивает деспота-вожака, а спустя некоторое время, чувствуя свою вину, обожествляет убитого, закладывая*

этим основу будущей религии. В. С. Вахрушев. З. Фрейд. Я и Оно // «Волга», 1999). «Лихие девяностые» показывают переходный этап смены мифологии власти в русской лингвокультуре.

Современные мифы о власти усиленно распространяют СМИ. Это мифы о том, что власть заботится о людях и одаривает народ некими благами (*СМИ воспроизводят миф о заботе и даре, исходящих от некоей «Власти», которая стоит за ними, будь то государство, гражданское общество, журналист или абстрактная авторитетная фигура.* В. Зверева. Репрезентация и реальность // «Отечественные записки», 2003). Еще один миф относится к тому, что губернаторы всемогущи и обладают неограниченной властью (*Присмотримся поближе к мифу о всемогущии губернаторской власти в последние десятилетия самодержавия, избрав такую последовательность: сначала рассмотрим содержание мифа, потом его объективные основания, затем конкретно-исторические условия, позволившие ему превратиться в стереотип-миф, и, наконец, после этого изложим аргументы, позволяющие расстаться с этим мифом сегодня.* С. Любичанковский. Миф о власти и власть мифа // «Родина», 2007). Как видно из количества иллюстративных примеров, мифы современного периода находятся только на этапе своего формирования.

Власть – это миф. Вторая когнитивная модель «власть – это миф» представлена ограниченным количеством языкового материала.

Согласно языковому материалу из Национального корпуса русского языка, эта когнитивная модель складывается уже в конце XIX в. (*Кагал, как религиозная община, есть своего рода миф, власть его не более сильна, как власть простого общественного мнения...* Н. С. Лесков. Еврей в России: несколько замечаний по еврейскому вопросу. 1883). Писатели поддерживают мифы о власти. В таких мифах рассказывается о хороших и плохих представителях власти, между которыми происходит борьба (*Автор книги поддерживает миф, что там, наверху, в высших эшелонах власти, были хорошие и плохие, и наши несчастья от того произошли, что плохие победили хороших.* Н. В. Кожевникова. Сосед по Лаврухе. 2003). Еще одним мифом является миф о разрушении силы золота, давящей над всем миром (*Тут у Вагнера невероятная мифология, революционная, провидческая; предсказывается гибель мировой власти золота.* В. В. Биbihин. Алексей Федорович Лосев. 1980-1989).

Каждая власть слагает свои мифы о себе. Такие мифы характеризуются необходимостью поддерживать их в умах народа. Малая информированность о деятельности правящих органов власти приводит к созданию мифов о них (*Неужели само чувство самоуважения (самосохранения) не подсказывает, что закрытость таких органов, как пленум ЦК, заседание Совмина, президиума Верховного Совета, позволяют удерживать в головах народа хотя бы мифологию власти?* А. С. Черняев. Дневник. 1977). Советский период характеризуется малым интересом к использованию этой когнитивной модели. В современный период эта модель не активна.

Миф – это власть. Третья когнитивная модель «миф – это власть» появилась в шестидесятые годы XX в.

Мифы, циркулирующие в обществе в конкретную эпоху, имеют власть над умами людей (*Власть мифов все еще сильна, куда сильнее власти – как вы любите назвать это – эксплуататоров.* Д. Биленкин. Космический бог. 1967). Миф – это рычаг управления властей (...*Распространение массовых мифов, бросающих*

целые народы и континенты во власть жестоких и коварных демагогов... А. Т. Твардовский. Рабочие тетради. 1968). Эта модель в дальнейшем не получила своего развития и сейчас не активна.

Власть в мифе. Четвёртая когнитивная модель «власть в мифе» вбирает в себя признаки первой и второй когнитивных моделей.

В ряде мифологий есть такие, в которых описываются разные ситуации власти. Существует миф об Артемиде, властвующей над миром животных (*Но в мифе и в сказке – наоборот: она теряет материнство, но сохраняет власть над животными, так как вся жизнь охотника зависит от животного, она сохраняет власть и над жизнью и смертью людей.* С. А. Еремеева. Лекции по русскому искусству. 2000). Римская мифология содержит миф о парках, распоряжающихся судьбой человека (*Подобно трем Паркам античной мифологии, они обретают безраздельную власть над судьбой Макбета.* М. М. Морозов. Вильям Шекспир. 1951).

В XX веке в России в советский период выстраивалась идеология как миф, приведший к разделению власти и человека (*А получилось то, что на основе политического монополизма и идеологической мифологии была сформирована военно-бюрократическая диктатура, отторгнувшая человека от собственности и власти.* А. Яковлев. Омут памяти. 2001). Конец XX в. показывает на существование мифа об антагонизме власти и интеллигенции (*Но эта «нестыковка» не помешала мифу, согласно которому интеллигенция всегда боролась с властью.* Б. М. Фирсов. Интеллигенция и интеллектуалы в конце XX века // «Звезда», 2001). После Великой Отечественной войны начала складываться отдельная мифология, внедряемая в сознание людей аппаратом власти через пропаганду (*После речи Л. Брежнева к двадцатилетнему юбилею Победы новый, героизированный образ или даже целая мифология Отечественной войны формируются всей силой пропагандистского аппарата власти, работой массмедиа, словесности, визуальных искусств, школ, библиотек, всех репродуктивных систем советского общества.* Б. Дубин. Надгробие над пустотой // «Знание - сила», 2011). Такие «процессы сложного взаимодействия сознательного конструирования мифа со стороны властных структур с процессом конденсации исторической памяти как таковой, являющегося, в свою очередь, следствием более естественных процессов коммеморации “снизу”» [Земцов 2021, с. 301]. Память народа отображается в памяти языка: в языке аккумулируется опыт народа в виде разнородных мифов, определяющих разные этапы его жизни.

Заключение

Когнитивная модель «миф о власти» в русской лингвокультуре образуется поэтапно: 1. Миф о первенстве природы и ее власти над всеми: иллюстративные примеры первой трети XIX в.; 2. Миф о божественной власти управляющих Землей богов (пантеон богов Древней Греции, включая Фемиду – богиню правосудия): иллюстративные примеры: иллюстративные примеры XX в.; 3. Миф о божественной природе власти земных правителей (государство – это бог, правитель – представитель божественных сил на Земле – обычно мужчина; в XVIII в. в России это может быть и женщина) – иллюстративные примеры XX в.; 4. Советские мифы XX в.: а) Миф о земной природе власти советских людей, живущих на своей земле; б) Миф о диктатуре пролетариата; в) Миф о советской власти как власти рабочих и крестьян; г) Миф о советской власти как власти народа; д) Миф об отторжении от власти эмигрантов; е) Миф о сотрудничестве

интеллигенции с властью; 5. Мифы нового времени (90-е гг. XX в. – 20-е гг. XXI в.): а) Миф о сильной исполнительной власти в политике; б) Миф об уходе правителей из политики; в) Миф о смене власти старой гвардии молодыми политиками; 6. Современные мифы (XXI в.): а) Миф о заботящейся о людях власти, одаривающей народ некими благами; б) Миф о всемогущих губернаторах с неограниченной властью.

Когнитивная модель «власть – это миф» оформилась в XIX в. Эта модель представлена тремя мифами: 1. Миф о хороших и плохих борющихся между собой представителях власти; 2. Миф о разрушении силы золота в целом мире; 3. Советский миф о закрытой деятельности правящих органов власти (пленум ЦК, заседание Совмина, президиум Верховного Совета).

Когнитивная модель «миф – это власть» относится к 60-м гг. XX в. В современный период эта модель в языковом материале не встречается.

Когнитивная модель «власть в мифе» является продуктом XX в. На это указывает языковой материал из НКРЯ. Эта модель реализует следующий ряд мифов: 1. Миф о властительнице в мире животных – богине Артемиде (переходный период между XX и XXI вв.); 2. Миф о распоряжающихся судьбой человека трёх богинях – римских парках (конец XX в.); 3. Миф об антагонизме власти и интеллигенции; 4. Мифология о Великой Отечественной войне (начало XXI в.).

Три последних когнитивных модели отличаются ограниченным количеством языкового материала. Это объясняется либо их угасанием, либо их меньшей актуальностью.

Литература

1. Бирлайн Дж. Ф. Параллельная мифология. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 336 с.
2. Васильев А.Д. Вербализация концепта *власть* в языковом сознании красноярцев // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. № 2 (32). С. 207-213.
3. Вражнова И.Г. Метафорическая репрезентация властных структур в современных российских и американских СМИ // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 4. С. 25-32.
4. Ерофеева И.В. Концепт *власть* в медиадискурсе: дихотомия репрезентации // Вестник Читинского государственного университета. Чита: ЧитГУ, 2009. №1 (52). С. 167-171.
5. Земцов В.Н. Войны XIX в. в национальной памяти Британии: между историей и мифом // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А. В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2021. 576 с. С. 300-306.
6. Лопарева Д., Кипенко М. Концепт *власть* в современной публицистике: аксиологический аспект. LAP: Lambert Academic Publishing, 2012. 168 с.
7. Паниотова Т. С. Мифологические истоки утопии // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А. В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. 576 с. С. 349-352.
8. Паскаль Б. Мысли. М.: Астрель, 2009. 253 с.

9. Петев Н.И. Мифологизация как инструмент построения пространства искусственной реальности // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь), Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. С. 206–208.

10. Петев Н.И. Создаваемая мифология как религиозно-социальный механизм (на примере американского творчества Marvel comics и DC comics) // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А. В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. 576 с. С. 64-76.

11. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира человека (русско-английские соответствия): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Марина Владимировна Пименова. – СПб., 2001. – 497 с. – С. 33.

12. Пименова М.В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография. – Кемерово: КемГУ, 2007. – С. 32. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).

13. Пименова М.В. Власть и политика: метафоры в дискурсе СМИ // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2012. № 17. – С. 147-153.

14. Пушкарева Н.Л. Мифоистория социалистического соревнования в социальной памяти омичей (реконструируя советскую ментальность конца 1950-х – начала 1960-х гг.) // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А. В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. 576 с. С. 314-321.

15. Ставицкий А.В. Язык науки и мифа: проблема перевода и интеллектуальное единство // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия Филологические науки. 2018. Т. 4, № 1. С. 104–119.

16. Ставицкий А.В. Эпистемология поэтики в контексте неклассической мифологии // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А. В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. 576 с. С. 77-86.

17. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религию. СПб.: Лениздат, 2014. 224 с.

18. Шабанова А.А. Репрезентация концепта *власть/ power* в американской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Анастасия Александровна Шабанова. Ульяновск, 2011. 159 с.

19. Шейгал Е.И. Власть как концепт и категория дискурса // Эссе о социальной власти языка. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 57-64.

20. Davidson D. The Method of Truth in Methaphysics // *Inquiries into Truth and Interpretation*. Oxford, 1985. P. 183–198.

References

1. Birlajn Dzh. F. *Parallel'naya mifologiya* [Parallel Mythology]. M.: KRON-PRESS, 1997. 336 s. (In Russian).
2. Vasil'ev A.D. Verbalizaciya koncepta vlast' v yazykovom soznanii krasnoyarcev [The Verbalization of the Concept of Power in the Linguistic Consciousness of the Krasnoyarsk Residents] // *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev]. 2015. № 2 (32). S. 207–213. (In Russian).
3. Vrazhnova I.G. Metaforicheskaya reprezentaciya vlastnyh struktur v sovremennyh rossijskih i amerikanskih SMI [The Metaphorical Representation of Power Structures in Modern Russian and American Media] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [Izvestia of the University of Saratov]. 2009. T. 9. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. Vyp. 4. C. 25–32. (In Russian).
4. Erofeeva I.V. Koncept vlast' v mediadiskurse: dihotomiya reprezentacii [Concept Power in Mediadiscourse: Dichotomy of Representations] // *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chita State University]. Chita: CHitGU, 2009. №1 (52). S. 167–171. (In Russian).
5. Zemcov V.N. Vojny XIX v. v nacional'noj pamyati Britanii: mezhdru istoriej i mifom [War of the XIX Century. In the National Memory of Britain: Between History and Myth] // *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyj resurs]: Sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2021 goda, g. Sevastopol') / Pod redakciej A.V. Stavickogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v g. Sevastopole, 2021. 576 s. S. 300–306. (In Russian).
6. Lopareva D., Kipenko M. Koncept vlast' v sovremennoj publicistike: aksiologicheskij aspekt [Concept Power in Modern Journalism: Axiological Aspect]. LAP: Lambert Academic Publishing, 2012. 168 s. (In Russian).
7. Paniotova T. S. Mifologicheskie istoki utopii [The Mythological Origins of Utopia] // *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyj resurs]: Sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2021 goda, g. Sevastopol') / Pod redakciej A.V. Stavickogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2021. 576 s. S. 349–352. (In Russian).
8. Paskal' B. Mysli [Thoughts]. M.: Astrel', 2009. 253 s. (In Russian).
9. Petev N.I. Mifologizaciya kak instrument postroeniya prostranstva iskusstvennoj real'nosti [Mythologization as an Instrument of Building an Artificial Reality Space] // *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in History, Politics, Culture]: Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2018 goda, g. Sevastopol'), Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v g. Sevastopole, 2018. S. 206–208. (In Russian).
10. Petev N.I. Sozdavaemaya mifologiya kak religiozno-social'nyj mekhanizm (na primere amerikanskogo tvorchestva Marvel comics i DC comics) [The Mythology Created as a Religious and Social Mechanism (on the Example of American Creativity Marvel Comics and DC Comics)] // *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyj resurs]: Sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2021 goda, g. Sevastopol') / Pod redakciej A. V.

Stavickogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2021. 576 s. S. 64–76. (In Russian).

11. Pimenova M.V. Koncepty vnutrennego mira cheloveka (russko-anglijskie sootvetstviya) [Concepts of the Inner World of Man (Russian-English Correspondences)]: dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.01 / Marina Vladimirovna Pimenova. SPb., 2001. 497 s. (In Russian).

12. Pimenova M.V. Koncept serdce: obraz, ponyatie, simvol [Concept Heart: Image, Concept, Symbol]: Monografiya. Kemerovo: KemGU, 2007. S. 32. (Seriya «Konceptual'nye issledovaniya». Vyp. 9). (In Russian).

13. Pimenova M.V. Vlast' i politika: metafory v diskurse SMI [Power and Politics: Metaphors in the Discourse of the Media] // Lingvitoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Linguatolic Paradigm: Theoretical and Applied Aspects]. 2012. № 17. S. 147–153. (In Russian).

14. Pushkareva N.L. Mifoistoriya socialisticheskogo sorevnovaniya v social'noj pamyati omichej (rekonstruiruya sovetskuyu mental'nost' konca 1950-h – nachala 1960-h gg.) [The Mythistory of Socialist Competition in the Social Memory of Omsk (Reconstructing Soviet Mentality of the Late 1950s-early 1960s)] // *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyj resurs]: Sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2021 goda, g. Sevastopol') / Pod redakciej A.V. Stavickogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2021. 576 s. S. 314–321. (In Russian).

15. Stavitskiy A.V. Yazyk nauki i mifa: problema perevoda i intellektual'noe edinstvo [Language of Science and Myth: the Problem of Translation and Intellectual Unity] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo* [Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky]. Seriya Filologicheskie nauki. 2018. T. 4, № 1. S. 104–119. (In Russian).

16. Stavitskiy A.V. Epistemologiya poetiki v kontekste neklassicheskoj mifologii [Epistemology of Poetics in the Context of Non-classical Mythology] // *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyj resurs]: Sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2021 goda, g. Sevastopol') / Pod redakciej A. V. Stavickogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2021. 576 s. S. 77–86. (In Russian).

17. Freyd Z. Totem i tabu. Psihologiya pervobytnoj kul'tury i religiiyu [Totem and Tabu. Psychology of Primitive Culture and Religion]. SPb.: Lenizdat, 2014. 224 s. (In Russian).

18. Shabanova A.A. Rerezentaciya koncepta vlast'/ power v amerikanskoj i russkoj lingvokul'turah [Representation of the concept of power/ Power in American and Russian linguocultures]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 / Anastasiya Aleksandrovna Shabanova. Ul'yanovsk, 2011. 159 s. (In Russian).

19. Shejgal E.I. Vlast' kak koncept i kategoriya diskursa [Power as a concept and category of discourse] // *Esse o social'noj vlasti yazyka* [Essay on the Social Power of the Language]. Voronezh: VGU, 2001. S. 57–64. (In Russian).

20. Davidson D. The Method of Truth in Methaphysics // *Inquiries into Truth and Interpretation*. Oxford, 1985. P. 183–198. (In English).

Сведения об авторе:

Демидова Евгения Евгеньевна

преподаватель кафедры лингвистики АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семёнова – Тянь-Шанского», кандидат филологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: Demidova_Eu@mail.ru

Bionotes:

Demidova Evgeniya Evgenievna

Teacher of the Department of Linguistics, Semyonov – Tien-Shansky International Humanitarian University, Candidate of Philology (St. Petersburg, Russia).

Для цитирования:

Демидова Е.Е. Мифы о власти и власть мифа: когнитивный аспект // Мифологос. Серия «Миф и общество: история, политика, социология», № 4, 2022. С. 122–134.

For citation:

Demidova E.E. Myths about Power and the Power of Myth: a Cognitive Aspect // Mythologos. Myth and Society: History, Politics, Sociology Series, no. 4, 2022. С. 122–134.

МИФОТВОРЧЕСТВО ГЛОБАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

УДК 316.7

DOI: 10.35103/SMSU.2022.33.42.057

СОВРЕМЕННЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МИФЫ КАПИТАЛИЗМА

Шинкаренко Виктор Дмитриевич

Институт экономики и права (филиал) «Академии труда и социальных отношений»
в г. Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

Исследование по созданию современных мифов средствами массмедиа для управления массовым сознанием является актуальным, т.к. позволяет более глубоко понять эти процессы. Целью данной статьи является рассмотрение современных основных идеологических мифов либерального капитализма. Такие традиционные научные термины: «демократия», «невидимая рука» рынка и «права человека» с течением времени приобретают дополнительные значения и смыслы и начинают определять идеологию общественного строя. Эти понятия становятся некоего рода символами, описывающими либеральный капитализм как самый справедливый и передовой общественный строй, в результате чего они превратились в наивысшие ценности и стали мифами.

В результате научного анализа и феноменологического описания в статье были получены следующие результаты: рассмотрена политическая трансформация понятий «демократия», «невидимая рука» рынка и «права человека», которые приобрели новые идеологические значения, т.к. из разряда научной терминологии перешли в разряд политических идеологических основ современного либерального капитализма, в результате чего превратились через пропаганду в современные мифы.

Ключевые слова: демократия; «невидимая рука» рынка; общественные отношения; рыночная экономика; капитализм; права человека; миф

MODERN IDEOLOGICAL MYTHS OF CAPITALISM

Shinkarenko Victor Dmitrievich

Institute of Economics and Law (branch) of the "Academy of Labor and Social Relations" in Sevastopol (Sevastopol, Russia)

Abstract

Research on the creation of modern myths by mass media means for the management of mass consciousness is relevant, because it allows a deeper understanding of these processes. The purpose of this article is to examine the current main ideological myths of liberal capitalism. Such traditional scientific terms as "democracy", "the invisible hand" of the market and "human rights" acquire additional meanings and meanings over time and begin to define the ideology of the social system. These concepts become some kind of symbols that describe liberal capitalism as the most just and advanced social system, as a result of which they have become the highest values and become myths.

As a result of scientific analysis and phenomenological description, the following results were obtained in the article: the political transformation of the concepts of "democracy", "the invisible hand" of the market and "human rights", which acquired new ideological meanings, since they moved from the category of scientific terminology to the category of political ideological

foundations of modern liberal capitalism, as a result of which they turned into modern myths through propaganda.

Keywords: democracy; the "invisible hand" of the market; social relations; market economy; capitalism; human rights; myth

Введение

Говоря о политических и общественных мифах слово «миф», как правило, используется в значении как выдумка, ложь, искусственно сконструированное мировоззрение на базе идеологии и пропаганды, которое подменяет или заменяет собой реальные отношения в обществе. В таком значении используется знаково-смысловая структура мифа как некая языковая реальность для объяснения устройства политической системы и общественных отношений. Человек не может извлекать значения и смыслы непосредственно без языковых структур особенно в таких сложных системах как искусственно сконструированные и созданные общественные отношения, регулируемые различными знаково-смысловыми структурами [9]. Для объяснения политической и общественной жизни используются знаково-смысловые структуры, а миф является одной из наиболее древних подобных языковых структур, которая объединяет людей через описание природного и искусственного социального мира. Поведение другого человека становится понятным через описание этого поведения знаково-смысловыми структурами. Если поведение человека воспринимается при помощи органов чувств, то государственные структуры и различные социальные институты невидимы для прямого наблюдения и существуют только как знаково-смысловые структуры, наделенные определенными значениями и смыслами, носящими общественный и индивидуальный характер. Миф как языковая знаково-смысловая структура объясняет наиболее важные моменты для существования всего общества.

Методы

В качестве методов исследования используется феноменологический метод и анализ научной литературы по истории, социологии, политике, экономике, а также других гуманитарных наук и др.

Литературный обзор

В статье были рассмотрены следующие работы: Платон «Государство», в которой анализируется демократия; В.И. Ленин «О «демократии» и диктатуре» дан анализ буржуазной демократии; А. Смит «Исследование о природе и причинах богатства народов» о роли «невидимой руке» рынка; Ф. Бродель «Динамика капитализма» характеризующая развитие рыночных отношений и капитализма в Европе; Ф. фон Хайек «Право, законодательство и свобода», «Дорога к рабству», анализирующие рыночные отношения, конкуренцию, либеральную экономику и др.

Результаты и обсуждения

Понятие «демократия» относится к наиболее древнему широко распространенному в западных странах мифу о справедливом общественном устройстве и управлении. В современной массовой культуре понятие «демократия» приобрело множество значений и стало так часто употребляться в СМИ, что привело к утрате первоначального значения. Демократия с древнегреческого языка обозначает «власть народа». В истории человечества, даже в самых примитивных обществах никогда такая форма общественных отношений не существовала.

Поэтому «демократия» никогда не существовала в реальности, а существует только как абстракция в теории для конструирования и построения различных моделей «справедливого» общества и различного рода утопий и антиутопий в литературе. Даже если теоретически рассматривать демократию как высшую идеальную форму правления обществом, то чем больше по численности такое общество и чем сложнее взаимоотношения между индивидами, тем сложнее эту теорию реализовать на практике. Для реализации этой теории необходимы дополнительные условия духовного и морального развития самого человека к тем, что уже существуют. К одной из высших моделей общественных отношений относится коммунизм, но никто не знает через какие этапы общественного развития необходимо пройти, чтобы достигнуть этой стадии общественных отношений. Коммунизм также должен быть основан на демократии как высшей форме народного правления, но совершенно неясно как реализовать принцип демократии и в каких формах возможно народное правление обществом. Если в идейном и духовном плане существует некое понимание коммунизма, то каким образом будет реализована материальная жизнь людей совершенно непонятно. Очевидно, что компьютеры и цифровые технологии создадут определенную виртуально-материальную среду, которая станет основой для создания товаров повседневной необходимости и часть населения будет включена в систему контроля над цифровой средой и ее развитием. Чем будет заниматься другая часть населения непонятно. С тех пор, когда впервые появились идея коммунизма, привычный мир очень сильно изменился и продолжает меняться под воздействием науки и техники, а многие изменения появятся только в будущем, и будут оказывать влияние на реализацию коммунизма неведомым для нас образом. Не ясно будет ли в таком обществе реализована демократия, будет она прямой или представительной и есть ли в ней смысл в таком обществе при демократии? Теоретики коммунизма на этот и многие другие вопросы не дали ясного ответа и поэтому коммунизм, так же как и демократию можно отнести к мифу. Возможно, что появится новый миф о совершенно ином справедливом обществе, реализованный на иных на сегодняшний день принципах.

Реализации демократических принципов можно рассмотреть на примере обычной семьи, состоящей из двух человек без детей, которая для своего существования должна (но не обязательно) опираться на демократические принципы (более справедливую форму общественных отношений), т.е. совместно обсуждать и принимать необходимые решения для существования семьи. Для этого каждый член семьи должен иметь равные права. Казалось бы, что два человека легко могут договориться между собой, что на практике оказывается далеко не так просто и не всегда возможно, т.к. иногда разность интересов и нежелание друг другу уступать для принятия общего решения делает совместную договоренность невозможной.

Если рассмотреть семью, состоящую из нескольких поколений проживающих вместе, члены которой будут обладать равными правами и возможностями для принятия решения, то достигнуть консенсуса между поколениями будет еще сложнее. Несмотря на коллективные интересы, всегда присутствует и свой личный интерес, а также различное понимание жизни и жизненный опыт у разных поколений. Каждый по отдельности ответствен сам за себя и семью, но и все вместе ответственные за существование всей большой семьи, и поэтому неясно с позиции демократии, кто принимает решение тот, кто

имеет большой жизненный опыт и доверие всех или мнение всех путем голосования. Можно, конечно, принимать решения общим голосованием, но тогда надо решить вопрос, кто и с какого возраста допускаются к голосованию. После коллективного обсуждения для достижения консенсуса между членами такой семьи, как правило, имеет право принимать решения глава семьи, который должен выражать не только интересы большинства, но и здравого смысла. Реализация демократических принципов даже в одной большой семье требует определенных усилий и договоренностей, т.е. должны быть некие общие коллективные правила игры. А если несколько семей проживающих по соседству и им необходимо принять коллективное решение в общих интересах, то для принятия решения может быть общее голосование или главы семей совещаются между собой, и решение ими принимается голосованием в пользу большинства. В таком случае решение принимается не всеми членами семей, а главами семей, которые отражают интересы своих семей. Такая форма демократии является не прямой, а представительной. В такой демократии семьи имеют не прямое право, а косвенное, т.е. даже на таком простом примере демократия в прямом виде не работает, она просто не может быть реализована на практике. Если же рассматривать небольшое общество в несколько тысяч человек, которые состоят из мало или вообще незнакомых между собой людей, то им между собой в силу совершенно разных личных интересов договориться прямым путем либо вообще будет невозможно, либо потребуется очень много времени для принятия самых простых решений. Такая демократия будет не эффективной, а в обществе всегда будут противостоять друг другу различные группы интересов, что в конечном итоге приведет к дезорганизации общества, разного рода разногласиям, а не к процветанию.

Когда рассматривается общество, состоящее из разных людей по своим способностям, интересам и положением в обществе, то общество делится на группы интересов, которые объединяют интересы различных людей и как правило, решение принимается не в сторону большинства, а в сторону наиболее влиятельных лиц старающихся свои личные интересы представить, как общественные и склонить на свою сторону большинство. Очевидно, что такая система не эффективна и ничего общего кроме названия не имеет с реальной демократией. Нет никакой необходимости проводить общественное голосование по любому вопросу. Для эффективного существования общества власть или принятие решений переходит к определенному избираемому кругу лиц, которое принимает решения от имени всего общества и управляет обществом. Демократия по Платону выражается в том, что к власти приходят бедняки, а значит, демократия и есть власть бедняков. В «Государстве» Платон говорит об уравнивании в гражданских правах и что назначение на государственные должности «при демократическом строе происходит большей частью по жребию» [3, с. 343]. Любое общество в силу тех или иных причин расслаивается на различные неравные между собой группы, по способностям, знаниям, богатству. Неизбежное расслоение общества ведет к тому, что управление обществом или власть переходит в руки наиболее богатых и влиятельных граждан, способные управлять обществом, которые под благовидным предлогом принимают решения в своих личных интересах, выдавая их за заботу обо всем обществе. Демократия предполагает равные права и возможности, но она не обеспечивает равные способности, которые могут иметь значение для управления обществом или быть просто бесполезными. Исторически в обществах выработались различные механизмы принятия решений как структуры

общественного или государственного управления. Наиболее важные решения для всего общества принимают различные выборные органы и далее по степени важности решения опускаются на нижние уровни вплоть до семьи и персонально каждого человека. Чтобы подобная структура работала должны существовать общие правила, нормы поведения, традиции, ритуалы и обряды, а также разного рода запреты, т.е. традиционно сложившаяся своего рода правовая система отношений. Эта система на основе предыдущего опыта прошлого регулирует настоящее, чтобы избежать возможных неопределенностей в будущем. Ф. фон Хайек полагает, что человек «добивается успеха не потому, что знает, почему должен подчиняться тем правилам, которые он соблюдает, или хотя бы способен выразить все эти правила словами, а потому, что его действия и мышление подчинены правилам, которые развились в обществе в результате отбора и, таким образом, представляют собой опыт поколений» [7, с. 30]. Система правил регламентирует повседневное поведение таким образом, чтобы все члены общества комфортно себя чувствовали в нем. Идеального порядка можно добиться только в тех обществах, которые максимально адаптированы в окружающую среду и очень медленно изменяются и все эти изменения находят отражение в общих правилах поведения и устройства общества. Правила могут быть: 1) индивидуальными, 2) правилами малых группы, 3) правилами больших групп и 4) общими социокультурными правилами для всех. Очевидно, что все эти группы правил пересекаются между собой и вложены друг в друга. Над индивидуальными правилами формируются правила малых групп, над правилами малых групп формируются правила больших групп, а уже над правилами больших групп формируются общие социокультурные правила всего общества. Они включают в себя все формы правил и легитимируют их определенные виды как обязательные для всех, а также формируются систему запретов. Соблюдение правил порождает систему общественного контроля над соблюдением правил в общественных отношениях и систему наказаний за нарушения правил. В традиционных обществах не существует самостоятельной системы наказания. Эти функции в зависимости от тяжести проступка существуют на различных уровнях и только в случаях тяжких преступлений решения принимают высшие управленческие структуры. Общество – это система с саморегулирующимся порядком, т.к. каждый, зная общие правила, понимает где, когда и как они нарушаются и к чему эти нарушения приводят и как заставить нарушителя подчиняться правилам.

С развитием капиталистических отношений и ростом неравенства людей между собой по имущественному признаку, власть переходит в руки более состоятельных граждан, а «демократия» превращается в некий символ справедливого общественного устройства и равенства прав для всех. Если при рабовладении, как и при феодализме, общество было разделено на две большие неравные группы рабов и рабовладельцев, сюзеренов и вассалов, то «демократия» была уделом правящей группы меньшинства рабовладельцев и сюзеренов, а рабы и вассалы как большинство вообще не имели никаких прав. Развитие капиталистических отношений в обществе привело к тому, что особое понимание «демократии» стало применяться для развития капитализма, а следовательно, некие права, юридические и политические свободы стали необходимостью для существования рынка свободной рабочей силы, на котором наемные рабочие могли продавать свой труд на фабриках и заводах для роста и развития капитализма. Все индивиды в обществе получили юридические равные права и возможности, но

неравенство между людьми никуда не исчезло, а приобрело новые формы. Если в традиционных бесписьменных обществах власть имела коллективную природу и держалась на авторитете старейшин, то при развитии экономических отношений, она постепенно перешла в руки состоятельных и богатых граждан и для удержания власти, принуждения и подавления недовольных, потребовался репрессивный аппарат государства, который превратился в постоянно действующий социальный институт. Роль такого государственного устройства в обществе постоянно возрастает, а вместе с ним растет и вся репрессивная система по защите и удержанию власти, а не соблюдению прав и свобод.

Капиталистический способ производства породил и новые отношения, которые как высшую форму развития репрессивного государства стали называть демократией. В основе капитализма лежит частная собственность на средства производства, разделение труда, постоянный рост прибыли и непрерывный рост и расширение рынков сырья и сбыта. В обществе существуют две неравные группы собственников средств производства – буржуазия и наемные работники. В.И. Ленин дал определение буржуазной (либеральной) демократии: «Буржуазия вынуждена лицемерить и называть «общенародной властью» или демократией вообще, или чистой демократией (буржуазную) демократическую республику, на деле представляющую из себя диктатуру буржуазии, диктатуру эксплуататоров над трудящимися массами...на деле демократическая республика, учредительное собрание, всенародные выборы и т.п. есть диктатура буржуазии...(даже и при самой демократической – буржуазной – республике) эти блага демократии фактически недоступны громадному большинству трудящихся» [2, с. 390]. Ленин указал на то, что буржуазия, находящаяся у власти, старается удержать власть любым способом и для этого использует все законные и незаконные средства управления массами для принятия ими выгодных для себя решений. Для этой цели используется пропаганда, политическая реклама, пиар, политический маркетинг и другие различные технологии массмедиа. Интенсивное развитие массмедиа привело к тому, что они стали выполнять новые ранее им не свойственные функции – транслировать политическую пропаганду и способствовать массовому продвижению товаров. Предоставление избирательных прав широким массам и выдвигать свою кандидатуру на выборы – это псевдодемократия, которая выражается не в равных возможностях, а только в псевдовозможностях, т.к. любые выборы требует немалого количества финансовых средств. Очевидно, что не любой желающий может себе позволить выдвигать свою кандидатуру на любую выборную должность. Демократия при капитализме носит декларативный характер и выражается в возможности каждого по достижению определенного возраста принимать участие в общих выборах и избирать представителей власти, которые обслуживают интересы не народного большинства, а интересы в первую очередь буржуазии и финансовых элит, т.е. капитала. Западная демократия непрерывно транслирует всему миру, что западный образ жизни и построенная система общественных отношений является самой лучшей и самой справедливой. Уже давно произошла подмена демократии как «власти народа» на «высокий уровень жизни народа», и именно высокий уровень жизни стал рассматриваться как западная демократия. Понятие «демократия» получило свое новое значение, никак не связанное с «властью народа».

По этой причине для переформатирования мира начали не только распространять, но и навязывать «демократию» «недемократическим странам». На

практике экспорт западной демократии не приводит к росту уровня жизни населения той страны, куда импортируется демократия. Экспорт «демократии» приводит только к зависимости от стран, которые экспортируя «демократию», открывают для себя новые рынки сбыта этих стран и как правило, отсталую экономику этих стран делают неконкурентной и превращают ее в еще более отсталую. Миф о демократии как о форме правления народом служит основой для создания и других современных мифов.

Другим широко распространенным мифом является «невидимая рука» рынка, управляющая идеальным образом всеми рыночными отношениями в экономике. Капитализм прошел в своем развитии уже несколько стадий и современная его стадия является далеко не последней. Каждая стадия заканчивалась масштабным кризисом и поиском новых путей выхода из этого состояния, в результате чего и появлялась новая форма капитализма как новая стадия. Несмотря на изменчивость в основе капитализма лежит рыночная экономика и теоретическое понимание «невидимой руки» рынка. А. Смит считал, что в рыночных отношениях индивид «невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что цель не входила в его намерения» [4, с. 443]. «Невидимая рука» рынка является рыночным инструментом, который управляет формированием справедливых рыночных отношений, возникающих за счет справедливой конкуренции. «Невидимая рука» рынка на то она и невидимая, что ведет к принятию правильных решений в сложившейся ситуации, без всякого их объяснения. Справедливое распределение различных товаров происходит на рынке, где товары в зависимости от количества и спроса на них получают свою сложившуюся, а не фиксированную цену. Если товара много на рынке, то цена на него понижается, а если наоборот, товара мало, то цена на него возрастает, т.к. желающих приобрести данный товар всегда больше, чем самого товара, то и покупатели конкурируют за него между собой. Рыночные отношения купли-продажи формировались, как и капиталистический способ производства товаров во времена феодализма и постепенно развиваясь, приобретали новые формы с постоянным ростом количества товаров на рынке и покупательской способностью населения. Развитие промышленного способа производства товаров взамен ремесленного происходит медленно, и эти отношения постоянно находились в динамике.

Французский историк Фернан Бродель считает, что рыночная экономика постепенно формировалась в период XV–XVIII вв. и была во многом принудительной, и по этой причине она находила сопротивление разных слоев общества. Сложившуюся за это время «Материальную цивилизацию запада» Бродель разделяет на три разных уровня: «материальную жизнь, рыночную экономику и капиталистическую экономику» [1, с. 118]. Он не только выделяет различные отношения и формы повседневной жизни, но и показывает, что на основе рыночных отношений формируется капиталистический способ производства или капитализм. По его мнению, рыночные отношения и капитализм – это не одно и то же самое как считают другие исследователи.

Термин «капитализм» был введен в научный оборот после выхода в свет книги В. Зомбарта «Современный капитализм» в 1902 года. К. Маркс в своем знаменитом исследовании капитализма «Капитал» не употреблял этот термин. Вместо него Маркс использовал другой термин «капиталистический способ

производства». Капитализм или капиталистический способ производства формируется на вершинах экономической деятельности, в зоне сверхприбыли и не распространяется на всю трудовую и экономическую деятельность в обществе. Бродель считает, что капиталистическая экономика разрушает рыночную экономику через создание монополий, несмотря на законодательную борьбу с ними. Антимонопольное законодательство неспособно прекратить монополизацию рынков, что и ведет к уничтожению справедливой конкуренции, а отсутствие конкуренции разрушает рыночный механизм саморегулирования экономики и устраняет из него «невидимую руку» рынка. По мнению либерального экономиста Ф. фон Хайека: «для создания эффективной конкуренции нужна хорошо продуманная система законов, но как нынешнее законодательство, так и законодательство прошлого в этом отношении далеки от совершенства» [6, с. 59]. О «невидимой руке» рынка продолжают говорить ученые и экономисты, но она с развитием капитализма и монополизации всех сфер экономики уже перестала проявляться как универсальный регулирующий механизм экономических отношений и превратилась в миф.

Изменение общества и сложившихся в нем социальных институтов под воздействием новых технологий во всех сферах деятельности и с внедрением новых цифровых технологий с искусственным интеллектом, вызывает сомнения у некоторых исследователей, что такие традиционные механизмы как рыночная экономика и планирование могут не быть такими же эффективны, как и в прежние времена. По мнению Ю. Харари: «вверять наше будущее рыночным силам опасно, потому что они действуют в интересах рынка, а не в интересах человечества или планеты» [5, с. 441]. Его опасения связаны с тем, что «силы рынка слепы и невидимы» и в силу этого могут принимать неправильные решения, результат которых может проявиться только в недалеком будущем. Конечно, если говорить о традиционных рыночных отношениях, то его опасения могут иметь реальные основания, но если касаться современной капиталистической экономики, которая с каждым годом все больше и больше монополизуется, то очевидно, что все опасения, напрасны. Монополизация рынка приводит к тому, что лишает рынок его главного инструмента – справедливой конкуренции, устанавливая монополистические или олигополистические цены на товары и в результате этого «невидимая рука» рынка больше не в состоянии их регулировать. Что касается планирования, то оно с развитием цифровых технологий становится все более и более эффективным инструментом, чтобы избежать неопределенности в будущем.

В СМИ стараются говорить не о капитализме, а о рыночной экономике и «невидимой руке» рынка, что конечно, уже не соответствует сложившимся современным экономическим отношениям. Рыночные отношения и «невидимая рука» рынка привели к появлению, формированию и дальнейшему развитию капитализма, но с развитием промышленных технологий и увеличением рыночной доли корпораций начали формироваться олигополии и монополии, которые стали разрушать традиционный рынок, основанный на конкуренции и «невидимой рукой» рынка. Если в начале промышленного капитализма существовал сговор между участниками экономических отношений, то в современной модели капитализма сговор происходит на уровне власти в виде групп лоббирования и приведения во власть представителей крупного бизнеса. На основе этих отношений формируется государство нового типа – корпоративное государства, когда представители бизнеса во власть делегирует своих представителей и все

решения принимаются только в интересах бизнеса. Очевидно, что корпоративное государство является полностью буржуазным государством и служит не народу, а крупной буржуазии. В таком государстве «невидимая рука» рынка, как и демократия не нужна, т.к. рыночные отношения превращаются в искусственно регулируемую экономику в интересах правящей буржуазии и становятся историческим мифом, который лежит в основе либеральной экономики.

Еще одним мифом современного капитализма являются «права человека». Этот миф лежит в основе современной либеральной демократии, которая начала свое бурное развитие на Западе после Второй мировой войны как неолиберализм. Генеральная Ассамблея ООН 10 декабря 1948 г. приняла и провозгласила Всеобщую декларацию прав человека, а в 1950 г. была подписана Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и созданием Европейского суда по правам человека для защиты декларируемы прав. Права человека возникли не столько для защиты реальных прав человека, а как некая альтернатива устройства «справедливого» капиталистического общества, в котором высшей ценностью является не само общество и общественные отношения, а права, живущего в этом обществе человека. Создание прав человека направленно на индивидуализацию общества и отделение индивида от общества. Для этой цели используется благовидный политический инструмент по защите прав человека, а на деле воплощается принцип — «разделяй и властвуй». Права человека были направлены не на реальную их защиту и по этой причине являются всего лишь декларацией, а на борьбу с победившим во Второй мировой войне Советским Союзом [10]. В основе советской идеологии, в отличие от западной либеральной индивидуалистической идеологии лежал принцип общественных отношений в самом широком смысле слова, который реализовался во власти советов, в создании кооперативов и колхозов с коллективной собственностью и созданием широких народных организаций для воспитания советского человека. Для того чтобы советский человек перестал поддерживать свое государство, он должен из человека-коллективного перейти в новую категорию и стать человеком-индивидуальным, у которого есть не только общественные права и обязанности, но и что самое главное, личные интересы, которые выше общественных. Коллективное сознание у большинства населения страны в СССР преобладало над индивидуальным. Это был для стран Запада повод постоянно говорить о том, что в СССР нарушаются права человека и свободы. Советскому человеку через кино, журналы, газеты, художественную литературу и западную культуру, а также различные товары массового потребления постоянно навязывался западный образ жизни как вершину человеческой цивилизации. Через массмедиа запад обращался к советскому человеку и говорил: «Мы чтим права человека и поэтому в наших странах демократия и такой высокий уровень жизни». «Надо рассуждать не о коллективных ценностях, а о своей собственной жизни». Права человека были созданы не для их неукоснительного исполнения, а как инструмент для борьбы с красным социалистическим проектом. Они сыграли свою не последнюю роль в его разрушении и превращении страны в сырьевой придаток запада.

После того как был устранен самый опасный соперник капитализма, права человека продолжают все также декларироваться, но они стали постоянно нарушаться во всех западных странах, и при этом не прекращаются разговоры о капиталистической либеральной демократии как высшей справедливости в истории человечества. Очевидно, что это не соответствует реальному положению дел. Как

инструмент мировой политики права человека соблюдаются только там, где это выгодно и не соблюдаются во всех остальных случаях. По этой причине положения Всеобщей декларации прав человека давно устарели, и не соответствуют современным реалиям. Права человека создавались как достижение превосходства западного капиталистического мира над социалистическим содружеством и выполнили свою задачу. Права человека отражают политическую и экономическую систему капитализма, которую они стараются увековечить. С момента создания права человека используются, как повод для стран Запада вмешаться во внутренние дела независимых государств с помощью различных санкции вплоть до военного вмешательства. После прекращения существования красного проекта и противостояния двух систем мир стал однополярным, что привело к массовому нарушению прав человека теми же странами, которые стояли во главе их создания [8]. Экономически развитые государства под благовидным предлогом защиты общественных интересов в странах, где нарушаются права человека, оказывают давления на эти страны от различных санкций до военного вмешательства и тем самым нарушают права человека и ставят свои государственные и общественные интересы выше неприкосновенности прав человека и личности. Несмотря на равенство прав человека для всех без исключения при капитализме меньшинство решает за большинство. Права меньшинства являются более важными, чем права большинства, что нарушает права большинства. Либеральный капитализм постоянно переоценивает ценности через разрушение сложившихся в обществе традиционных и навязывание новых ценностей, которые во многом являются их полной противоположностью. Поэтому права человека защищают в основном только тех, кто разделяет новые либеральные ценности: гендерные отношения, которые легитимируют различные ЛГБТ-сообщества, разрушение традиционной семьи, новые формы религий, новое и антитрадиционное искусство, жестокость, мультикультурализм, толерантность, распущенность, извращения и т.д. Если права человека служат для защиты представителей либеральных ценностей, то представителей традиционных ценностей они во многих случаях не защищают. В XXI в. мир сильно изменился и все эти изменения должны найти свое отражение в новой или сильно обновленной декларации прав человека, которые уже давно превратились в миф.

Заключение

Капитализм всегда обращается к расщепленному сознанию, которое формируется политикой двойных стандартов с всегда неизменным принципом: «что выгодно, то и истинно». Для того чтобы двойные стандарты не только в международной, но и национальной политике стали основой общественных отношений проводится либерализация всех ценностей. Если научные понятия начинают широко употребляются в массмедиа и используются в виде идеологических символов, определяющих общественные отношения, то они начинают приобретать новые не свойственные им раньше значения и смыслы и превращаются в современные мифы. В результате пропаганды такие понятия как «демократия», «невидимая рука» рынка и «права человека» стали в массовом сознании мифами. После либерализации эти понятия были положены в основу капиталистической идеологии, рассматривающей капитализм как вершину развития человеческой цивилизации, которая должна быть увековечена как идеальное общество, о котором как о мифе всегда мечтало человечество.

Литература

1. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: «Полиграмма» 1993.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений Издание пятое. т. 37. Издательство политической литературы. Москва. 1974.
3. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит; [пер. с англ.; предисл. В.С. Афанасьва]. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
4. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994.
5. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Юваль Ной Харари; [пер. с англ. А. Андреева]. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
6. Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
7. Хайек Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.
8. Шинкаренко В. Д., Щербинина О.О. На пороге новых вызовов глобализации // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 6 (108). С. 9–29.
9. Шинкаренко В.Д. Знаково-смысловая структура мифа // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2019 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2019. С. 285–288. URL: https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2019/11/Sbornik-_Mif-2019-s-oblozhkoi.pdf (дата обращения: 02.04.2021).
10. Шинкаренко В.Д. Влияние «левых» и «правых» идей на развитие общества и государства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Том 6 (72). 2020. № 4. С. 58–73.

References

1. Brodel' F. Dinamika kapitalizma [The Dynamics of Capitalism]. Smolensk: «Poligramma» 1993. (In Russian).
2. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniĭ Izdanie piātoe [The complete Works. Fifth edition. vol. 37.]. t. 37. Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Moskva. 1974. (In Russian).
3. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov [Research on the Nature and causes of the Wealth of Nations] / A. Smit; [per. s angl.; predisl. V.S. Afanas'va]. M.: Ėksmo, 2007. 960 s. (In Russian).
4. Platon. Sobranie sochineniĭ v 4 t. [Collected Works in 4 vols . Vol . 3] T. 3 / Per. s drevnegrech.; Obshch. red. A.F. Loseva, V.F. Asmusa, A.A. Takho-Godi; Avt. vstup. st. i st. v primech. A.F. Losev; Primech. A.A. Takho-Godi. M.: Mysl', 1994. (In Russian).

5. Kharari Iū.N. Homo Deus. Kratkaiā istoriā budushchego [Homo Deus. A Brief History of the Future] / Iūval' Noī Kharari; [per. s angl. A. Andreeva]. M.: Sindbad, 2018. 496 s. (In Russian).

6. Khaïek F.A. fon. Doroga k rabstvu [The Road to Slavery] / Per. s angl. M.: Novoe izdatel'stvo, 2005. 264 s.

7. Khaïek F.A. fon. Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsipov spravedlivosti i politiki [Law, Legislation and Freedom: Modern Understanding of Liberal Principles of Justice and Politics]. M.: IRISĖN, 2006. 644 s. (In Russian).

8. Shinkarenko V. D., Shcherbinina O.O. Na poroge novykh vyzovov globalizatīii [On the Threshold of new challenges of Globalization] // Ėtnosotīium i mezhnatsīonal'naiā kul'tura. 2017. № 6 (108). S. 9–29. (In Russian).

9. Shinkarenko V.D. Znakovo-smyslovaia struktura mifa [The Symbolic and Semantic Structure of the Myth] // Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in History, Politics, Culture] [Ėlektronnyĭ resurs]: Sbornik materialov III Mezhdunarodnoĭ nauchnoĭ mezhdistsīplinarnoĭ konferentsīii (iiūn' 2019 goda, g. Sevastopol') / Pod redaktīiei O.A. Gabrieliāna, A.V. Stavitskogo, V.V. Khapaeva, S.V. Iūrchenko. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2019. S. 285–288. URL: https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2019/11/Sbornik-_Mif-2019-s-oblozhkoi.pdf (data obrashcheniā: 02.04.2021). (In Russian).

10. Shinkarenko V.D. Vliiānie «levykh» i «pravykh» ideĭ na razvitie obshchestva i gosudarstva [The influence of "left" and "right" Ideas on the Development of Society and the State] // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sotsiologiiā. Pedagogika. Psikhologiiā. Tom 6 (72). 2020. № 4. S. 58–73. (In Russian).

Сведения об авторе:

Шинкаренко Виктор Дмитриевич

доктор социологических наук, профессор кафедры Экономики и менеджмента Института экономики и права (филиал) «Академии труда и социальных отношений» в г. Севастополе.

E-mail: vds55@inbox.ru

Bionotes:

Shinkarenko Victor Dmitrievich

Professor, Department of Labor Law, Social Security Law and Trade Union Disciplines, Institute of Economics and Law (Branch) of the Academy of Labor and Social Relations in Sevastopol, Doctor of Sociology (Sevastopol, Russia).

Для цитирования:

Шинкаренко В.Д. Современные идеологические мифы капитализма // Мифологос. Серия «Миф и общество: история, политика, социология», № 4, 2022. С. 135–146.

For citation:

Shinkarenko V.D. Modern Ideological Myths of Capitalism // Mythologos. Myth and Society: History, Politics, Sociology Series, no. 4, 2022. С. 135–146.

МИФОТВОРЧЕСТВО КАК ГЛАВНАЯ СТРАТЕГИЯ СТАГНАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Колычев Петр Михайлович

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического
приборостроения (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

В данной статье культура понимается как такое состояние общества, при которой основной стратегией является производство жизненных средств. В соответствии с этим возможны три вида общества: до-культура (первобытная община), культура, пост-культур (ливоли). Каждый вид проходит период развития и стагнации (или гибели). Каждому виду соответствует свой вид мифа и его роль в обществе. Состояние современного общества определяется как переход к стагнации основной подавляющей части общества и возникновение нового вида: ливоли. Современное мифотворчество способно обеспечить устойчивость стагнации современного общества. В отношении пост-культурного мифа приведен миф общины «ливоли», смысл существования которой состоит в занятии подлинно беспредметным искусством, которое не является образом ни материальных, ни духовных объектов. Результатом такого искусства является создание новых миров, качественно не связанных с нашим старым миром. При этом подлинно беспредметное искусство не является образом нового мира, а является самим этим миром.

Ключевые слова: миф, до-культура, культура, пост-культура, стагнация, потребление, ливоли, беспредметное искусство

MYTH-MAKING AS THE MAIN STRATEGY FOR THE STAGNATION OF MODERN CONSUMER SOCIETY

Kolychev Petr Michaylovich

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
(Saint-Petersburg, Russia)

Abstract

In the article, culture is understood as a state of society where the main strategy is the means of subsistence production. In accordance with this, three types of society are possible: pre-culture (primitive community), culture, post-cultures (Livoli). Each of the types goes through periods of development and stagnation (or downfall). Each type of society possesses corresponding type of myth and role of myth in the society. The state of modern society can be defined as the transition to stagnation of the main overwhelming part of society and the emergence of a new type: Livoli. Modern mythmaking is capable to ensure sustainability of the modern society stagnation. With reference to the post-cultural myth, the myth of the Livoli community is discussed; the meaning of its existence is to engage in truly non-objective art, which is not an image of either material or spiritual objects. This art results in the creation of new worlds that are qualitatively unrelated to our old one. At the same time, truly non-objective art is not an image of a new world, but it is this world itself.

Keywords: myth, pre-culture, culture, post-culture, stagnation, consumption, Livoli, non-objective art

Введение

Осознание собственного существования в современном обществе возможно, том числе, на основе понимания себя и современного общества. Целью настоящей статьи – показать основную стратегию современного общества, а также наметить

варианты следующего шага. В отношении развития современного общества автор занимает позицию стагнации современного общества потребления, ключевую роль в этом играет миф. В статье считаются синонимами термины «современное западно-европейское общество потребления» и «современная западно-европейская культура». При этом культура понимается как такое состояние общества, когда основной стратегией деятельности является производство жизненных средств. С точки зрения такого понимания возможны три вида общества: до-культура, культура, пост-культура [7]. Состоянию до-культуры соответствует как древняя, так и современная первобытная община, важной стратегией которой является не производство, а присваивание для своей жизнедеятельности естественного природного продукта. Основной стратегией пост-культуры является присваивание для своей жизнедеятельности продуктов, произведенных культурой.

1. Виды мифов. Каждому виду культуры соответствует свой вид мифа: до-культурный миф, культурный миф, пост-культурный миф. В самом термине «миф», используемом в европейской культуре, как правило, содержится мотив несоответствия между его содержанием и описываемой реальностью. В силу того, что в этом несоответствии участвует всего два элемента, то возможно только два варианта такого несоответствия. В первом варианте описание не соответствует реальности. Во втором варианте реальность не соответствует описанию. Примером первого случая является записанные этнографами мировоззрения современных первобытных общин, когда европейские этнографы относились к рассказам представителей современных первобытных общин о своем мировоззрении как к фантазиям, не соответствующим реальности. Обозначим такой миф как неадекватный до-культурный миф. Для самих представителей современных первобытных общин их описание полностью соответствовало той реальности, в которой они жили. Обозначим их представления о мире как адекватный до-культурный миф [8].

Примером культурного мифа является составление описание того, чего нет. При этом те, кто знакомится с этим описанием, относятся к нему как к описанию реальности. Само описание может быть представлено в различных формах: текст, аудиозапись, видео, которые могут быть и в виде документалистики. Если в случае неадекватного до-культурного мифа процесс мифотворчества состоит в составлении различных неосознанных неадекватных описаний реальности, то в случае создания культурного мифа состоит в сознательном, целенаправленном конструировании описаний, не соответствующих реальности.

2. Культурный миф. Практика культурного мифотворчества начинается с возникновения культуры. Одним из ярких примеров культурного мифотворчества можно считать идеологию крестовых походов. Начало этому мифотворчеству положил папа римский Урбан II, представив экономические интересы как освобождение христиан Святой земли от притеснений со стороны мусульман арабов, хотя никакого притеснения в реальности не было. Подобное мифотворчество является обычным духовным инструментом любой культуры на протяжении всей ее истории.

С середины прошлого века культурное мифотворчество в западной культуре обретает качественно новый облик. Связано это, прежде всего, с тремя факторами: 1 – экономический фактор, 2 – психологические открытия в области управления общественным сознанием, 3 – техническое развитие средств коммуникации. Экономический фактор связан с успехами промышленной революции начала

прошлого века, это касается, прежде всего, с использованием нефти и электричества. Однако две мировые войны, которые значительно развили сами технологии, затормозили внедрение этих технологий для выпуска товаров бытового повседневного потребления. Эта задача была решена лишь в 50-60 гг. XX в., то есть после восстановления западноевропейской экономики. В это время развитие техники позволяло в ближайшее время полностью механизировать производство товаров жизнедеятельности и обеспечить ими все население Земли на необходимо-минимальном уровне. Разумеется, это не могло произойти, в силу того, что в этом случае была бы нарушена основополагающая ценность западноевропейской культуры – собственность – точнее стремление к ее накоплению. Высокотехнологичное производство вывело часть западноевропейского населения из сферы необходимо-минимального производства, то есть появились «лишние люди».

Психологический фактор мы связываем, прежде всего, с открытием С. Аша, который в результате своего эксперимента показал, что общественное мнение может влиять на изменение оценок субъекта с одной на прямо противоположную. Результаты этих экспериментов были опубликована в 1951 г. [17], то есть к моменту интенсивного роста численности «лишних людей». Чуть позже С. Милгрэм (1963) публикует результаты своих экспериментов о повиновении, которые показали, что примерно в 50% случаях осознанные действия испытуемых под действием авторитетного лица могут привести к смертельному исходу совершенно нейтрального для них человека [19]. Надо сказать, что на уровне повседневности это было хорошо известно. Значимость экспериментов С. Аша и С. Милгрэма в том, что эти положения были доказаны научно, а это совсем другой уровень доверия. Если к тем или иным положениям повседневного знания мы относимся в зависимости от их соответствия нашему мировоззрению, то к научно доказанным фактам мы относимся с полным доверием, разумеется, при условии убедительности для нас предоставленных доказательств. К сказанному следует добавить, что «... модель Просвещения наиболее полно была реализована в общественной жизни США, и это привело к возникновению особой формы тоталитаризма, основанного на подавлении духовной самостоятельности личностей и господстве группового сознания» [1; 2, с. 45; 3].

Результатами психологических открытий в первую очередь воспользовались бизнесмены. Ведь результаты промышленной революции привели к быстрому насыщению рынка товарами бытового потребления. Поэтому западноевропейскую экономику в середине XX в. ожидал сильный кризис. Но кризиса можно было избежать, если убедить население выбросить используемый ими товар, который еще мог и далее выполнять свои функции. Для этого был создан, сотворен миф о «морально устаревших вещах» (этот термин взят из протоколов по списанию оборудования), нефункционально устаревших, то есть не способных выполнять возложенные на них функции, а именно морально устаревшие, то есть нормальных, с точки зрения выполнения их функций, но неприличных, с точки зрения их использования (морали). Казалось бы, эту безумную по своему содержанию идею невозможно воплотить в жизнь. Действительно, как человека можно убедить выбросить шкаф, который в полном объеме выполняет свои функции. Но ведь согласно экспериментам С. Аша и С. Милгрэма человека можно убедить в чем угодно, если на его решение будет воздействовать общественное мнение.

Однако если в эксперименте С. Аша несколько человек воздействовали всего на одного человека, заставляя его принять абсурдное решение, то в экономике нужно было решить прямо противоположную задачу: небольшая группа бизнесменов должна была повлиять на огромные массы людей. Здесь мы подошли к решающему значению третьего фактора: техническое развитие средств коммуникации. Именно развитие средств коммуникации, которое приходится на середину XX в., позволило решить эту задачу. Кардинально эту проблему впоследствии решил Интернет. Теперь люди общаются друг с другом не непосредственно, а преимущественно через Интернет, где можно внедрять какие-угодно мифы. Более того, стало возможным продавать товары абсурдные по своему характеру. Ярким примером тому служит сфера моды, так в последние годы в России стало модным ходить в рваной одежде, что явно противоречит изначальной функции одежды как необходимого элемента среды обитания.

Абсурдность моды приближает нас к пониманию следующего современного культурного мифа: «современное абстрактное искусство». Рождение этого мифа можно отнести к рубежу XIX – XX вв. Основной причиной возникновения современного абстрактного искусства является стремление продолжить успешные эксперименты импрессионистов. Вот как говорит об этом один из основоположников современного абстрактного искусства В.В. Кандинский: «К тому же времени (речь идет о периоде, который продолжался с 1893 г., после окончания им университета, до 1896 г., его отъезда в Германию – П.К.) относятся два события, наложившие печать на всю мою жизнь. Это были: французская импрессионистская выставка в Москве — и особенно "Сток сена" Клода Моне ...» [5]. Однако поиски первых художников абстракционистов оказались полным провалом для своего времени. Вот яркий статистический пример этому: «Первая государственная сводная выставка произведений искусства», которая занимала 17 залов Дворца искусств (так назывался государственный музей «Эрмитаж» после Октябрьской революции 1917 года — П.К.), была торжественно открыта 13 апреля 1919 года. Согласно предисловию к каталогу, в выставке участвовало 359 художников, выставивших 1826 произведений, но в самом каталоге были указаны фамилии лишь 306 участников и 1708 произведений. Из левых (то есть неклассических — П.М.) художников участвовали Н. Альтман, В. Баранов-Россине, А. Карев, В. Козлинский, Б. Кушнер, П. Мансуров, М. Матюшин, В. Маяковский, И. Пунин, О. Розанова, Э. Спандиков, П. Филонов, В. Ходасевич, М. Шагал, И. Школьник, С. Шлейферд, Д. Штеренберг – всего 17 художников (5,5 % от общего числа), выставивших 149 работ (8,7 % от всех произведений)» [6, с. 102; 13, с. 115–116], да и из неклассических художников далеко не каждый был абстракционистом. Ни В.В. Кандинский, ни П. Мондриан, ни К.С. Малевич до конца своей жизни, то есть до 1944 г. (В.В. Кандинский, П. Мондриан) соответственно 1935 г. (К.С. Малевич), не имели какого-либо значимого успеха. Успех их произведений приходится именно на начало 50-ых гг. XX в. И причины этого успеха в манипуляции общественным сознанием через средства массовой информации [10]. Сами художники осознавали проблему понимания их искусства, что и послужило для многих из них причиной писать тексты, в которых они разъясняли суть своего творчества [20; 4; 15].

Для нашей темы весьма примечательно то, как повлияли данные разъяснения на понимание искусства этих художников в момент их посмертной славы, включая нашу современность. Весьма примечательно в этом отношении мнение одного из

ведущих современных специалистов русского авангарда: «Эти теории (имеются в виду труды по теории искусства В.В. Кандинского – П.К.) по-особому «работают» на Кандинского, и для его времени, и для нас. Они интересны именно как «теории». С томиком текстов художника не следует идти на его выставку» [16, с. 31–32]. Таким образом, с точки зрения зрителя непрофессионала в области искусства, то есть большинства, кроме нескольких человек, мнение самих художников о своем искусстве совершенно не важно. Важным оказывается мнение именно этих нескольких специалистов. Именно их оценки и задают эталоны восприятия произведений современного абстрактного искусства. Учитывая результаты эксперимента С. Милгрэма о значимости авторитета для принятия решения, становится ясно, что при условии информационной поддержки этой авторитетной группы, именно эта группа и формирует эстетику современности [12]. Как было сказано выше, даже неважно мнение самих художников. Разумеется, мнение, так называемых, экспертов современных художников не является независимым, они все лишь посредники в игре арт-бизнеса.

Сегодня, возможно, на наших глазах рождается новый культурный миф: «экологичное производство». В современном обществе потребления качественно изменилась роль культурного мифа. Если ранее, то есть до середины XX в., культурное мифотворчество не было основным инструментом культуры, то теперь оно становится таковым. Обусловлено это тем, что современное общество переходит в стадию стагнации. Это уже второй вид стагнации общества. Первым видом была стагнация первобытной общины. Поэтому совершенно неправильно считать современные первобытные общины отсталыми, так как они и не собирались «догонять» культурный уровень. То, что стало с ними сегодня – это пример насильственной культурализации со стороны современной культуры. Культура, возникнув как стратегия производства, в наши дни достигла своего предела в отношении производства, когда новые способы производства не могут привести к какому-либо качественному развитию культуры. Далее культуру ждет либо гибель, либо стагнация. Из принципа самосохранения, вероятнее всего, вариант стагнации культуры. Одним, а возможно и единственным, из вариантов такой стагнации может стать мифотворчество, которое обеспечивает непрерывный процесс буржуазного производства.

Однако не всех удастся обработать культурным мифом. Эта малая часть может выработать для себя качественно новую стратегию развития общества. Эту стратегию они могут описать как создание соответствующего мифа. Мифичность здесь присутствует в том, что пока не известен результат его соответствия реальности. По-настоящему новое стратегическое качество общества означает отказ от стратегии производства. Теоретически возможен такой отказ на уровне всего общества и возвращение в ситуацию первобытной общины. Но это фантастический вариант.

3. Пост-культурный миф о ливоли. Другой вариант состоит в использовании стагнации современной культуры, то есть этот вариант реализуем для ничтожно малой части общества. Один из таких вариантов описан в мифе о «ливоли» [18; 14]. Ливоли – сообщество небольших коммун, принимающих своей главной ценностью Творчество в сфере Искусства. Искусство — один из видов духовной деятельности человека, наряду с такими видами, как наука, религия, идеология. Особенность искусства в его наибольшей удаленности от материальной деятельности, в то время как, например, для науки основной целью является

именно материальное производство. Поэтому в случае снижения ценности материального потребления и материального производства, искусство остается основной интеллектуальной деятельностью человека. Искусство будет основным видом деятельности ливоли, составляя смысл жизни ливоли, которые будут отрицать экономическую заинтересованность в использовании своих произведений, а также тщеславие. При этих условиях изменится и сам предмет искусства. Смыслом искусства станет не отражение тех или иных сторон внешнего для ливоли материального и духовного миров, а в подлинной беспредметности [9; 11], в сотворении иного мира, частью которого и будут ливоли, при этом не будет иметь значение профессионализм. Главное в жизни ливоли – это стремление к Творчеству и переживание удовольствия от этого стремления. Искусство – сотворение Нового. Таким образом, ливоли станут не только субъектом искусства, но и его объектом. Ливоли – творцы иного мира, которым они сами будут являться. Полнота создаваемого мира определяется теми средствами, которыми пользуется творец. Например, если он использует только живопись, или только музыку, то созданный мир будет одномерным. Если же используется и живопись, и музыка, то мир будет уже двумерным. Если же к этому добавить еще и другие виды искусства, то его размерность увеличится. Поэтому ливоли будут предпочитать комплексное искусство, например, театр. Комплексность искусства в полной мере соответствует сотворческой стратегии ливоли, когда произведение искусства будет создаваться всей коммуной.

В отношении материального потребления ливоли будут придерживаться стратегии минимального потребления, а в отношении духовного потребления — стратегии максимального потребления. Необходимый материальный уровень будет определяться нормами здорового тела. Сами нормы определяются современными научными исследованиями, не связанными с производством нормируемых материальных товаров и услуг. Минимальный уровень определяется минимальными затратами человеческих сил и временем для обеспечения необходимого уровня. В современном мире примерно 95% сил и времени человек тратит на заботу о своей телесности, в то время как для обеспечения минимально-необходимого уровня достаточно примерно 10%, то есть для этого потребуется всего 10 часов работы в неделю. Но большую часть своих материальных потребностей ливоли могут удовлетворять через стратегию присваивания переизбытка товаров в современном обществе потребления. В известном смысле ливоли – это нео-первобытные общины. Поэтому ливоли не заинтересованы в качественном изменении современного общества также, как и первобытные общины не заинтересованы в изменении окружающей среды, которая обеспечивает все их материальные потребности. Минимальное потребление высвобождает примерно 85% времени, которое, вместе с оставшимися 5%, ливоли направляют на Творчество в сфере Искусства.

В силу отрицания основных материальных ценностей современного общества потребления, ливоли будут жить в коммунах. Коммуна станет основной сферой их общения. Поскольку главной деятельностью станет искусство, то основной темой общения станет реализация совместных творческих арт-проектов. Кроме этого в коммуне в зависимости от сплоченности между ее членами возможно совместное решение всех материальных проблем, например, обеспечение материальными компонентами для реализации арт-проекта, совместного питания, совместного проживания, а также, при необходимости,

совместные действия по зарабатыванию денег для вышперечисленного. Главным принципом отношений внутри коммуны будет гибкое подстраивание (гармонизация) интересов личности и интересов других членов коммуны. Минимальность материального потребления значительно снизит поле возможных конфликтов. Для того, чтобы снизить это поле и при реализации арт-проектов, ливоли будут реализовывать такие арт-проекты, которые допускают максимальный учет интересов членов коммуны. В случае же несовместимости таких интересов, возможна реализация одного и того же арт-проекта в различных вариантах.

Ливоли будут придерживаться стратегии минимального взаимодействия с обществом. Обычная сфера общения с обществом складывается из общения на работе, общения на улице, в транспорте, что в большей степени связано опять же с работой, общения в магазинах. Все это обязывает 10 часов в день взаимодействовать с обществом. При этом в редких случаях – это позитивное общение. Идейное единство коммуны обеспечит максимально комфортное психологическое общение. Совместное участие в материальном обеспечении коммуны позволит эффективно разобраться в качестве предлагаемых обществом товаров и услуг. Так, кто-то может быть специалистом в области качества продуктов питания, кто-то – специалистом в области компьютерных услуг, кто-то – в области организации выезда (билеты, проживание) в другие города, например, на отдых или посещения музеев и выставок.

Заключение

В современном обществе потребления создание культурных мифов обеспечивает устойчивое существование этого общества в состоянии стагнации. Это стало возможным в результате интенсивного использования результатов промышленной революции конца XIX – начала XX вв., а также за счет открытий в психологии в отношении управления сознанием. Реализация обоих факторов стало возможным в результате развития технологий средств массовой коммуникации. Сами культурные мифы могут быть разнообразными по своему содержанию. В качестве альтернативы современным культурным мифам приведен пост-культурный миф о ливоли.

Литература

1. Евлампиев И.И. Актуальные уроки русского либерализма. Статья первая: критика западной традиции // Вопросы философии, 2015, № 6, С. 90–99.
2. Евлампиев И.И. «Закат западного мира» и его метафизические и исторические причины // Вопросы философии, 2019, № 11, С. 45–55.
3. Евлампиев И.И. Триумф рационализма в западном мире и мифологизация либеральной идеологии // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С. 511–518.
4. Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства: В 2-х т. Издание второе, исправленное и дополненное / Под ред. Н.Б. Автономовой, Д.В. Сарабьянова, В.С. Турчина. М.: Гилея, 2008. Т. 1, 429 с., Т. 2, 448 с.
5. Кандинский В.В. Ступени. Текст художника // Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства: В 2-х т. Издание второе, исправленное и

дополненное / Под ред. Н.Б. Автономовой, Д.В. Сарабьянова, В.С. Турчина. Т. 1. 1901–1914. М.: Гилея, 2008. 429 с.

6. Карасик И.Н. Первая государственная свободная выставка произведений искусства // Энциклопедия русского авангарда. Авторы-составители: В.И. Ракитин, А.Д. Сарабьянов М.: ООО «ИПК Парето-Принт», 2014. Т. III. Кн. 2. 428 с.

7. Колычев П.М. Безумное чаепитие культуры: М.С. Уваров о перспективе культуры // Парадигма. Философско-культурологический альманах. Вып. 29. СПб., 2018. С. 52–61.

8. Колычев П.М. Внутреннее понимание мифа // Миф в истории, политике, культуре. Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции. Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019, С. 130–132.

9. Колычев П.М. Онтология и искусство. Возможность и перспективы беспредметного искусства // Научная сессия ГУАП: сб. докл.: в 3 ч. Ч. III. Гуманитарные науки. СПб.: ГУАП, 2019. 461 с. С. 106–111.

10. Колычев П.М. Онтология семантики в информационных технологиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2020. Том 24, № 2, Специальная тема номера: История русской философии. С. 262–275.

11. Колычев П.М. Релятивная онтология и беспредметное искусство // Современная онтология IX: Сознание и бессознательное: сб. докл. междунар. науч. конф. (24–28 июня 2019 г., СПб.) / ред. П.М. Колычев, К.В. Лосев. СПб.: ГУАП, 2019. 322 с. С. 225–247.

12. Колычев П.М. Релятивная онтология и влияние информационного общества на эстетику // Восьмая международная научно-практическая конференция: Философия и культура информационного общества: тезисы. СПб.: ГУАП, 2020. С. 81–83.

13. Крусанов А.В. Русский авангард. 1907–1932. Т. II. Кн. 1. М., 2003.

14. Ливоли. URL: <https://livolivoli.wixsite.com/livoli> (дата обращения: 10.03.2021). Текст. Изображение: электронные.

15. Малевич К. Собрание сочинений в 5 томах. М.: Гилея. 2004.

16. Сарабьянов Д.В., Турчин В.С. Предисловие к первому изданию «Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства в 2 томах» // Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства: В 2-х т. Издание второе, исправленное и дополненное / Под ред. Н.Б. Автономовой, Д.В. Сарабьянова, В.С. Турчина. Т. 1. 1901–1914. М.: Гилея, 2008. 429 с.

17. Asch, S.E. (1951). Effects of group pressure on the modification and distortion of judgments. In H. Guetzkow (Ed.), *Groups, leadership and men* (Pp. 177–190). Pittsburgh, PA: Carnegie Press.

18. Kolychev Petr M. Relative Ontology and the Ground of Future Morality // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, volume 329. Proceedings of the 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2019). 2019. Pp. 88–92.

19. Milgram, Stanley. Behavioral Study of Obedience // *Journal of Abnormal and Social Psychology* [en]. 1963. № 67.

20. *The New Art – The New Life: The Collected Writings of Piet Mondrian* / Harry Holtzman, Martin S. James, eds. Boston: G.K. Hall, 1986.

References

1. Evlampiev I.I. Aktual'nye uroki russkogo liberalizma. Stat'ia pervaiâ: kritika zapadnoï traditsii [Actual Lessons of Russian Liberalism. Article One: Criticism of the Western Tradition] // Voprosy filosofii, 2015, № 6, S. 90–99. (In Russian).
2. Evlampiev I.I. «Zakat zapadnogo mira» i ego metafizicheskie i istoricheskie prichiny ["The Decline of the Western World" and Its Metaphysical and Historical Causes] // Voprosy filosofii, 2019, № 11, S. 45–55. (In Russian).
3. Evlampiev I.I. Triumf ratsionalizma v zapadnom mire i mifologizatsiia liberal'noi ideologii [The Triumph of Rationalism in the Western World and the Mythologization of Liberal Ideology] // Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in history, politics, culture] [Elektronnyï resurs]: Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoï nauchnoï mezhdistsiplinarnoi konferentsii (iiun' 2020 goda, g. Sevastopol') / Pod redaktsei A.V. Stavitskogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2020. S. 511–518. (In Russian).
4. Kandinskii V.V. Izbrannye trudy po teorii iskusstva [Selected Writings on Art Theory]: V 2-kh t. Izdanie vtoree, ispravlennoe i dopolnennoe / Pod red. N.B. Avtonomovoï, D.V. Sarab'ianova, V.S. Turchina. M.: Gileia, 2008. T. 1, 429 s., T. 2, 448 s. (In Russian).
5. Kandinskii V.V. Stupeni. Tekst khudozhnika [Steps. Artist's text] // Kandinskii V.V. Izbrannye trudy po teorii iskusstva [Selected Writings on Art Theory]: V 2-kh t. Izdanie vtoree, ispravlennoe i dopolnennoe / Pod red. N.B. Avtonomovoï, D.V. Sarab'ianova, V.S. Turchina. T. 1. 1901–1914. M.: Gileia, 2008. 429 s. (In Russian).
6. Karasik I.N. Pervaiâ gosudarstvennaiâ svobodnaiâ vystavka proizvedenii iskusstva [The First State Free Exhibition of Works of Art] // Entsiklopediia russkogo avangarda [Encyclopedia of Russian avant-garde]. Avtory-sostaviteli: V.I. Rakitin, A.D. Sarab'ianov M.: OOO «IPK Pareto-Print», 2014. T. III. Kn. 2. 428 s.
7. Kolychev P.M. Bezumnoe chaepitie kul'tury: M.S. Uvarov o perspektive kul'tury [Culture's Crazy Tea Party: M.S. Uvarov on the Perspective of Culture] // Paradigma. Filosofsko-kul'turologicheskii al'manakh. [Paradigm. Philosophical and cultural almanac.] Vyp. 29. SPb., 2018. S. 52–61. (In Russian).
8. Kolychev P.M. Vnutrennee ponimanie mifa [Internal Understanding of the Myth] // Mif v istorii, politike, kul'ture. [Myth in History, Politics, Culture.] Sbornik materialov II Mezhdunarodnoï nauchnoï mezhdistsiplinarnoi konferentsii. Pod redaktsei O.A. Gabrieliâna, A.V. Stavitskogo, V.V. Khapaeva, S.V. Iurchenko. Sevastopol': Filial Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova v g. Sevastopole, 2019, S. 130–132. (In Russian).
9. Kolychev P.M. Ontologiiâ i iskusstvo. Vozmozhnost' i perspektivy bespredmetnogo iskusstva [Ontology and Art. Possibility and Prospects of Non-objective Art] // Nauchnaiâ sessiâ GUAP [SUAI scientific session]: sb. dokl.: v 3 ch. Ch. III. Gumanitarnye nauki. SPb.: GUAP, 2019. 461 s. S. 106–111. (In Russian).
10. Kolychev P.M. Ontologiiâ semantiki v informatsonnykh tekhnologiiakh [Ontology of Semantics in Information Technologies] // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia]. Seriiâ: Filosofiiâ. 2020. Tom 24, № 2, Spetsial'naiâ tema nomera: Istoriia russkoï filosofii. C. 262–275. (In Russian).
11. Kolychev P.M. Reliativnaiâ ontologiiâ i bespredmetnoe iskusstvo [Relative Ontology and Non-objective Art] // Sovremennaiâ ontologiiâ IX: Soznanie i

bessoznatel'noe [Modern ontology IX: Consciousness and the unconscious]: sb. dokl. mezhdunar. nauch. konf. (24–28 iūniā 2019 g., SPb.) / red. P.M. Kolychev, K.V. Losev. SPb.: GUAP, 2019. 322 s. S. 225–247. (In Russian).

12. Kolychev P.M. Reliātivnaia ontologiā i vliānie informatiionnogo obshchestva na ēstetiku [Relative Ontology and the Influence of the Information Society on Aesthetics] // Vos'maia mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiā: Filosofii i kul'tura informatiionnogo obshchestva [Eighth International Scientific and Practical Conference: Philosophy and Culture of the Information Society]: tezisy. SPb.: GUAP, 2020. S. 81–83.

13. Krusanov A.V. Russkii avangard [Russian Avant-garde]. 1907–1932. T. II. Kn. 1. M., 2003. (In Russian).

14. Livoli. URL: <https://livolivoli.wixsite.com/livoli> (data obrashcheniā: 10.03.2021). Tekst. Izobrazhenie: ēlektronnye. (In Russian).

15. Malevich K. Sobranie sochinenii v 5 tomakh [Collected Works in 5 Volumes]. M.: Gileiā. 2004. (In Russian).

16. Sarab'iānov D.V., Turchin B.C. Predislovie k pervomu izdaniū «Kandinskii V.V. Izbrannye trudy po teorii iskusstva v 2 tomakh» [Preface to the First Edition of "Kandinsky V.V. Selected Works on the Theory of Art in 2 Volumes"] // Kandinskii V.V. Izbrannye trudy po teorii iskusstva [Selected Works on the Theory of Art]: V 2-kh t. Izdanie vtroe, ispravlennoe i dopolnennoe / Pod red. N.B. Avtonomovoi, D.V. Sarab'iānova, V.S. Turchina. T. 1. 1901–1914. M.: Gileiā, 2008. 429 s. (In Russian).

17. Asch, S.E. (1951). Effects of group pressure on the modification and distortion of judgments. In H. Guetzkow (Ed.), Groups, leadership and men (Pp. 177–190). Pittsburgh, PA: Carnegie Press.

18. Kolychev Petr M. Relative Ontology and the Ground of Future Morality // Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 329. Proceedings of the 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2019). 2019. pp. 88–92.

19. Milgram, Stanley. Behavioral Study of Obedience // Journal of Abnormal and Social Psychology [en]. 1963. № 67.

20. The New Art – The New Life: The Collected Writings of Piet Mondrian / Harry Holtzman, Martin S. James, eds. Boston: G.K. Hall, 1986.

Сведения об авторе:

Колычев Петр Михайлович

профессор гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор философских наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: piter55spb@gmail.com

Bionotes:

Kolychev Petr Michaylovich

Professor, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint-Petersburg, Doctor of philosophical science, Assistant Professor (Saint-Petersburg, Russia).

Для цитирования:

Колычев П.М. Мифотворчество как главная стратегия стагнации современного общества потребления // Мифологос. Серия «Миф и общество: история, политика, социология», № 4, 2022. С. 147–157.

For citation:

Kolychev P.M. Creation of Myths as the Main Strategy of Stagnation in the Modern Consumer Society // Mythologos. Myth and Society: History, Politics, Sociology Series, no. 4, 2022. С. 147–157.

УДК 81

DOI: 10.35103/SMSU.2022.26.90.059

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАКОВЫЕ СИТУАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ МИФА В ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЯХ

Кузина Ольга Андреевна

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г.
Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Ситько Юрий Леонидович

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г.
Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

Статья посвящена изучению символических знаковых ситуаций, представленных вербальными средствами в текстах СМИ на тему цветных революций. Исследование нацелено на выявление семиотических оснований употребления выразительных средств языка для создания мифического образа цветных революций в медиатекстах Великобритании и США. Посредством лингвистического анализа практического материала с применением методов контекстологического и семантического анализа было выявлено, что события цветных революций в текстах СМИ представляются как массовый всенародный протест, что в рамках западной демократической системы ценностей в сознании англоязычной аудитории ассоциируется с законными действиями народа, борющегося за свои права, и следовательно оценивается положительно. Полученные результаты могут способствовать более глубокому пониманию механизмов манипуляции общественным сознанием.

Ключевые слова: цветная революция; знак-символ; знак-индекс; медиатекст; образ; метафора; метонимия; семиотика

SYMBOLIC SIGN SITUATIONS IN FORMING MYTHS ABOUT COLOR REVOLUTIONS

Kuzina Olga .Andreevna

Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol (Sevastopol, Russia)

Sitko Yuriy Leonidovich

Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol (Sevastopol, Russia)

Abstract

The article is devoted to the investigation of symbolic sign situations represented by verbal means in media texts on the topic of colour revolutions. The study is aimed at uncovering semiotic basis of using verbal means to create a mythical image of colour revolutions in the media of Great Britain and the USA. With the help of linguistic analysis of practical material applying the methods of contextological and semantic analysis it has been found out that the events of colour revolutions in media texts are presented as a mass whole-nation protest. This representation in the frame of western democratic system of values is associated in the consciousness of the English-speaking community with legal actions of people fighting for their rights and is consequently positively assessed. The obtained results may contribute to deeper understanding of mechanisms of mass consciousness manipulation.

Key words: colour revolution; sign-symbol; sign-index; media text; image; metaphor; metonymy; semiotics

Введение

В начале XXI в. целый ряд стран мира прошел через процесс смены политического режима посредством так называемой «цветной революции». Западные страны, в частности США и Великобритания, активно поддерживали идеи и участников цветных революций, приветствуя происходящую, по их мнению, демократизацию развивающихся государств и их стремление к западным ценностям. Западная пресса широко освещала революционные события, стремясь сформировать у своей аудитории положительный образ протестующих и отрицательный образ действующей власти, чтобы таким образом склонить население своей страны к одобрительной оценке происходящего. Функция воздействия в СМИ реализуется главным образом вербальными средствами. В связи с этим видится актуальным изучение того, как с помощью систематизированного и целенаправленного использования языковых средств и структур оказывается политическое и идеологическое воздействие на массовое сознание и формируется определенное, во многом мифологизированное, видение реальности, способствующее поддержке курса действующей власти и решению геополитических задач.

Целью исследования является выявление вербальных семиотических оснований использования тропов при формировании вербальными средствами мифического представления об общественно-политических процессах в связи с освещением в англоязычной прессе «цветных революций».

Полученные результаты могут способствовать более глубокому пониманию механизмов манипуляции общественным сознанием.

Методы

При работе над практическим материалом использовались описательный метод (наблюдение, обобщение и интерпретация языковых фактов), метод контекстологического анализа, семантический анализ в дефинитивном варианте, лингвокультурный комментарий. Применение данных методов позволило выявить связь между языковым значением и внеязыковым смыслом текста, определить ценностное отношение автора к объекту высказывания, выделить образный и экспрессивный потенциал используемых языковых средств и их идеологически-оценочную нагрузку в контексте конкретного новостного текста СМИ.

Литературный обзор

Тема «цветных революций» достаточно популярна как среди отечественных ученых конца XX – начала XXI вв. (А.Д. Арямова [2], В.А. Барсамов [4], С.Э. Билюга [6], К.С. Бобринёв [7], А.Э. Гапич и Д.А. Лушников [8], Б.А. Исаев [10], К.П. Курылев [11], А.О. Наумов [13], О.Г. Новиков [14], В.И. Сальников [16], Д.М. Юсупова–Фарзалиева [18]), так и среди зарубежных исследователей (В. Банс [3], М. Линкольн [34], М. Макфол [12], Г. Хейл [17], Дж. Шарп [41]). Существующие работы описывают характерные черты цветных революций, их предпосылки, этапы, последствия, анализируют сходства и различия революций в разных странах, их геополитический эффект и т.д., т.е. дают всесторонний анализ феномена «цветных революций» с точки зрения политологии. Однако остается без внимания вопрос о том, какое представление о «цветной революции» в той иной стране выстраивается в медиапространстве ведущих геополитических игроков –

США и странах Европы, России, Китая. А ведь крупные медиа, выступая проводником политики власти, формируют определенное восприятие происходящих событий у жителей своего государства, таким образом склоняя общественное мнение в сторону положительной или отрицательной оценки революции в другом государстве. По тому, какой образ революции создается в СМИ, можно косвенно судить о геополитических интересах государства. Данное исследование стремится показать, как выстраивались образы протестующих в нескольких «цветных революциях» в медиаматериалах Великобритании и США, чтобы продемонстрировать, что данные страны оправдывали действия протестующих, а, следовательно, были заинтересованы в смене политических режимов.

Материалом исследования послужили 83 статьи с официальных сайтов ведущих британских и американских ежедневных газет («The Times», «The Daily Telegraph», «The Guardian», «The Washington Post», «The New York Times»), считающихся достоверными источниками информации о ключевых событиях в разных странах мира, так называемая «качественная пресса». Исследовались медиаматериалы, посвященные революциям на Украине (2013-14 гг.), в Египте (2011 г.), Киргизии (2010 г.), Тунисе (2010-2011 гг.), Армении (2018 г.).

Результаты и обсуждение

Термин «цветная революция» не имеет единого общепризнанного определения. Устоявшегося определения нет преимущественно потому, что «цветные революции» образуют типологическое множество общественно-политических массовых манифестаций, направленных на смену существующей власти, происходящих при этом в различных странах и потому в различных социальных, экономических и политических условиях. Поэтому нет возможности говорить об их конституирующих чертах, как составляющих определения понятия, но приходится останавливаться на типологических признаках, формирующих «родовое сходство» таких событий и предельные формы, к которым тяготеют их организаторы и стремятся их участники.

Собственно, предельные формы «ненасильственных» форм протеста перечислены в списке Джина Шарпа, опубликованном в русском переводе профессором А.А.Гусейновым [9]. Этот список содержит шесть классов общественных действий, направленных на разрушение в обществе представления о праве общественных институций на осуществление власти, иными словами, эти действия направлены на формирование у вовлекаемых субъектов привычки отрицать те или иные признаки властных институций.

Поскольку признаки как таковые не могут быть отрицательными, а сама «цветная революция» есть событие отрицания общественных институтов, закономерен вопрос о том, как сочетать идею отрицания общественного института (в данном случае власти), с организацией такого действия, следовательно, с положительными признаками действия, которые могут воспринять вовлеченные в «цветную революцию» субъекты.

Среди прочих методов ненасильственного сопротивления мы обратили внимание на использование *‘м а с с о в о с т и’* как **признака, создающего образ в представлении** (и наивное понятие в памяти) о **«цветной революции»** у потребителей СМИ.

‘Массовость’ как признак контаминируется с признаками ‘всенародности’ и ‘законности’. Ниже будет показано, что признак ‘массовости’ регулярно

реализуется через поле лексических единиц в качестве конституирующего признака «цветных революций». Позволим себе в качестве допущения утверждать, что ‘массовость’ может реализовываться также и различными невербальными (например, изобразительными) средствами.

В семиотическом аспекте признак ‘массовости’ является индексом⁵⁶ «цветной революции». Это означает, что ‘массовость’ воспринимается адресатами как объективный, существующий в независимой от них реальности признак, присущий объекту описания или изображения. Таким образом, ‘массовость’ как индексальный признак события, реализуемый в текстах и изображениях вербальными и невербальными средствами, актуализирует в сознаниях адресатов представление об изображаемом как о «цветной революции», позволяет отождествить изображаемое с «цветной революцией».

‘Массовость’, часто обозначаемая в комментариях СМИ через признак ‘всенародность’, выступает как метонимия понятия ‘демократия’ и связана с представлением о ‘законности’. Такая метонимическая связь находит отражение в текстах СМИ.

Отождествление ‘массовости’ и ‘законности’ вступает в противоречие с идеей ‘законности’ того, что связано с понятием ‘официальной власти’, а это позволяет вызвать представление о ‘незаконности’ ‘официальной власти’.

Обратим внимание, что переход от ‘массовости’ к ‘(не)законности’ носит символический характер, поскольку *т р е б у е т* от *а д р е с а т о в* *у м о з а к л ю ч е н и й* (самостоятельных или согласия с чужими), что собственно и является основным признаком символа как элемента знаковой ситуации. Именно в силу опосредованной природы информации, связанной с рассуждениями и умозаключениями, отношение ‘массовости’ и ‘законности’ приобретает отнесенность к категории истинности/ложности, и начинает функционировать в сознании адресата как истинный или ложный, но *э л е м е н т* *е г о* *л и ч н о г о* *м и р о в о з з р е н и я*.

Ниже мы приводим анализ языкового материала, демонстрирующий изложенную концепцию.

Анализ языкового материала. В статьях британской и американской прессы на тему революций на Украине (2013-14 гг), в Египте (2011), Киргизии (2010), Тунисе (2010-2011), Армении (2018) прослеживается одна и та же модель представления происходящего: Революция – это массовый всенародный протест. Реализуется данная модель различными лексическими, синтаксическими и стилистическими средствами. Приведем примеры, в которых революция изображена как всенародный протест. Примеры сгруппированы по лингвистическим средствам, на основании которых создается образ всенародного протеста⁵⁷:

А. Перечисление с антитезой

⁵⁶ В настоящей работе семиотические термины ‘икона’, ‘индекс’ и ‘символ’ употребляются в значениях, восходящих к работам Ч.С.Пирса, и делятся по отношению означаемого к означаемому во времени. По отношению к означаемому **икона** – есть знак, одновременный своему воображаемому означаемому; **индекс** – знак, следующий во времени за своим действительному означаемым; а **символ** – есть воображаемый знак неизменно и постоянно (как одновременно, так и последовательно) соотносимый во времени со своим означаемым.

⁵⁷ В круглых скобках после каждого примера указано название страны, о событиях в которой идет речь в статье.

1. The **crowd** included the **young and old**, parents carrying small children on their shoulders and students who occasionally chanted the names of their schools as they marched. (Ukraine) [44]

2. But thousands of protesters, **young and old, men and women, Christian and Muslim**, all sectors of Egyptian society, eventually found their way to Tahrir Square. (Egypt) [24]

3. These revolutionaries – ordinary Egyptians, **old and young, middle-class and poor, Islamists and secularists**, who could never have imagined publicly criticising the government just a few weeks ago – marvelled at the enormity of what they had achieved. (Egypt) [43]

В примерах 1-3 использовано устойчивое словосочетание *young and old*, которое Merriam Webster Dictionary определяет как ‘people of all ages; everyone’ [35]. Во втором и третьем примерах помимо данной антитезы, акцентирующей разные возрастные группы, в параллельные конструкции с перечислением выстроены и другие антитезы, подчеркивающие разный достаток людей (*middle-class and poor*), вероисповедание (*Islamist and secularists; Christian and Muslim*), пол (*men and women*). Так авторам статей удается создать впечатление, что противоположные по своим интересам группы, которые обычно с трудом находят что-то общее, объединились ради общей цели. В единое целое абсолютно разные группы объединяются также при помощи собирательной лексемы *crowd* (‘a large number of people gathered together in a public place’ [37]) и существительных во множественном числе *protesters* и *revolutionaries*, которые символически представляют людей, как одну группу, сложившуюся по каким-то признакам.

Б. обобщение

4. Kiev’s central square, the Maidan, was soon filled with thousands of protesters – originally students but quite soon **a large cross-section** of politically aware Ukrainians. (Ukraine) [19]

5. Last Tuesday, we, the generation of Mubarak (I am 26 years old), witnessed something that we have never seen in our entire life as thousands took to the streets not only in Cairo but in Alexandria, Suez, Mahalla, Mansoura, North Sinai, Asuit and even in Aswan, **people of all ages and from all classes**. (Egypt) [43]

6. They have expanded their ranks to include millions of **people from almost every sector of society**. (Egypt) [25]

В примерах 4-6, чтобы показать всенародность протестов, используются фразы с лексемами *class*, *section* и *sector* (‘a sociological, economic, or political subdivision of society’ [35]), с помощью которых авторы статей создают представление о том, что протесты объединили людей, принадлежащих к самым разным классам и группам. Так, в четвертом примере составное существительное *cross-section*, которое согласно «Oxford Advanced Learner’s Dictionary» обладает двумя значениями: 1) ‘what you see when you cut through the middle of smth so that you can see the different layers it is made of’; 2) ‘a group of people or things that are typical of a larger group’ [37], метафорически представляет протестующих как срез всего украинского общества. В пятом примере фраза *people of all ages and from all classes* посредством повторения местоимения-прилагательного *all* в параллельной конструкции создает впечатление у читателя, что люди всех возрастов и всех без исключения классов общества вышли на улицы в Египте. Данная фраза помещена в конец предложения и выделена как обособление для большего воздействия на читателя. В шестом примере также акцентировано внимание читателя на том, что

представители самых разных групп приняли участие в протестах (*people from almost every sector of society*), однако наречие степени *almost* делает предложение не таким категоричным.

В. фразеологическая единица

7. Three months ago, Ukrainians **from all walks of life** took to the streets to protest that President Yanukovich was turning his back on membership of the European Union. (Ukraine) [27]

8. The protests have drawn Egyptians **from all walks of life**, many of whom have never participated in demonstrations and feel they need to voice their opinion. (Egypt) [24]

Примеры 7-8 содержат абсолютно одинаковую конструкцию *Ukrainians/Egyptians from all walks of life*, в которой обобщающее местоимение-прилагательное *all* добавляет семантический компонент множественности значению фразеологической единицы *walks of life* (*'a range or sphere of activity, a person's job or position in society'* [36]), объединяя таким образом в рядах протестующих людей все профессий и сфер деятельности.

Г. атрибутивная конструкция с собирательным существительным

9. An **unlikely alliance** of youth activists, political Islamists, industrial workers and hardcore football fans have pledged to join a nationwide "day of revolution" on a national holiday to celebrate the achievements of the police force. (Egypt) [23]

10. Sargsyan's removal after more than a decade in power was the triumph of a **diverse resistance movement** of student activists, liberal politicians, ordinary workers, civil society leaders and even soldiers who deserted their barracks in the last hours before victory. (Armenia)

Примеры 9-10 имеют схожую синтаксическую структуру. Они содержат атрибутивную конструкцию, которая описывает людей как единую силу, но очень разнообразную по набору участников, и перечисление из номинативных словосочетаний, которые детализируют состав протестующих. В девятом предложении атрибутивная фраза состоит из прилагательного с отрицательной приставкой *unlikely* (*'not probable or not expected'* [21]) и существительного *alliance* (*'a group of countries, political parties, or people who have agreed to work together because of shared interests or aims'* [21]), представляя протестующих как союз, который никто не ожидал, как партнерство, казавшееся ранее невозможным. Люди разных сфер деятельности и с абсолютно разными интересами объединились ради общей цели.

В десятом примере атрибутивное словосочетание состоит из трех слов: прилагательного *diverse* (*'including many different types of people or things'* [21]) с ключевой семой разнообразия, существительного *resistance* (*'the act of fighting against something that is attacking you, or refusing to accept something'* [21]) с главным компонентом значения *'против, противодействие, оппозиция чему-либо'* и существительного *movement* (*'a group of people with a particular set of aims or ideas'* [21]), которое и объединяет разнообразных участников протеста в единую силу.

Таким образом, революции во все анализируемых странах представлены как мирные активные всенародные акции протеста, объединившие людей всех возрастов, классов, вероисповеданий, сфер деятельности ради достижения общей цели – смены власти для улучшения жизни в стране. Мифическое представление о революции как о всенародном протесте создается в текстах СМИ с помощью фразеологизмов, собирательных существительных и атрибутивных конструкций на

лексическом уровне, перечисления, параллельных конструкций и уточнения на синтаксическом уровне.

Помимо представления о выступлениях в разных странах как о всенародном митинге в СМИ Великобритании и США делается акцент на массовости демонстраций. Рассмотрим примеры, какими лингвистическими средствами создается образ массового протеста.

‘Революция’ как массовый протест

А. Собирательное существительное

11. "What's more important now is to stop the violence and the crazy rage of the **crowd** that spilled over on the streets and squares of Bishkek and other cities." (Kyrgyzstan) [33]

Для выстраивания образа демонстраций с большим количеством участников используется лексема *crowd* ('a large number of people gathered together in a public place' [OALD]), которая содержит сему множественности и создает образ многочисленного протеста. Данная лексема была также употреблена в примере 1.

Б. Округленное числительное

12. Kiev's central square, the Maidan, was soon filled with **thousands** of protesters (Ukraine) [19]

13. **Thousands** of Ukrainians have begun pouring into Kiev from across the country ... (Ukraine) [38]

14. **Thousands** of protesters have clashed with security forces throughout the country in the past two days, driving out local governments and seizing government headquarters in the capital, Bishkek. (Kyrgyzstan) [32]

15. **Tens of thousands** of opponents have marched through Yerevan in recent days, blocking streets in the city centre and staging sit-ins. (Armenia) [20]

16. **Hundreds of thousands** of anti-government protesters streamed into the central square of Ukraine's capital today. (Ukraine) [30]

17. The future of Europe's second-biggest country was hanging in the balance last night as **hundreds of thousands** of people flooded cities across Ukraine ... (Ukraine) [40]

18. **Hundreds of thousands** of people packed into Tahrir Square, the centre of the demonstrations, waving flags, holding up hastily written signs declaring victory, and embracing soldiers. (Egypt) [29]

19. This year, **millions** of Egyptians fought for 18 days against their ageing tyrant, braving the police troops firing teargas, rubber bullets and live ammunition (Egypt) [26]

В примерах 12-19 использованы округленные числительные во множественном числе в качестве подлежащего *thousands*, *tens of thousands*, *hundreds of thousands*, *millions*, что способствуют закреплению в сознании аудитории представления о народных выступлениях как об очень масштабном протесте. Обобщенные данные без каких-либо ссылок на источник могут быть примером манипуляции информацией с целью воздействия на читателя. В 18 примере сказуемым служит глагол *pack* ('to come or bring together in large numbers or to fill a space' [21]), а в 12 примере – глагол *fill* ('to make or become full' [21]), которые позволяют усилить впечатление о массовости протеста: людей было так много, что они заполнили всю площадь и едва могли поместиться. В 13, 14 и 17 примерах к обобщенным числительным добавляется еще обстоятельство с предлогом *across* ('in every part of a place, group of people, etc.' [37]) или *throughout* ('in every part' [21]), увеличивая масштаб протестов и переводя их из ранга

локальных (только в столице) во всенародный (по всей стране). В приведенном выше примере 5 масштаб протестов увеличивался путем перечисления крупных городов, где проходили народные выступления, при этом количество протестующих в каждом городе обозначено одним обобщенным числительным *thousands* в начале предложения. Так создается впечатление, что во всех перечисленных городах акции протеста были одинаково многолюдны.

В. Прилагательное с семой большого количества

20. Human rights campaigners and activists have accused Tunisian authorities of an indiscriminate crackdown “of inexplicable violence” as the country braces itself for a weekend of **massive protests**. (Tunisia) [46]

21. On Tuesday Pashinyan, a fiery political orator who has spent the past decade in street politics, was himself elected as prime minister in a 59-42 vote in parliament, capping weeks of **peaceful mass protests**. (Armenia) [28]

В 20 и 21 предложениях многочисленность и масштабность протеста обозначена атрибутивными фразами с идентичными прилагательными с семой большого количества, масштабности *massive (protests)* (‘very large in size, amount, or number’ [21]) и *mass (protests)* (‘very large in size, amount, or number’ [21]). В 21 примере использован еще атрибутив *peaceful* (‘without violence’ [21]), подчеркивающий мирный характер протестов. В обоих примерах фразы помещены в одинаковые синтаксически сильные позиции в конце предложения, чтобы больше воздействовать на реципиента информации.

Массовость протестов в англоязычных статьях вербализуется также посредством метафор, изображающих толпу демонстрантов как поток воды или море. Метафора является одним из самых сильных по своему воздействию потенциалу и активно используемых журналистами лингвистических средств. В текстах СМИ метафоры используются как средство косвенной оценки окружающего мира путем аналогий и ассоциаций. «Метафоры в газетной публицистике увеличивают информативную ценность сообщения с помощью ассоциаций, вызываемых переносным употреблением слова, и реализуют важнейшие функции медиадискурса – убеждения и эмоционального воздействия», – указывает Н.Д. Бессарабова [5, с. 23].

Масштабный народный протест

Рассмотрим метафоры, которые помогают выстроить образ масштабного народного протеста.

А. Метафора «Толпа людей – море»

22. Waving European Union flags, as well as the flags of Ukraine’s main opposition parties, a **sea of demonstrators** chanting “Ukraine is Europe!” marched from Shevchenko Park through Independence Square. (Ukraine) [45]

23. The demonstration, which created a vast **sea of yellow and blue Ukrainian and European Union flags** across the square, follows Mr Yanukovich’s unexpected decision not to sign a key trade accord with the EU at a summit last week. (Ukraine) [47].

24. Injured protesters and police were both hauled out of the **rolling mass of bodies**, a **sea of people** with orange, white and red helmets on one side and glinting black ones on the other. (Ukraine) [31].

25. That sclerosis undermined the state's legitimacy and made it unable to respond quickly and effectively to the **rising tide of protests**. (Egypt) [49]

В 22-25 примерах протестующие представлены как море. Метафора моря актуализирует категорию множественности. С ее помощью авторы статей

апеллируют к эмоциям читателей, создавая в сознании реципиента образ огромной, могущественной массы людей. В 23 примере семантический признак *large* переносного значения лексемы *sea* ('a large amount of smth that stretches over a wide area' [21]) усиливается с помощью эмоционально-оценочного компонента прилагательного *vast* ('extremely large in area, size, amount' [37]), что еще больше придает образность и масштабность протестам. В 24 предложении словосочетание *rolling mass* ('roll – to go forward in an easy, gentle, or undulating manne' [37]) уже создает образ массы людей, вздымающейся и движущейся как поверхность моря, а употребленная в уточнении метафорическая фраза *sea of people* способствует закреплению образа. В 25 примере увеличение числа протестующих обозначено атрибутивным словосочетанием *rising tide of protesters*. Природный феномен прилива ('*rising tide – the rise of the sea level that happens twice every day*' [21]) выражается в подъеме уровня моря. Переносное значение лексемы *tide* ('a noticeable change in a situation or increase in a particular type of behaviour' [21]; 'a large amount of something unpleasant that is increasing and is difficult to control' [37]; 'a large and increasing quantity or volume' [35]) содержит сему увеличения количества, при этом существительное ещё усилено причастием *rising* ('increasing in number or amount' [37]), также имеющим доминирующее семантическое значение увеличения численности. т.е. в данном случае при помощи метафорического словосочетания *rising tide* показано стремительное увеличение количества протестующих, которое было невозможно остановить.

Б. Метафора «Толпа людей – это поток»

26. Protest organisers were discussing how to ratchet up the pressure with civil disobedience and mass strikes while hundreds of thousands of **people poured into the square**. (Egypt) [43]

27. Over the past few days, **demonstrators have surged through the streets** of the Ukrainian capital. (Ukraine) [50]

28. **Protesters surged forwards again and again** in the face of attacks, at one point causing hundreds of police to flee leaving riot shields, helmets and barricades in their wake, which were soon commandeered by demonstrators. (Egypt) [22]

29. What's more important now is to stop the violence and the crazy rage of the **crowd that spilled over on the streets** and squares of Bishkek and other cities. (Kyrgyzstan) [33]

30. When some of the young men among the hundreds of thousands packed in to Tahrir Square grew belligerent at the army's attempts to prevent the **protest spilling beyond the barricades**, others calmed them with pleas that non-violence was their most powerful weapon. (Egypt) [43]

31. **Anger spills on to streets** after Nikol Pashinyan fails to win backing of ruling party (Armenia) [39]

32. Sargsyan, the country's prime minister and former president for a decade, resigned suddenly on Monday in a stunning concession to the country's opposition, which had **filled** the former Soviet republic's main square with tens of thousands of demonstrators demanding his exit. Facing a renewed **wave of thousands of demonstrators**, including deserting soldiers, Sargsyan issued a stark mea culpa on Monday. "I was wrong," he said in a statement on his government's website. And he resigned. **Residents of the capital, Yerevan, poured out on the streets** to celebrate. " (Armenia) [42]

В примерах 26-32 использованы глаголы, описывающие движение воды: *stream* ('to run or flow in a continuous current in a specified direction' [37]) (можно увидеть в примере 16), *pour* ('to move with a continuous flow' [37]), *flood* ('to fill or be filled to overflowing' [37]) (можно найти в примере 17), *surge* ('to move like a heavy sea' [37]), *spill* ('(especially of liquid) to flow over the edge of a container by accident' [37]). Однако они использованы для описания толпы людей: народ нескончаемым потоком стекается в какое-то определенное место и переполняет его. Метафорический перенос осуществляется на основе семантических признаков, доминирующих в лексемах, – сем движения и большого количества. Следовательно, выстраивается метафора «Толпа людей – это поток». Подобный образ потока должен создать у читателя впечатление огромного количества протестующего народа.

В 31 примере метафора объединена с метонимией. Вместо людей в качестве подлежащего использовано абстрактное существительное *anger*, отражающее настрой протестующих. В итоге вся фраза показывает, насколько были разозлены демонстранты.

Пример 32 содержит несколько последовательных предложений, построенных с использованием метафоры «Толпа людей – это поток»: сотни тысяч людей заполняют главную площадь, но затем прибывает новая волна протестующих, увеличивая количество и силы демонстрантов, а после ухода премьера в отставку жители столицы массово выходят на улицу и празднуют это событие. Такая развернутая метафора создает очень яркую картину массовости демонстраций и активного участия населения.

Таким образом, западному читателю представляется мифический образ огромного по своим масштабам протеста: как будто вся страна в едином порыве вышла на улицы и площади ради светлого будущего. Представление о революции как о массовом масштабном протесте выстраивается с помощью округленных числительных, собирательных существительных и атрибутивных групп на лексическом уровне, и таких стилистических средств как метафора и метонимия.

Заключение. Как видим, миф как образ, основанный на вербальной информации [15, с. 303], активно формируется семиотическими средствами с использованием стандартных тропов (метафор и метонимий), что, надеемся, продемонстрировано приведенным анализом англоязычных газет. С точки зрения логики, такое формирование базируется на ложном отождествлении означаемого и означающего при переносном употреблении языковых средств, то есть на механизме тропов, описанном еще Аристотелем как присвоении объекту такого имени, которое изначально принадлежит другому объекту [1]. Однако ложь, как показывает практика, в организации «цветных революций» может эффективно использоваться, становясь прагматически, скорее даже утилитарно, понятой истиной.

Литература

1. Аристотель: в 4 т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. 613 с.
2. Арямова А.Д. Роль технологий цветных революций в трансформации современных политических режимов: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2016. 34 с.

3. Банс В. «Цветные революции» через выборы: почему они произошли и кто следующий? // Институт общественного проектирования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inop.ru/reading/Bunce/> (дата обращения 12.11.2020).
4. Барсамов В.А. «Цветные революции»: теоретический и прикладной аспекты // Социс. 2006. № 8. С. 57–66.
5. Бессарабова Н.Д. Метафора и образность газетно-публицистической речи // Поэтика публицистики. 1990. С. 21–34.
6. Билюга С.Э. Цветные революции: понятие, особенности, условия и факторы // Информационные войны. 2017. № 4 (44). С. 25–30.
7. Бобринёв К.С. «Цветная революция», как инструмент внешней политики США // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 2 (19). С. 56–65.
8. Гапич А.Э., Лушников Д. А. Технологии «цветных революций». М.: РИОР, 2014. 662 с.
9. Гусейнов А.А. 198 методов ненасильственных действий // Философские науки. 1991. № 12. С. 33–40.
10. Исаев Б.А. Причины цветных революций // Конфликтология. 2014. № 5. С. 412–415.
11. Курылев К.П. Украинский кризис 2013–2014 гг. и «арабская весна» 2011 г.: сходство и различие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 25–38.
12. Макфол М. Я знаю, что такое цветная революция. Я знаю, кто это делает // Информационно – аналитическая служба «Русская народная линия». 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/06/14/majkl_makfol_ya_znayu_chno_takoe_cvetnaya_revolyuciya_ya_znayu_kto_eto_delaet/ (дата обращения 28.10.2020).
13. Наумов А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. 219 с.
14. Новиков О.Г., Рыжикова Д. А., Высоцкий Р. Н. Объективные и субъективные предпосылки возникновения цветных революций в XXI веке // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8. № 1 (31). С. 41–56.
15. Потebня А.А. Теоретическая поэтика. М. ; СПб : АCADEMIA, 2003. 373 с.
16. Сальников В.И. Революционные процессы в политической жизни: динамика развития, проблемы управления: монография. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. 221 с.
17. Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия // Полит ру. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/05/26/hale/> (дата обращения 22.11.2020).
18. Юсупова–Фарзалиева Д.М. Информационно-коммуникативные технологии как основа «цветных революций» в современных политиях : дисс. ... канд. полит. наук . Пятигорск, 2012. 146 с.
19. After Yanukovich // The Times. 24.02.2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article /after-yanukovich-qq5nml6mwrc> (дата обращения 20.12.2018)
20. Armenian opposition leader detained amid political unrest // The Guardian 22.04.2018. [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.theguardian.com/world/2018/apr/22/armenia-unrest-opposition-leader-nikol-pashinyan-detained> (дата обращения 14.02.2021).

21. Cambridge Advanced Learner's Dictionary and Thesaurus. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org>

22. Cairo protesters in violent clashes with police // The Guardian. 26.01.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/jan/25/egypt-protests-mubarak> (дата обращения 14.02.2021).

23. Egypt braced for 'day of revolution' protests // The Guardian 24.01.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/jan/24/egypt-day-revolution-protests> (дата обращения 20.12.2018)

24. Egypt protests: 'Something has changed in the Egyptian psyche' // The Guardian. 28.02.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/jan/28/egypt-protests-frontline-reports-cairo> (дата обращения 14.02.2021).

25. Egypt's popular revolution will change the world // The Guardian. 09.02.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/feb/09/egypt-north-africa-revolution> (дата обращения 14.02.2021).

26. Egypt's revolution has been 10 years in the making // The Guardian. 02.03.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/mar/02/egypt-revolution-mubarak-wall-of-fear> (дата обращения 14.02.2021).

27. Eighteen dead as snipers open fire on Kiev protesters // The Times. 19.02.2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/eighteen-dead-as-snipers-open-fire-on-kiev-protesters-rw6fnks0hs6> (дата обращения 20.12.2018)

28. 'He's not a populist, he's popular': Nikol Pashinyan becomes Armenian PM // The Guardian. 08.05.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/may/08/hes-not-a-populist-hes-popular-nikol-pashinyan-becomes-armenian-pm> (дата обращения 14.02.2021).

29. Hosni Mubarak resigns – and Egypt celebrates a new dawn // The Guardian. 11.02.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/feb/11/hosni-mubarak-resigns-egypt-cairo> (дата обращения 23.12.2018).

30. Huge crowds in central Kiev as EU talks falter // The Times. 15.12.2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/huge-crowds-in-central-kiev-as-eu-talksfalter-2x8dln86lg3> (дата обращения 11.05.2018).

31. Kiev protesters defiant after riot police fail to clear square // The Times. 11.12.2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/kiev-protesters-defiant-afterriot-police-fail-to-clear-square-27dd3shrm7w> (дата обращения 11.05.2018).

32. Kyrgyzstan opposition leader demands president's resignation // The Guardian 08.04.2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/apr/08/kyrgyzstan-opposition-demands-bakiyev-resignation> (дата обращения 14.02.2021).

33. Kyrgyzstan opposition seizes power after day of protests // The Guardian. 08.04.2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/apr/08/kyrgyzstan-opposition-seizes-power> (дата обращения 14.02.2021).

34. Linkoln M. The color revolutions. University of Pennsylvania Press, 2016. 247 p.
35. Merriam-Webster Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com>
36. Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com>
37. Oxford Advanced Learner's Dictionary online. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>
38. Protesters and troops converge on Kiev to hold rival mass rallies // The Times. 13.12.2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/protesters-and-troopsconverge-on-kiev-to-hold-rival-mass-rallies-t2nfnqbr9rq> (дата обращения 11.05.2018).
39. Protests grip Armenian capital after opposition leader's PM bid blocked // The Guardian. 02.05.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/may/01/armenian-opposition-leader-nikol-pashinyan-falls-short-in-pm-bid> (дата обращения 14.02.2021).
40. Revolutionary zeal returns to streets of Ukraine // The Times. 02.12.2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/revolutionary-zeal-returns-to-streets-ofukraine-grzt9sxxk13x> (дата обращения 23.12.2018).
41. Sharp G., Bernal J.G. How Nonviolent Struggle Works. East Boston, 2013. 472 p.
42. Shock as Armenia's prime minister steps down after 11 days of protests // The Guardian. 23.04.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/23/serzh-sargsyan-resigns-as-armenias-prime-minister-after-protests> (дата обращения 14.02.2021).
43. The revolution that has given Egypt new hope, pride and confidence // The Guardian. 13.02.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/feb/13/tahrir-square-egypt-hosni-mubarak> (дата обращения 14.02.2021).
44. Thousands Demand Resignation of Ukraine Leader // The New York Times. 01.12.2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2013/12/02/world/europe/thousandsof-protesters-in-ukraine-demand-leaders-resignation.html> (дата обращения 11.05.2018).
45. Thousands Protest Ukraine's Rejection of Trade Pacts// The New York Times. 24.11.2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2013/11/25/world/europe/thousandsof-ukrainians-protest-scrapping-of-trade-act-with-eu.html> (дата обращения 11.05.2018).
46. Tunisia protests: authorities accused of indiscriminate crackdown // The Guardian. 11.01.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jan/11/tunisia-hundreds-arrested-violent-protests-army-deployed-cities> (дата обращения 14.02.2021).
47. Ukraine sees biggest anti-government protests since Orange Revolution // The Daily Telegraph. 01.12.2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/10487001/Ukraine-sees-biggest-anti-governmentprotests-since-Orange-Revolution.html> (дата обращения 11.05.2018).
48. 'We took down a powerful man': Armenians mark victory and genocide // The Guardian 24.01.2018. [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.theguardian.com/world/2018/apr/24/we-took-down-a-powerful-man-armenians-mark-victory-serzh-sargsyan> (дата обращения 14.02.2021).

49. What caused the revolution in Egypt? // The Guardian. 17.02.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/poverty-matters/2011/feb/17/what-caused-egyptian-revolution> (дата обращения 14.02.2021).

50. With Russia in mind, U.S. takes cautious approach on Ukraine unrest // The Washington Post. 03.12.2013. [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/with-russia-in-mind-us-stays-mostly-mum-on-ukraine-unrest/2013/12/03/52039ff0-5c38-11e3-8d24-31c016b976b2_story.html (дата обращения 11.05.2018).

References

1. Aristotel': v 4 t. [Aristotel] M.: Mysl', 1981. T. 3. 613 p.
2. Aryamova A.D. Rol' tekhnologij cvetnyh revolyucij v transformacii sovremennyh politicheskikh rezhimov: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. [The Role of Color Revolution Technique in Transforming Current Political Regimes: Extended Abstract of PhD Thesis]. M., 2016. 34 p. (In Russian).
3. Bans V. «Cvetnye revolyucii» cherez vybory: pochemu oni proizoshli i kto sleduyushchij? [“Color Revolutions” Through Elections: why did they Happen and Who Will be the Next?] // Institut obshchestvennogo proektirovaniya. [Elektronnyj resurs] [Institute of social projection [Eldctronic resourse]. URL: <http://www.inop.ru/reading/Bunce/> (date of access: 12.11.2020). (In Russian).
4. Barsamov V.A. «Cvetnye revolyucii»: teoreticheskij i prikladnoj aspekty [“Color Revolutions”: Theoretical and Practical Aspects] // Socis. 2006. № 8. Pp. 57–66.
5. Bessarabova N.D. Metafora i obraznost' gazetno-publicisticheskoy rechi [Metaphor and Imagery of Newspaper and Publicistic Speech] // Poetika publicistiki. [Poetics of publicistics] 1990. Pp. 21–34. (In Russian).
6. Bilyuga S.E. Cvetnye revolyucii: ponyatie, osobennosti, usloviya i faktory [Color Revolutions: Notion, Peculiarities, Conditions and Factors] // Informacionnye vojny. [Information wars] 2017. № 4 (44). Pp. 25–30. (In Russian).
7. Bobrinyov K.S. «Cvetnaya revolyuciya», kak instrument vneshnej politiki SSHA [“Color Revolution” as an Instrument of the USA Politics] // Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki. [Current Scientific Research] 2018. № 2 (19). Pp. 56–65. (In Russian).
8. Gapich A.E., Lushnikov D. A. Tekhnologii «cvetnyh revolyucij». [Technologies of “Color Revolutions”] M.: RIOR, 2014. 662 p. (In Russian).
9. Gusejnov A.A. 198 metodov nenasil'stvennyh dejstvij [198 Methods of Non-violent Actions] // Filosofskie nauki. [Philosophical Sciences] 1991. № 12. Pp. 33–40.
10. Isaev B.A. Prichiny cvetnyh revolyucij [Reasons of Color Revolutions] // Konfliktologiya. [Conflictology] 2014. № 5. Pp. 412–415. (In Russian).
11. Kurylev K.P. Ukrainskij krizis 2013–2014 y. i «arabskaya vesna» 2011 y.: skhodstvo i razlichie [Ukrainian Crisis of 2013–2014 and “Arab Spring” of 2011: Similarities and Differences] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. [News Bulletin of the Russian University of People’s Friendship. Foreign Affairs] 2014. № 4. Pp. 25–38. (In Russian).

12. Makfol M. YA znayu, chto takoe cvetnaya revolyuciya. YA znayu, kto eto delaet [I Know What is Color Revolution. I Know Who Does it] // Informacionno-analiticheskaya sluzhba «Russkaya narodnaya liniya». 2016. [Elektronnyj resurs]. [Information and Analytical Service “Russian Popular Line” [Electronic resource] URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/06/14/majkl_makfol_ya_znayu_chno_takoe_cvetnaya_revolyuciya_ya_znayu_kto_eto_delaet/ (date of access: 28.10.2020). (In Russian).

13. Naumov A.O. «Myagkaya sila», «cvetnye revolyucii» i tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov v nachale HKHI veka. [“Soft Power”, “Color Revolutions” and Technologies of Changing Political Regimes at the Beginning of the 21st Century] M.: ARGAMAK-MEDIA, 2016. 219 p. (In Russian).

14. Novikov O.G., Ryzhikova D. A., Vysockij R. N. Ob"ektivnye i sub"ektivnye predposylki vozniknoveniya cvetnyh revolyucij v XXI veke [Objective and Subjective Causes of Color Revolutions in the 21st Century] // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. [Humanitarian sciences. News bulletin of financial university] 2018. T. 8. № 1 (31). Pp. 41–56. (In Russian).

15. Potebnya A.A. Teoreticheskaya poetika. [Theoretical Poetics]. M.; SPb.: ACADEMIA, 2003. 373 p. (In Russian).

16. Sal'nikov V.I. Revolyucionnye processy v politicheskoy zhizni: dinamika razvitiya, problemy upravleniya: monografiya. [Revolutionary Processes in Political Life: Dynamics of Development, Problems of Management]. Voronezh: IPC «Nauchnaya kniga», 2011. 221 p. (In Russian).

17. Hejl G. Prezidentskij rezhim, revolyuciya i demokratiya [Presidential Regime, Revolution and Democracy] // Polit ru. 2016. [Elektronnyj resurs] [Polit.ru. Electronic resource]. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/05/26/hale/> (date of access: 22.11.2020). (In Russian).

18. YUsupova–Farzalieva D.M. Informacionno-kommunikativnye tekhnologii kak osnova «cvetnyh revolyucij» v sovremennyh politiyah: diss. ... kand. polit. nauk. [Information and Communicative Technologies as the Basis of “Color Revolutions” in Modern Meaning: PhD thesis]. Pyatigorsk, 2012. 146 p. (In Russian).

19. After Yanukovych // The Times. 24.02.2014. [Electronic resource]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article /after-yanukovych-qq5nml6mwrc> (date of access: 20.12.2018).

20. Armenian opposition leader detained amid political unrest // The Guardian 22.04.2018. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/22/armenia-unrest-opposition-leader-nikol-pashinyan-detained> (date of access: 14.02.2021).

21. Cambridge Advanced Learner’s Dictionary and Thesaurus. [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org>

22. Cairo protesters in violent clashes with police // The Guardian. 26.01.2011. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/jan/25/egypt-protests-mubarak> (date of access: 14.02.2021).

23. Egypt braced for 'day of revolution' protests // The Guardian 24.01.2011. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/jan/24/egypt-day-revolution-protests> (date of access: 20.12.2018).

24. Egypt protests: 'Something has changed in the Egyptian psyche' // The Guardian. 28.02.2011. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/jan/28/egypt-protests-frontline-reports-cairo> (date of access: 14.02.2021).

25. Egypt's popular revolution will change the world // The Guardian. 09.02.2011. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/feb/09/egypt-north-africa-revolution> (date of access: 14.02.2021).
26. Egypt's revolution has been 10 years in the making // The Guardian. 02.03.2011. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/mar/02/egypt-revolution-mubarak-wall-of-fear> (date of access: 14.02.2021).
27. Eighteen dead as snipers open fire on Kiev protesters // The Times. 19.02.2014. [Electronic resource]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/eighteen-dead-as-snipersopen-fire-on-kiev-protesters-rw6fnks0hs6> (date of access: 20.12.2018)
28. 'He's not a populist, he's popular': Nikol Pashinyan becomes Armenian PM // The Guardian. 08.05.2018. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/may/08/hes-not-a-populist-hes-popular-nikol-pashinyan-becomes-armenian-pm> (date of access: 14.02.2021).
29. Hosni Mubarak resigns – and Egypt celebrates a new dawn // The Guardian. 11.02.2011. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/feb/11/hosni-mubarak-resigns-egypt-cairo> (date of access: 23.12.2018).
30. Huge crowds in central Kiev as EU talks falter // The Times. 15.12.2013. [Electronic resource]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/huge-crowds-in-central-kiev-as-eu-talksfalter-2x8dln86lg3> (date of access: 11.05.2018).
31. Kiev protesters defiant after riot police fail to clear square // The Times. 11.12.2013. [Electronic resource]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/kiev-protesters-defiant-afterriot-police-fail-to-clear-square-27dd3shrm7w> (date of access: 11.05.2018).
32. Kyrgyzstan opposition leader demands president's resignation // The Guardian 08.04.2010. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/apr/08/kyrgyzstan-opposition-demands-bakiyev-resignation> (date of access: 14.02.2021).
33. Kyrgyzstan opposition seizes power after day of protests // The Guardian. 08.04.2010. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/apr/08/kyrgyzstan-opposition-seizes-power> (date of access: 14.02.2021).
34. Linkoln M. The color revolutions. University of Pennsylvania Press, 2016. 247 p.
35. Merriam-Webster Dictionary. [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (date of access: 14.02.2021).
36. Online Etymology Dictionary. [Electronic resource]. URL: <https://www.etymonline.com> (date of access: 14.02.2021).
37. Oxford Advanced Learner's Dictionary online. [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (date of access: 14.02.2021).
38. Protesters and troops converge on Kiev to hold rival mass rallies // The Times. 13.12.2013. [Electronic resource]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/protesters-and-troopsconverge-on-kiev-to-hold-rival-mass-rallies-t2nfnqbr9rq> (date of access: 11.05.2018).
39. Protests grip Armenian capital after opposition leader's PM bid blocked // The Guardian. 02.05.2018. [Electronic resource]. URL:

<https://www.theguardian.com/world/2018/may/01/armenian-opposition-leader-nikol-pashinyan-falls-short-in-pm-bid> (date of access: 14.02.2021).

40. Revolutionary zeal returns to streets of Ukraine // The Times. 02.12.2013. [Electronic resource]. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/revolutionary-zeal-returns-to-streets-ofukraine-grzt9sxxk13x> (date of access: 23.12.2018).

41. Sharp G., Bernal J.G. How Nonviolent Struggle Works. East Boston, 2013. 472 p.

42. Shock as Armenia's prime minister steps down after 11 days of protests // The Guardian. 23.04.2018. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/23/serzh-sargsyan-resigns-as-armenias-prime-minister-after-protests> (date of access: 14.02.2021).

43. The revolution that has given Egypt new hope, pride and confidence // The Guardian. 13.02.2011. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/feb/13/tahrir-square-egypt-hosni-mubarak> (date of access: 14.02.2021).

44. Thousands Demand Resignation of Ukraine Leader // The New York Times. 01.12.2013. [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2013/12/02/world/europe/thousandsof-protesters-in-ukraine-demand-leaders-resignation.html> (date of access: 11.05.2018).

45. Thousands Protest Ukraine's Rejection of Trade Pacts// The New York Times. 24.11.2013. [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2013/11/25/world/europe/thousandsof-ukrainians-protest-scraping-of-trade-pact-with-eu.html> (date of access: 11.05.2018).

46. Tunisia protests: authorities accused of indiscriminate crackdown // The Guardian. 11.01.2018. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jan/11/tunisia-hundreds-arrested-violent-protests-army-deployed-cities> (date of access: 14.02.2021).

47. Ukraine sees biggest anti-government protests since Orange Revolution // The Daily Telegraph. 01.12.2013. [Electronic resource]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/ukraine/10487001/Ukraine-sees-biggest-anti-governmentprotests-since-Orange-Revolution.html> (date of access: 11.05.2018).

48. 'We took down a powerful man': Armenians mark victory and genocide // The Guardian 24.01.2018. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/24/we-took-down-a-powerful-man-armenians-mark-victory-serzh-sargsyan> (date of access: 14.02.2021).

49. What caused the revolution in Egypt? // The Guardian. 17.02.2011. [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/poverty-matters/2011/feb/17/what-caused-egyptian-revolution> (date of access: 14.02.2021).

50. With Russia in mind, U.S. takes cautious approach on Ukraine unrest // The Washington Post. 03.12.2013. [Electronic resource]. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/with-russia-in-mind-us-stays-mostly-mum-on-ukraine-unrest/2013/12/03/52039ff0-5c38-11e3-8d24-31c016b976b2_story.html (date of access: 11.05.2018).

Сведения об авторах:

Кузина Ольга Андреевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат филологических наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: mojipisma@yandex.ru

Ситько Юрий Леонидович

доцент кафедры русского языка и литературы филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат филологических наук, доцент (г. Севастополь, Россия).

E-mail: yurii.sitko@gmail.com

Bionotes:

Kuzina Olga .Andreevna

Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philology (Sevastopol, Russia).

Sitko Yuriy Leonidovich

Associate Professor, Department of the Russian Language and Literature, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philology, Associate Professor (Sevastopol, Russia).

Для цитирования:

Кузина О.А., Ситько Ю.Л. Символические знаковые ситуации и формирование мифа в цветных революциях // Мифологос. Серия: «Миф в культуре: литература, язык, поэтика, искусство, фольклор», № 3, 2022. С. 158–175.

For citation:

Kuzina O.A., Sitko Yu.L. Symbolic Sign Situations in Forming Myths about Color Revolutions // Mythologos. Series: "Myth in Culture: Literature, Language, Poetics, Art, Folklore", no. 3, 2022. С. 158–175.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ И ПРИРОДА ЭПОХИ ПЕРЕМЕН: МИФОЛОГИЯ ЭКЗИСТЕНЦИИ

Ставицкий Андрей Владимирович

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в городе Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению связанных с мифом онтологических проблем развития страны в условиях глобальных перемен, избежать которых нельзя. В статье показан характер и масштаб стоящих перед Россией вызовов и угроз, выявлены и раскрыты риски, в решении которых она жизненно заинтересована, уточнено, как миф может в этом помочь. Следует отметить, что в данном случае миф понимается в рамках неклассической мифологии и раскрывается не столько как эпистемологическая проблема, сколько как механизм решения экзистенциальных проблем, позволяющий придать происходящему подходящий ему характер и масштаб.

Главный посыл статьи заключается в том, что нельзя в меняющемся мире не меняться с ним в соответствии с характером перемен без потерь в будущем. В этом проявляется историческая субъектность народа, страны, государства. Но она требует понимания цели, грамотного проекта развития и стратегии воплощения его в жизнь. А миф может в решении этих вопросов помочь.

Ключевые слова: миф, современный миф, универсальные функции мифа, неклассическая мифология, общая теория мифа, экзистенция, эпоха Перемен

GLOBAL CHALLENGE AND THE NATURE OF THE AGE OF CHANGE: EXISTENTIAL MYTHOLOGY

Stavitskiy Andrey Vladimirovich

Branch of the Moscow State University in Sevastopol (Sevastopol, Russia)

Abstract

The article deals with the myth-related ontological problems of the country's development in the context of global changes, which cannot be avoided. The article demonstrates the nature and scale of the challenges and threats facing Russia, identifies and reveals the risks in which it is vitally interested in solving, and clarifies how myth can help in this. It should be noted that in this case myth is understood in the framework of non-classical mythology and is revealed not so much as an epistemological problem, but rather as a mechanism for solving existential problems, making it possible to give what is happening a suitable character and scale.

The main message of the article is that in a changing world it is impossible not to change with it in accordance with the nature of change without losing sight of the future. This is the historical subjectivity of the people, country and state. But it requires an understanding of the goal, the project of development and a strategy to bring it to life. And myth can help in addressing these issues.

Keywords: myth, modern myth, universal functions of myth, non-classical mythology, general theory of myth, Existence, the Age of Change

Введение

Глобальные энтропийно-турбулентные процессы в мире достигли такого масштаба и качества, когда в режиме «мягкой силы» удержать их уже было нельзя. Новые вызовы требовали более жёстких действий и адекватного их осмысления, несмотря на пугающую непредсказуемость будущего, которое недвусмысленно выводило на экзистенциальный уровень бытия, требуя возвращения к онтологическим началам [8]. Вот почему с учётом глобальности контекстов описать происходящее без мифологической составляющей затруднительно, т.к. миф не только позволяет придать ему необходимый синкретизм, но и задаёт соответствующие характеру перемен глубину и масштабы [7].

Основная часть

Начавшаяся в конце февраля 2022 года на Украине специальная военная операция (СВО) стала тем историческим Рубиконом, после которого можно было идти только вперед. Новые вызовы не только создавали новые проблемы, но и предлагали новые возможности. И общество их почувствовало. Поэтому, несмотря на свою неожиданность, СВО продемонстрировала максимальную поддержку власти со стороны общества, что сейчас ей крайне необходимо. Однако общая эйфория не должна заслонять от власти тот факт, что эта поддержка не навсегда. Она зависит от ряда условий и связана с конкретными ожиданиями. И лучше о них знать. Знать, что «перейдя Рубикон», мы не просто вступили в прямой военный конфликт с Украиной, которого до того всячески пытались избежать, но по сути начали прокси-войну против всего Запада, который не захотел дать РФ гарантии безопасности [1], подготовил и оснастил украинскую армию и фактически подтолкнул нас к военным действиям против Украины, снабжая её всем необходимым и одновременно продолжая грабить. Прокси-война означает, что, не вступая в открытое столкновение, Запад оказывает Украине максимальную помощь, позволяя ей за себя воевать, и ослабляет санкциями нас, пользуясь нашей зависимостью от западных технологий и ресурсов. Однако для него это тоже угроза, потому что в глобальном мире зависимость обоюдна. И её следует учитывать.

Подобное противостояние требует иного уровня понимания вызовов и угроз, а с ним и необходимости тех структурных преобразований, которые сделают страну способной к мобилизации и модернизации, а власть – ответственной на всех уровнях управления и служения. Ведь в РФ наступает время иной цивилизационной субъектности, требующей ответственных за страну творцов и этики служения, которые несовместимы с интересами и методами управления сложившейся за последние 30 лет российской элитой. В глобальной конкуренции, где ставкой является не независимость Украины, но само существование России, нельзя победить, не изменившись. Нельзя добиться победы над внешними врагами, не победив врагов внутренних. Нельзя перейти к стратегии развития, сохранив олигархический и государственно-монополистический характер государства, когда выросшая на ограблении наследия СССР элита воспринимает страну как свою добычу, «кормушку», «поляну», «тайгу», объект её обогащения и территорию «охоты». И пока этого не произойдёт, опасность, что общество в какой-то момент станет воспринимать происходящее на Украине, не как справедливую, «отечественную» спецоперацию, но как империалистическую войну, где народы воюют за интересы чужих для них элит, сохраняется.

В свете изложенного крайне важным является осознание элитой своей ответственности перед страной и знание природы Эпохи Перемен, в которую мы вступаем. Ответственность и служение становятся решающими качествами для неё. К сожалению, в этих вопросах нам пока нечем себя порадовать. Спонтанные, не выверенные стратегически управленческие решения руководства РФ показывают, что горизонт планирования власти сужается, видение образа будущего теряется, а выйти за установленные сложившейся 30 лет назад системой рамки не получается [13]. У неё не те тренды и возможности, несмотря на порой весьма грозные заявления, которые, впрочем, не мешают нашему руководству неукоснительно выполнять «рекомендации» Всемирного банка, ВТО, ВОЗ и даже запреты Всемирного антидопингового агентства (ВАДА), лишаящего наших спортсменов права выступать на соревнованиях от имени своей страны. Вот когда уместны установки отрицающей системность постмодерна и сентенции в духе известной глупости Л. Витгенштейна⁵⁸, когда усложнение данных причинности и неспособность их в новом виде понять воспринимается, как её полное отсутствие, чтобы СЮР нарастающей повсюду постправды стал нормой. Но нужно ли это нам?

У любого явления есть свои причины и следствия. Мы просто не всегда можем понять их и просчитать. А порой и само понимание неудобно, т.к. подводит к нежеланным ответам. Отсюда и уход в РФ от своей идеологии, когда показное равнодушие к ней должно создавать впечатление мировоззренческого нейтралитета, что обычно бывает у зависимых полуколониальных стран, которым негласно запрещено проявлять свою идентичность в любых формах, маскируя запрет пока ещё модной толерантностью. Поэтому официально прописанный в конституции запрет на идеологию на деле должен утаить факт скрытой реализации таких идей, которые народ по определению не примет, как навязанные, нравственно чуждые и чужие. Но их признаки отчётливо угадываются в символических действиях власти во время немногих оставшихся праздников, а также в формируемых через культуру культах и табу, напоминая, что если вы не кормите свою культуру, то будете кормить чужую со всеми отрицательными для страны последствиями.

Как следствие, налицо попытки перевести в технологическую плоскость те вопросы, которые нуждаются в мировоззрении и серьёзных, стратегически выверенных управленческих решениях, превращая их в симулякры, имитацию равенства возможностей и развития. Эту скрытую мантрами лживость общество ощущает едва ли не в каждом действии власти, не доверяя ей, отчего даже базовые культурные ценности у нас отодвигаются на второй план, создавая впечатление, что то, что мы называем мировоззрением, как правило, является результатом грамотно обоснованного и настойчивого внушения. Но если существует запрет на идеологию, как может появиться основанный на ней образ будущего, в котором страна воспринимается как претендующий на глобальность проект? Как возникнет связанная с ним стратегия? А когда нет долгосрочной стратегии, все действия будут подчинены сиюминутным интересам, диктующим краткосрочные тактические решения, не дающие ключевого преимущества в глобальной конкурентной борьбе.

⁵⁸ В 347-м афоризме труда «Культура и ценности» Л.Витгенштейн сделал такой пассаж: «Нет... ничего глупее, чем болтовня о причине и следствии в книгах по истории. Нет ничего более извращенного и менее обдуманного» [6, с. 469].

Конечно, наше руководство можно понять. Ведь новый миропорядок ещё только намечен и даже толком не описан [3; 23]. По мнению ряда экспертов, для него нет даже ещё соответствующего языка описания [5]. И как в таком случае быть? Общество уже несовершенно, если его жизнь надо контролировать и упорядочивать извне. Поэтому возникающая в процессе развития энергия должна либо быть ограничена установками, чтобы оказаться закованной в ставший самоцелью Порядок, либо обернуться энергией Пути. В первом случае свобода неуместна, т.к. тотальной несвободой будут охвачены даже те структуры порядка, которые обладают силой быть. Тогда все силы уйдут на удержание status quo и на необходимые преобразования сил не будет, что неизбежно приведёт со временем к краху, где цена и характер противостояния будет тем больше, чем дольше перемены оттягивались. Во втором – свобода желанна и является обязательным условием обращённой к вечному становлению воли. Она связана с риском, но даёт шанс. Какой вариант в этом случае выбрать? Пауза затянулась до неприличия. Однако власть можно понять.

Сложно решиться на перемены, зная, что «Ад инволюции и хаотизации следует по пятам за любой перестройкой. Альтернативная системе эскалация уязвима, неравновесна, обладает ветвящейся траекторией (пространством решений), формируя собственную действительность» [12, с. 143]. Более того, любое развитие всегда чревато большими и малыми рисками. Поэтому руководители страны будут тянуть до последнего, пытаясь имитировать развитие и мысля сиюминутными тактическими категориями, когда то, что грядет, не обсуждается и всячески откладывается.

Захват будущего как способ его реализации не в повестке дня, а всё внимание сосредоточено на прошлом, которое подвергается манипуляции и корректируется под настоящее, чтобы служить ему как орудие и инструмент, забывая, что там, где общество не в состоянии выработать приемлемого для большинства Образа Будущего и сосредоточено на переписывании прошлого, будущее как реальность будет не создаваться сообща в процессе преодоления настоящего, а навязываться извне и подрывать изнутри систему.

И как иначе оценивать то, что высшие должностные лица РФ финансируют Ельцин-центр, участвуют в установлении памятных досок Маннергейма и Колчака, цитируют сотрудничавшего с нацистами философа Ильина, управляют РФ в интересах богатейшей кучки общества, допускают вопиющее социальное неравенство, не инвестируют в будущее, игнорируют решающую роль в развитии страны науки и образования, не учитывают позитивный опыт Советского Союза, критикуют действия руководителей СССР без учёта исторических обстоятельств, поддерживают инспирированный Геббельсом «катынский расстрел»⁵⁹ и даже

⁵⁹ Сам факт, что т.н. «катынский расстрел» со стороны Польши из научной проблемы превратился в инструмент исторической политики с целью выбить для себя политические и экономические преимущества говорит, для чего и с какой целью его инспирируют. При этом основные его источники даже не были подвергнуты всесторонней научной и следственной экспертизе, хотя в данном случае речь идёт не просто о научной истине, но о репутации страны. И здесь есть основания полагать, что ряд основных документов по катынскому делу был подделан. Впрочем, сомнения уместны с обеих сторон. В частности, главным аргументом в пользу того, что к данному расстрелу были причастны большевики, является тот факт, что никаких документов на сей счёт в немецких архивах до сих пор не обнаружено. А мысль, что они могли быть нацистами уничтожены, отвергается. В свою очередь отсутствие аналогичных документов в советских

полагают, что Сталин горит в аду в два раза ярче, чем Гитлер? Особенно мило это выглядит на фоне информации о том, что в постсоветской России в результате «демократических реформ» население страны сократилось примерно на 25 миллионов [30], что вполне соотносится с количеством советских граждан, погибших от нацистского террора в Великой Отечественной войне, поневоле вызывая нежелательные аналогии в умах. Но нужен ли нам внешний враг, чтобы истощить и деморализовать страну, при такой внутренней политике?

Впрочем, заметим, что интерес к прошлому страны не является показателем мировоззренческого кризиса. Наоборот. Ведь прошлое является важным с точки зрения обретения цивилизационных опор и подсказок на будущее по принципу «Кто мы? Откуда? Куда идём? Во что верим? Чему служим?» с правом его перепрочтения, чтобы переосмыслить опыт исторического бытия [11]. Но не когда историю делают объектом манипуляции для обоснования своей исторической легитимности. Смотриющий назад водитель далеко не уедет, а тем, кто не знает, куда плыть, ни один ветер не будет попутным. В этом смысле обвинения в двойных стандартах и переписывании истории наших глобальных конкурентов не выглядят столь однозначно [21].

Избегая захвата будущего, у нас за последние 30 лет тоже преуспели в переписывании прошлого, пытаясь сочетать ценности Февраля 1917-го с достижениями Октября таким образом, что запутались сами и запутали других, утверждая культ тех, кто в разные времена порочил и разваливал страну, устанавливал идеологию коллаборантства, встраивая Россию в западный мир и превращая её в полуколонию, но протестуя, когда сей крайне ущербный и невыгодный для нас статус подтверждается нашими «партнёрами» на Западе. Получается, что, критикуя Запад за двойные стандарты и переписывание истории, мы сами не прочь её переписать под существующий политический режим в тех случаях, если история нас чем-то не устраивает. И это подводит к мысли, что исторический опыт у нас не используется, а подсказки истории игнорируются. Как следствие, масштаб растущих проблем парализует, вынуждая тянуть время там, где надо действовать, вызывая неизбежную и не очень приятную коррекцию со стороны проявленной в пространстве и времени среды [15].

В результате налицо вопиющий когнитивный диссонанс, когда обсуждение проблемы поддержки социального оптимизма в обществе пытаются провести без проекта и образа будущего. Но как? Ведь даже самую простую вещь, которую мы собираемся сделать для своих нужд, надо сначала элементарно спланировать. Хотя бы в базовых элементах. Без грамотного целеполагания созидательно развиваться нельзя. А здесь речь идёт не о лодочке для ребёнка, с которой он будет играть в ванне, но о большом корабле (стране, государстве, цивилизации), который в противовес уже получившему историческую пробоину западному «Титанику» можно было назвать «Русский ковчег». Однако состояние не способной к развитию страны пока не вызывает оптимизма, напоминая, что не ту эпоху назвали застоём. А уход от вызовов означает потерю адекватности и уход от реальности, мешая увидеть, что стоящий перед человечеством выбор уже даже не цивилизационный, а антропологический, т.к. под угрозой существования находится человек как вид. В этих условиях, возможно, структура онтологически становится важнее системы,

архивах однозначно воспринимается как доказательство того, что они были специально изъяты и уничтожены.

поскольку выступает механизмом реформирования её. Но понимается это как-то своеобразно – путем технологического ухода от назревших политических и социально-экономических реформ за счёт более жёсткого контроля во всём и манипуляции сознанием [17].

Не случайно на первые роли в государстве РФ выдвинулись политтехнологи, мытари (налоговики), бухгалтеры и силовики. Именно в их профессиональных компетенциях более всего нуждается нацеленная на удержание власть. В ней первые с помощью пиара обеспечивают правящей группировке позитивный имидж и предлагают «победные» технологии на выборах; вторые наполняют бюджет, выискивая способы переложить бремя налогов на тех, кто находится в самом низу социальной лестницы при соблюдении формального равенства налогообложения; третьи ищут, на чём можно сэкономить, планомерно выкачивая средства из экономики и оптимизируя социальную сферу, а четвертые гарантируют этой не рассчитанной на развитие конструкции долгую и безбедную жизнь. В этом смысле в сложившемся после 1991 года «долгом государстве» всё продуманно и схвачено. Однако так думали о своей власти правители многих эпох, которые закончились не так, как они хотели, когда История вдруг включала факторы непреодолимой силы, делая бесполезными все прежние усилия, как это произошло с кланом елбасы Назарбаева в январе 2022 года в Казахстане. И если бы только там. Подобное может случиться с каждым правителем. Причём в считанные дни. Как-то сразу. «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три», – писал о феврале 1917-го философ В. Розанов. Но ведь мы сейчас не хотим повторения подобного. Вспомним, как ликовали патриотические граждане и поддерживали царское правительство в начале Первой мировой войны. А чем всё потом закончилось? Неужели это не урок из прошлого для настоящего? Ведь уже сейчас видно, что с 2020 года всё начинает происходить с пугающей быстротой, несмотря на застой в экономике, предлагая обилие, на первый взгляд, не связанных друг с другом драматических сюжетов, показывающих нарастание неразрешимых в данной социальной системе противоречий. И власть их уже не контролирует, ориентируясь только на удержание status quo и рассчитывая тактическими внешними успехами компенсировать наступление на социальные права, политику бонапартизма и внутренний застой.

Не случайно в 2021 году Россия заняла последнее место среди 28 стран, участвовавших в опросе The Edelman Trust Barometer – 2021 по уровню доверия граждан государству, СМИ, бизнесу и НКО: лишь 31% доверяют им [2]. И как быть в этом случае со свободой, когда свою кормовую базу надо во что бы то ни стало сохранить, а положиться не на кого? Наступает время предельных вопросов экзистенциального характера, вызовов, когда смысл всего привычного открывается по-новому и требует новых ответов [15]. Время перемен, как сказал на Валдайском форуме президент РФ. Время великих перемен, исход которых не ясен. Это время потребует от России максимальных усилий. Особенно с учётом того, что на кону даже не благополучие правящего класса, а судьба России и человечества. Но способность к ним РФ пока не подтвердила.

В этих условиях резко сужается окно возможностей, т.к. система начинает сама ограничивать себя тогда, когда за калейдоскопом сменяющихся друг друга событий необходимо увидеть долгосрочную перспективу, модель, образ, структуру. Но для этого надо не иметь, но БЫТЬ. Страх перед грядущими переменами равносителен боязни свободы и усиливает запрос на порядок, который

лишь усугубит проблемы и растянет процесс, но не изменит его. Эффективность и социальная динамика системы зависят от взаимодействия с контекстом. Но это слабо учитывается. Поэтому динамика управления сейчас уступила место стремлению к контролю со ставкой на культуру насилия, что проявляется даже в планировании бюджета, когда статьи расходов на силовые ведомства неуклонно растут, а на социальную сферу падают, несмотря на ковид, вынуждая вспомнить гоголевское «Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?». Ведь в реально народном государстве не нужны обременительные силовые структуры внутренних войск, а при антинародном режиме они всё равно не помогут, как не помогли власти в 1917-м и в 1991-м. Тем более, что порядок со временем неизбежно становится угрозой самому себе, если перестает совпадать с алгоритмом господствующей социодинамики, пытаясь законсервировать те властные установки, которые пережили свой позитив и с новыми тенденциями уже не совпадают, а режим нелинейных динамических систем не учитывается. И тогда утративший былую динамичность господствующий порядок в борьбе за сохранение status quo сам становится источником такого беспорядка, который его рано или поздно похоронит, если он вовремя не изменится.

Налицо очевидный вывод: чтобы быть достойным победы, надо измениться. Более того, работать на опережение, вписавшись в тот режим социодинамики, который связан с факторами непреодолимой силы.

Заметим, что в современных условиях налицо нарастание не структурного кризиса, который, как это было с капитализмом после Великой депрессии, сумел открыть в себе новые возможности через Новый курс Ф.Д. Рузвельта и Вторую мировую войну, а системного, который нельзя преодолеть, улучшая капитализм в его ставке на эксплуатацию и порок [3]. Поэтому никакой посткапитализм и постлиберализм человечеству на этот раз не помогут, если не будет найдено принципиально иное решение. По меткому замечанию А. Эйнштейна, невозможно решить проблему на том же уровне, на котором она возникла. Нужно стать выше этой проблемы, поднявшись на следующий уровень.

Ситуация настолько очевидна, что даже президент РФ публично признал, что «существующая модель капитализма ... исчерпала себя. В ее рамках уже нет выхода из клубка все более запутанных противоречий. Повсеместно, даже в самых богатых странах и регионах, неравномерное распределение материальных благ ведёт к усугубляющемуся неравенству, прежде всего к неравенству возможностей».

Очень точная и своевременная мысль. Но замечательным в ней в первую очередь является то, что о крахе капитализма, неравномерном распределении материальных благ и усугубляющем неравенстве как источнике краха капитализма говорит глава страны, которая уже 30 лет строит государственно-монополистический капитализм и вышла на первое место в мире по социальному неравенству. Поэтому всё это было бы неплохо спроецировать на самих себя. К сожалению, мы этого не наблюдаем, потому что система, породившая современные проблемы рассматривается как механизм их решения, сокращая окна возможностей до нуля. Но обещанное развитие новых технологий невозможно без модернизации институтов управления, а может и всей системы вплоть до смены правил игры. Что будет с системой, которая не может распознать и реализовать свои возможности, пытаясь законсервировать настоящее и работая на удержание того, что есть, не думая о будущем? Чем заканчивали такие режимы? Вместо этого делается ставка

на консерватизм и стабильность, забывая, что стабильность общества уместна лишь тогда, когда соответствует диктуемой историческими тенденциями социодинамике.

В результате, по мнению ряда экспертов, сумма формальных знаний и девальвированной информации перестала соответствовать среде, требуя другого уровня понимания взаимосвязей и потенциала сложностей с учетом обилия вероятностных разрешений и органичной природы не учтённых ранее «случайностей». Это нужно, чтобы понять и спрогнозировать не факты, а тенденции, отследив их на достаточно длительный срок, включая возможность бифуркации. Поэтому придётся признать, что исторический экзамен на зрелость РФ пока не сдан, а наша эпоха всё больше начинает восприниматься как время упущенных возможностей и «разбитых окон Овертона» (А.И. Неклесса). Ведь действия российской элиты не соответствуют структуре стратегических вызовов и глобальных угроз, т.к. на протяжении последних 30 лет РФ упорно уклоняется от вызовов, которые касаются главных параметров национальной безопасности, включая социально-экономический (инфраструктуру, финансы, налоги, инвестиции), организационный (качество элиты, управления и контроля), здоровье, знания (наука, образование), аксиологию (ценности) и венчающую всё духовность [13].

Ещё древние говорили, что *sapiens dominabitur astris* – «разум повелевает звездам». Но управлять, значит – предвидеть (Наполеон). И если власть не в состоянии просчитать траекторию развития страны с учётом имеющихся контекстов и алгоритмов сложного действия, не может или не хочет превратить культурное пространство России в пространство идеологически оформленных дерзновений, чтобы использовать код цивилизационной эволюции как тягу к воплощению идеала, то возможно она занимается не тем, чем должна. Историческая пауза для России как-то неприлично затянулась, а ожидаемый и желанный цивилизационный порыв ничем не мотивируется. И это особенно опасно с учётом того, что возможности лиц, принимающих решения многократно возросли в силу нового уровня инструментов и технологий с очень высокой результативностью, что требует их большей квалификации на фоне общей деградации субъектов управления.

Отчасти эта деградация выражается в абсолютных категориях, когда реальный опыт подменен компетенциями и становится бесполезен. А с другой стороны за ней скрывается понимание необходимости учёта такого количества ключевых факторов, когда точный расчёт невозможен, уступая в эффективности интуиции и усиливая роль гуманитарных наук в целом и истории в частности, т.к. именно в ней аккумулируется весь опыт развития человечества. Но насколько он применим в новых условиях, если даже язык описания старого не подходит для нового? Вот почему сейчас крайне важно понять природу современного развития и механизм, приводящий историю в движение, чтобы их грамотно описать [9]. Описать, чтобы понять. Понять, чтобы использовать.

В связи с этим уместно вспомнить высказывание Дональда Рамсфельда, который в бытность министром обороны США заметил: «Есть вещи, о которых мы знаем, что их знаем. Есть известные неизвестности, о них мы знаем, что пока их не знаем. Но есть еще и неизвестные неизвестности – вещи, о которых мы не знаем,

что их не знаем»⁶⁰ [20]. А как быть с тем знанием, от которого мы упорно уклоняемся, боясь взглянуть будущему в лицо и не понимая, что отсутствие достойного ответа на вызовы настоящего – тоже ответ. Но при нём будущее станет настоящим без нас. Вот когда особенно нужны гуманитарные знания, выведенные на онтологический уровень максимального обобщения [18]. Но у нас в рамках научно-мировоззренческой триады онтологии, аксиологии и методологии ставка делается не на онтологию и аксиологию, а на методологию, на технологию контроля и подавления.

Поэтому в сфере управления преобладает методологическая и организационная «архаика» без учёта воздействия познаваемого на познающего, а особым почётом пользуются политехнологи. Хотя для понимания происходящего, а также его грамотного преобразования необходимы принципиально другие функции и компетенции, где надо знать не только как, но и во имя чего всё делается? Как средства работают на цель и определяют её? Какую роль в них играют контексты? Что нужно сделать, чтобы невозможное стало возможным? Как грамотно использовать свой потенциал и обернуть будущее во благо? И тогда придётся признать, что относительно старого уходящего мира грядущие преобразования будут революционными. Ведь новый мир всегда рождается в борьбе и её никому не удастся избежать [19; 22]. Те же, кто между позором и войной выбирают позор, получают и то, и другое (Черчилль). Такова участь всех, кто пытается сдержать неизбежное или уклониться от него, забывая, что можно закатать в асфальт какой-нибудь зелёный росток. Но весну в асфальт не закатаешь. Её нельзя остановить, но можно ею воспользоваться, если понимать логику Перемен, логику революции, логику Апокалипсиса, признаки которых мы уже видим повсеместно.

Заключение

Как видим, предлагаемое выше описание не только показывает характер и масштаб имеющихся у нас проблем, но и даёт ориентиры для их последовательного решения, смысл которых сводится к тому, что ближайший стратегически оформленный результат развития России связан с её способностью к качественным изменениям [6]. Не уверен, что они пройдут легко, т.к. власть к ним не готовили. Однако понимание их неизбежности упрощает многое и позволяет определиться в отношении к цели и средствам, руководствуясь тем, что цель определяет средства, но никак их не оправдывает, а победа придёт лишь тогда, когда будут политически и этически учтены все уроки прошлого, обратившись в мифы, время которых пришло [10]. Невозможно бороться с мифами, призванными Историей, и надо быть достойным, чтобы их понять и принять, ибо тогда они становятся инструментом, даже оружием, позволяющим управлять народами и их направлять, придавая их действиям такую мощную мотивацию, которой не добиться никаким принуждением [16]. Так, захватывая будущее, государства и цивилизации творят историю, отвечая на вопросы «Кто мы? Откуда? Куда идём?» и подтверждая древнюю мудрость, что с нами будет то, что мы есть.

⁶⁰ «Now what is the message there? The message is that there are no “knowns”. There are thing we know that we know. There are known unknowns. That is to say there are things that we now know we don’t know. But there are also unknown unknowns. There are things we don’t know we don’t know. So when we do the best we can and we pull all this information together, and we then say well that’s basically what we see as the situation, that is really only the known knowns and the known unknowns. And each year, we discover a few more of those unknown unknowns».

Литература

1. Бжезинский Зб. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. Москва: Астрель, 2012. 285 с.
2. Большинство россиян не строят долгосрочных планов на жизнь // Российская академия наук. Новости. Сентябрь. 2021. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=f1485a8e-3338-4e97-abbf-b8f23c6d3087#content> (дата обращения: 12.12.2021).
3. Валлерстайн И. После либерализма. Пер. с англ. / Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
4. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой. Перевод М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. Москва: Издательство «Гнозис», 1994.
5. Война и революция: социальные процессы и катастрофы: Материалы Всероссийской научной конференции; г. Москва, 19–20 мая 2016 г. Ред. А.Б. Ананченко. Московский педагогический государственный университет. Институт истории и политики. Москва: МПГУ, 2016. 349 с.
6. Гачев Г. Русская Дума. Портреты русских мыслителей. Москва: Новости. 1991. 272 с.
7. Кэмпбелл Дж. Сила мифа. Санкт-Петербург: Питер, 2018. 304 с.
8. Медоуз Д. и др. Пределы роста. 30 лет спустя. Москва: Академкнига, 2007. 342 с.
9. Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. Москва: Ad Marginem. 2016. 416 с.
10. Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. 578 с.
11. Мэй Р. Взывая к мифу. Санкт-Петербург: Питер, 2021. 336 с.
12. Неклесса А.И. Цивилизационный транзит. Методологические и прогностические аспекты (анализ – прогноз – управление) // Экономическая наука современной России. №4 (91) 2020. С. 132–146 DOI: 10.33293/1609-1442-2020-4(91)-132-146
13. Панарин А.С. Народ без элиты. Москва: Алгоритм, Эксмо, 2006. 352 с.
14. Соколов А. После распада СССР демографические потери России составили 25 млн. человек. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2021/12/26/902685-demograficheskie-poteri-rossii> (дата обращения: 12.12.2021).
15. Ставицкий А.В. Культура смены эпох: смысл и природа Апокалипсиса в контексте современной Большой игры // Мифологос. Серия: «Миф в культуре: литература, язык, поэтика, искусство, фольклор». № 3, 2022. С. 203–214.
16. Ставицкий А.В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012. 546 с.
17. Ставицкий А.В. Свобода в эпоху великих перемен: идеи, доктрины, мифологии // Мифологос. Серия: «Миф в культуре: литература, язык, поэтика, искусство, фольклор». № 3, 2022. С. 122–131.

18. Ставицкий А.В. Современный миф: его природа и предназначение. Севастополь: Рибэс, 2013 156 с.
19. Шпенглер О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории. Полное издание в одном томе / Пер. с нем. Москва: Альфа-КНИГА. 2017. 1085 с.
20. Rumsfeld D. (2002). NATO Speech. NATO HQ. Press Conference by US Secretary of Defense. 06.06.2002. URL: <https://www.nato.int/docu/speech/2002/s020606g.htm> (дата обращения: 12.12.2021).
21. Hunter J. D. Culture Wars: The Struggle to Define America. New York: Basic Books, 1991. 416 p.
22. Schwab K., Malleret T. The Great Reset: How to Build a Better World Post-COVID-19. 2020. 110 p.
23. von Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termist, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018. 220 p.

References

1. Bzhezinskiĭ Zb. Strategicheskiĭ vzgliād: Amerika i global'nyĭ krizis [A Strategic Look: America and the Global Crisis]. Moscow: Astrel', 2012. 285 s. (In Russian).
2. Bol'shinstvo rossiiān ne stroiāt dolgosrochnykh planov na zhizn' [Most Russians Have no Long-term Plans for Their Lives] // Rossiĭskaiā akademiā nauk. Novosti. Sentiābr'. 2021. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=f1485a8e-3338-4e97-abbf-b8f23c6d3087#content> (data obrashcheniā: 12.12.2021). (In Russian).
3. Vallerstein I. Posle liberalizma [After Liberalism]. Per. s angl. / Pod red. B.Īū. Kagarlit'skogo. Moscow: Editorial URSS, 2003. 256 s. (In Russian).
4. Vitgenshteĭn L. Filosofskie raboty [Philosophical Works]. Chast' I. Per. s nem. / Sostavl., vstup. stat'ia, primech. M.S. Kozlovoi. Perevod M.S. Kozlovoi i Īū.A. Aseeva. Moscow: Izdatel'stvo «Gnozis», 1994. (In Russian).
5. Voĭna i revoliutsiā: sot'sial'nye protsessy i katastrofy [War and Revolution: Social Processes and Disasters]: Materialy Vserossiĭskoi nauchnoi konferentsii; g. Moskva, 19–20 maiā 2016 g. Red. A.B. Ananchenko. Moskovskii pedagogicheskiĭ gosudarstvennyi universitet. Institut istorii i politiki. Moscow: MPGU, 2016. 349 s. (In Russian).
6. Gachev G. Russkaiā Duma. Portrety russkikh myslitelei [Russian Duma. Portraits of Russian Thinkers]. Moscow: Novosti. 1991. 272 s. (In Russian).
7. Campbell J. Sila mifa [The power of Myth]. Sankt-Peterburg: Piter, 2018. 304 s. (In Russian).
8. Meadows D. i dr. Predely rosta. 30 let spustiā [The Limits of Growth. 30 Years on]. Moscow: Akademkniga, 2007. 342 s. (In Russian).
9. Mason P. Postkapitalizm. Putevoditel' po nashemu budushchemu [Post-capitalism. A Guide to our Future]. Moscow: Ad Marginem. 2016. 416 s. (In Russian).
10. Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyi resurs]: Sbornik materialov V Mezhdunarodnoi nauchnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii (iiūn' 2021 goda, g. Sevastopol') / Pod redakt'sieĭ A.V. Stavitskogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2021. 578 s. (In Russian).
11. May R. Vzyvaiā k mifu [Appealing to Myth]. Sankt-Peterburg: Piter, 2021. 336 s. (In Russian).

12. Neklessa A.I. Tšivilizatšionnyĭ tranzit. Metodologicheskie i prognosticheskie aspekty (analiz – prognoz – upravlenie) [Civilizational Transition. Methodological and Prognostic Aspects (Analysis – Forecast – Management)] // Ėkonomicheskaiĭ nauka sovremennoĭ Rossii. №4 (91) 2020. S. 132–146 DOI: 10.33293/1609-1442-2020-4(91)-132-146 (In Russian).

13. Panarin A.S. Narod bez ėlity [A People without an Elite]. Moscow: Algoritm, Ėksmo, 2006. 352 s. (In Russian).

14. Sokolov A. Posle raspada SSSR demograficheskie poteri Rossii sostavili 25 mln. Chelovek [After the Collapse of the USSR, Russia Suffered a Demographic Loss of 25 Million People]. [Ėlektronnyĭ resurs]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2021/12/26/902685-demograficheskie-poteri-rossii> (data obrashcheniĭ: 12.12.2021). (In Russian).

15. Stavitskiy A.V. Kul'tura smeny ėpokh: smysl i priroda Apokalipsisa v kontekste sovremennoĭ Bol'shoĭ igry [Culture of the Shift of Ages: The Meaning and Nature of the Apocalypse in the Context of the Modern Great Game] // Mifologos. Seriiĭ: «Mif v kul'ture: literatura, iĭzyk, poĕtika, iskusstvo, fol'klor». № 3, 2022. S. 203–214. (In Russian).

16. Stavitskiy A.V. Ontologiiĭ sovremennogo mifa [The Ontology of Modern Myth]. Sevastopol': Ribĕst, 2012. 546 s. (In Russian).

17. Stavitskiy A.V. Svoboda v ėpokhu velikikh peremen: idei, doktriny, mifologii [Freedom in a Time of Great Change: Ideas, Doctrines, Mythologies] // Mifologos. Seriiĭ: «Mif v kul'ture: literatura, iĭzyk, poĕtika, iskusstvo, fol'klor». № 3, 2022. S. 122–131. (In Russian).

18. Stavitskiy A.V. Sovremennyĭ mif: ego priroda i prednaznachenie [Modern Myth: its Nature and Purpose]. Sevastopol': Ribĕs, 2013 156 s. (In Russian).

19. Shpengler O. Zakat Zapadnogo mira: Oчерki morfologii mirovoĭ istorii [The Decline of the Western World: Essays on the Morphology of World History]. Polnoe izdanie v odnom tomu / Per. s nem. Moscow: Al'fa-KNIGA. 2017. 1085 s. (In Russian).

20. Rumsfeld D. (2002). NATO Speech. NATO HQ. Press Conference by US Secretary of Defense. 06.06.2002. URL: <https://www.nato.int/docu/speech/2002/s020606g.htm> (data obrashcheniĭ: 12.12.2021).

21. Hunter J. D. Culture Wars: The Struggle to Define America. New York: Basic Books, 1991. 416 p.

22. Schwab K., Malleret T. The Great Reset: How to Build a Better World Post-COVID-19. 2020. 110 p.

23. von Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termist, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018. 220 p.

Сведения об авторе:

Ставицкий Андрей Владимирович

доцент кафедры истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат философских наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: stavis@rambler.ru

Bionotes:

Stavitskiy Andrey Vladimirovich

Associate Professor, Department of History and International Relations,
Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philosophy
(Sevastopol, Russia).

Для цитирования:

Ставицкий А.В. Глобальный вызов и природа Эпохи Перемен // Мифологос.
Серия «Миф и общество: история, политика, социология», № 4, 2022. С. 176–188.

For citation:

Stavitskiy A.V. Global Challenge and the Nature of the Age of Change // Mythologos. Myth and Society: History, Politics, Sociology Series, no. 4, 2022. С. 176–188.

АВТОРЫ / AUTHORS

Алентьева Татьяна Викторовна

Профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук, профессор (г. Курск, Россия).

Alent'eva Tatyana Viktorovna

Professor, Department of World History, Kursk State University, Doctor of History, Professor (Kursk, Russia).

Баранов Андрей Владимирович

заведующий кафедрой политологии и политического управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор (г. Краснодар, Россия).

Baranov Andrey Vladimirovich

Head of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University, Doctor of Political Sciences, Doctor of History, Professor (Krasnodar, Russia).

Белозёрова Марина Витальевна

главный научный сотрудник ФГБУН «Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр Российской академии наук», доктор исторических наук, доцент (г. Сочи, Россия).

Belozerova Marina Vitalievna

Senior Researcher, Federal Research Centre «Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences», Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Sochi, Russia).

Демидова Евгения Евгеньевна

преподаватель кафедры лингвистики АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семёнова – Тянь-Шанского», кандидат филологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия).

Demidova Evgeniya Evgenievna

Teacher of the Department of Linguistics, Semyonov – Tien-Shansky International Humanitarian University, Candidate of Philology (St. Petersburg, Russia).

Зайцева Татьяна Александровна

зам. директора по учебно-методической работе Гуманитарного и института ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», кандидат филологических наук, доцент (г. Череповец, Россия).

Zaitseva Tatiana Alexandrovna

Vice-director for Educational and Methodological Work of the Humanitarian Institute, Cherepovets State University, Candidate of Philology, Associate Professor (Cherepovets, Russia).

Колычев Петр Михайлович

профессор гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор философских наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия).

Kolychev Petr Michaylovich

Professor, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint-Petersburg, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Saint-Petersburg, Russia).

Крайнов Григорий Никандрович

профессор кафедры «История» Российского университета транспорта. доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия).

Krainov Grigory Nikandrovich

Professor, Department of History, Russian University of Transport, Doctor of History, Professor (Moscow, Russia).

Кузина Ольга Андреевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат филологических наук (г. Севастополь, Россия).

Kuzina Olga Andreevna

Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philology (Sevastopol, Russia).

Онопко Олег Владимирович

доцент кафедры политологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», кандидат политических наук (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).

Onopko Oleg Vladimirovich

Associate Professor, Department of Political Science, Donetsk National University, Candidate of Politology (Donetsk, Donetsk People's Republic).

Пименова Марина Владимировна

ректор АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семёнова – Тянь-Шанского», профессор, доктор филологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия).

Pimenova Marina Vladimirovna

Rector, Semyonov – Tien-Shansky International Humanitarian University, Professor, Doctor of Philology (St. Petersburg, Russia).

Пирогова Елена Павловна

доцент кафедры документоведения, права, истории и русского языка ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», кандидат исторических наук, доцент (Екатеринбург, Россия).

Pirogova Elena Pavlovna

Associate Professor, Department of Document Science, Law, History and Russian Language, Russian State Pedagogical University, Candidate of History, Associate Professor (Yekaterinburg, Russia).

Родичева Анна Анатольевна

зав. кафедрой английского языка и литературы ФГБОУ ВО Российский государственный гидрометеорологический университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия).

Rodicheva Anna Anatolievna

Head of the Department of the English Language and Literature, Russian State Hydrometeorological University, Candidate of Philology, Associate Professor (St. Petersburg, Russia).

Ситко Юрий Леонидович

доцент кафедры русского языка и литературы филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат филологических наук, доцент (г. Севастополь, Россия).

Sitko Yuriy Leonidovich

Associate Professor, Department of the Russian Language and Literature, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philology, Associate Professor (Sevastopol, Russia).

Ставицкий Андрей Владимирович

доцент кафедры истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат философских наук (г. Севастополь, Россия).

Stavitskiy Andrey Vladimirovich

Associate Professor, Department of History and Foreign Affairs, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philosophy (Sevastopol, Russia).

Трофимцева Светлана Юрьевна

доцент кафедры Безопасности и информационных технологий ФГБОУ ВО "Национальный исследовательский университет "Московский энергетический институт" (г. Москва); доцент кафедры Безопасности информационных систем ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва», кандидат философских наук, доцент (Самара, Россия).

Trofimtseva Svetlana Yurievna

Associate Professor, Department of Security and Information Technologies, National Research University "Moscow Power Engineering Institute" (Moscow), Associate Professor Department of Security and Information Systems, Korolev Samara National Research University, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Samara, Russia).

Филимонова Мария Александровна

ведущий научный сотрудник Центра изучения США ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», доктор исторических наук (г. Курск, Россия).

Filimonova Maria Alexandrovna

Leading Researcher, Center for the Study of the United States, Kursk State University, Doctor of History (Kursk, Russia).

Шинкаренко Виктор Дмитриевич

профессор кафедры трудового права, права социального обеспечения и профсоюзных дисциплин Института экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, доктор социологических наук (г. Севастополь, Россия).

Shinkarenko Viktor Dmitrievich

Professor, Department of Labor Law, Social Security Law and Trade Union Disciplines, Institute of Economics and Law (Branch) of the Academy of Labor and Social Relations in Sevastopol, Doctor of Sociology (Sevastopol, Russia).

Шмелева Ольга Юрьевна

доцент кафедры политологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», доктор политических наук, кандидат исторических наук (г. Нижний Новгород, Россия)

Shmeleva Olga Yurievna

Associate Professor, Department of Politology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Doctor of Politology, Candidate of History (Nizhny Novgorod, Russia)

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЕ

Статья должна быть написана на русском или английском языке в соответствии с требованиями (см. ниже). Файл в формате doc, docx с текстом.

Оригинальность текста должна быть не менее 80% по системе Антиплагиат.

Помимо статьи от новых авторов журнала необходима **цветная фотография автора(ов)** (в формате jpg, jpeg, разрешение от 300 dpi) — плечевой портрет на однородном фоне (фотографии «на паспорт» не принимаются).

Рекомендуемая структура статьи

Текст статьи должен быть разбит на части, подзаголовки должны быть подписаны (шрифт жирный, курсив, выравнивание по левому краю с абзацным отступом): Аннотация (Abstract). Ключевые слова (Keywords). Введение (Introduction). Методы (Methods). Литературный обзор (Literature Review). Результаты и обсуждение (Results and Discussions). Заключение (Conclusions). Литература (Literature).

Уточняем каждый аспект.

Аннотация – оптимальный объём 100-150 слов. Шрифт 12 Times New Roman. Аннотация должна включать в себя информацию об актуальности и цели исследования, методологии и результатах, но не повторять дословно выводы. Аннотация не должна содержать ссылки и аббревиатуры. Заголовок «**Аннотация**» пишется жирным шрифтом, без абзацного отступа. Точка не ставится.

Ключевые слова: 5-8 слов. Ключевые слова отделяются друг от друга точкой с запятой. После последнего слова точка не ставится. Заголовок «**Ключевые слова**» пишется жирным шрифтом, курсивом, без абзацного отступа, после заголовка ставится двоеточие. После последнего слова точка не ставится.

Аннотация и ключевые слова пишутся на русском и английском языках.

Введение определяет суть проблемы, включает краткое описание актуальности, цели и перспективы исследования, а также позицию автора по заявленной теме.

В **Литературном обзоре** даётся анализ (обзор) использованной литературы и материала для обоснования теоретической базы исследования. В нём должны быть названы основные работы предшественников, положенные в основу исследования, показаны общие тенденции исследования темы и уточнены пробелы в исследованиях, которые статья разъясняет.

В **Методах** должна быть названа и желательно описана методология, которая применялась автором для достижения результатов.

В **Результатах и обсуждении** раскрывается основная часть статьи, общие положения и новизна исследования, которые проявляются в идеях, к которым пришёл автор в результате исследования, а также показано сравнение и интерпретация результатов исследования с аналогичными исследованиями и определяется место полученных результатов в структуре научного знания.

Заключение (Выводы) должны быть сжатым описанием основной части статьи, включая изложение основного смысла выводов относительно поставленной цели, научную ценность исследования и возможные сферы применения.

В списке **Литературы** предлагается поместить около 15-20 работ. Сначала отечественные, затем – иностранные. Из них предпочтение отдается изданиям, рецензируемым в Scopus и WoS. Для них обязательно включать DOI. В том числе 2-3 работы, опубликованные за последние 3-5 лет.

Подчёркиваем, что все данные требования носят рекомендательный характер, но крайне желательны.

Особая просьба для авторов: **в статье обязательно должны быть цитаты и ссылки на тексты предыдущих журналов «Мифологос» и сборников конференции «Миф в истории, политике, культуре».**

Выдвигая данное требование, организаторы исходят из того, чтобы авторы сборника и участники конференции знакомились с работами тех исследователей, которые занимаются изучением близкой им тематики.

Помимо этого, считается важным **начать или закончить статью таким теоретическим обобщением, которое касается ключевых вопросов мифа и мифотворчества, их онтологических, эпистемологических и аксиологических начал.**

Требования к оформлению текста статьи

Объём текста статьи от 0,5 до 1 усл. печ. л. (20-40 тыс. знаков), шрифт Times New Roman, кегль **13**, интервал одинарный. Поля со всех сторон 2 см. Абзац: 1,25 см.

Элементы оформления статьи: УДК, DOI: (слева без отступов), пустая строка, **ЗАГОЛОВОК** (заглавными буквами, жирным шрифтом, по центру), пустая строка, фамилия, имя, отчество автора (жирный шрифт), место работы, в скобках – город, страна. Пустая строка. Аннотация и ключевые слова (шрифт 12) на русском и английском языках, пустая строка. Основной текст (13 шрифт с отступом), пустая строка, Литература (жирный шрифт, по центру без отступов), пустая строка. После указанных данных точка не ставится.

Уточним детали.

В левом верхнем углу (**без отступа**) построчно указываются: УДК (нежирным шрифтом) и DOI (без указания номера), в центре жирным шрифтом, заглавными буквами – НАЗВАНИЕ, через строку – фамилия, имя, отчество автора, ниже – (нежирным шрифтом, прямая строка) название научного учреждения. Город, страна даются в скобках.

Аннотация +ключевые слова.

Затем все эти данные на английском языке.

Страницы не нумеруются.

После текста статьи и списка литературы пишутся полные данные автора. ФИО полностью (жирным курсивом, с отступом).

С новой строки: должность с местом работы (в случае, если участник не работает в научной сфере или не имеет научной степени, пишется «исследователь»), научная степень, ученое звание, в скобках: город проживания и страна. С отдельной строки – e-mail

Название научного учреждения пишется полностью в соответствии с официальным названием.

Пример оформления статьи:

УДК 94(47)

DOI:

МИФЫ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

Иванов Иван Иванович

Ивановский государственный университет имени Ивана Иванова
(г. Иваново, Россия)

Аннотация

Текст.

Ключевые слова: слова; слова

MYTHS ABOUT IVAN THE TERRIBLE

Ivanov Ivan Ivanovich

Ivanov Ivanovo State University (Ivanovo, Russia)

Abstract

Key words:

Введение

Текст статьи....

Литература

Список литературы (с отступом и без нумерации)

Список литературы под заголовком «Литература» приводится в конце текста. **Источники в списке приводятся по алфавиту**, список оформляется по приводимому ниже примеру. **Нумерация списка литературы не делается.** Количество страниц в упомянутой литературе обязательно. Место (город) издания пишется полностью.

Кьеркегор С., Мэй Р. Очищение страхом или Экзистенция свободы. Москва: Литрес, 2022. 260 с.

Зайченко С.С. Художественный кинодискурс исторического жанра в пространстве семиосферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013, № 7 (25): в 2-х ч. Ч. 1. С. 69–72.

Бодрийяр Ж. Эстетика иллюзий и эстетика утраты иллюзий // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. // [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3090> (дата обращения: 07.07.2021).

Ссылки на список литературы в тексте отмечаются в квадратных скобках с указанием страницы, на которую делается ссылка (при необходимости): [Найдыш 2021: 364], где сначала пишется фамилия автора, потом год издания статьи или монографии, а затем после двоеточия количество страниц. В случае, если у цитируемого автора используется две и более работ одного года издания, пишется [Ставицкий, 2012а] или [Ставицкий 2012б: 315], и т.д.

После Литературы обязателен *Literature*, т.е. перевод литературы на английский язык.

Английские слова (существительные, глаголы, прилагательные) в названии должны начинаться с заглавной буквы.

После издательства должно идти уточнение Publ.

Количество страниц в статьях обозначается Pp.

После отечественных работ должно быть добавлено (In Russian).

В целом текст должен выглядеть так: *Stavitskiy A.V.* Ontology of the Modern Myth. Sevastopol: Ribest Publ. 2012. 543 p. (In Russian).

Варианты оформления литературы

Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд.. Москва: Республика, 1994. 527 с.

Антология мировой философии: В 4 т. Москва: Мысль, 1969. Т. 1. 576 с.

Иванов В. Ницше и Дионис // Иванов В. Родное и вселенское. Москва: Республика, 1994. С. 26–34.

Рифтин Б.Л. Китайская мифология // Мифы народов мира: энц. в 2 т., Т.1. С. 652–662.

Разлогов К. Контексты культуры. Образы Америки? // Искусство кино. 2006. №10. С. 12–14.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Лекция Георгия Гачева. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/05/24/kulturosob/> (дата обращения: 21.02.2018).

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. 576 с. DOI: 10.35103/SMSU.2021.86.74.001

Особая просьба авторам:

1) Обратите внимание на тире в тексте и при разделении страниц в списке литературы. Тире (–) не должно подменяться дефисом (-).

2) Проверьте все интервалы между слов, чтобы не было двойных и более.

3) **Пожалуйста, вычитайте свой текст и проверьте соблюдение правил, т.к. редакция текстов, которые не вычитаны авторами, забирает много времени при проверке и отодвигает сроки выпуска сборника и журналов.**

Помните, что организаторы не только несут затраты на рецензирование статей, редакторские услуги, предоставление журналу ISSN и статьям международного индекса DOI, размещение статей в научной электронной библиотеке www.elibrary.ru. и в других базах данных, рассылку электронной версии сборника трудов в библиотеки РФ и других стран, но и тратят огромное время на проверку, рецензирование, вычитку и редактирование присланных вами текстов.

В связи с этим просим помочь редактору точным соблюдением всех указанных требований и вычитать текст своей статьи насколько это возможно.

Научное интернет-издание

МИФОЛОГОС.

**Серия «Миф и общество: история, политика, социология»
№ 4, 2022. 199 с.**

MYTHOLOGOS.

**Myth and Society: History, Politics, Sociology Series.
№ 4, 2022. 199 p.**

На обложке журнала использована работа Питера Брейгеля-старшего
«Притча о слепых»

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:

А.В. Ставицкий

Технический редактор:

А.В. Юдина

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Дизайн, макет и верстка выполнены в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в городе Севастополе**

Подписано к публикации 20.05.2022 г.

Формат 70 x 108 1/8

Объем 28 п.л., уч. изд. л. 25,8.

Распространяется через сеть Интернет

КНИГИ БРАТЬЕВ ГАГАЕВЫХ

Андрей Александрович Гагаев (1952–2021)

д-р филос. наук, проф. Мордовского гос. ун-та
Автор более 200 публикаций, в том числе десяти монографий и шести учебных пособий по проблемам теории познания, истории и теории культуры

Павел Александрович Гагаев

д-р педагог. наук, профессор Пензенского гос. ун-та
Автор более 200 печатных работ, в том числе восьми монографий и трёх учебных пособий по проблемам истории и философии отечественного образования, теории текста как культурно-исторического феномена.
Почётный работник высшего образования РФ

Блог П.А. Гагаева: <https://gagaevpavel.wordpress.com/>

Как купить наши книги

Покупайте книги издательства «А-проджект» в интернет-магазине Лабиринт www.labirint.ru или по издательской цене в группе издательства [VK.com/aprkniga](https://vk.com/aprkniga).
Информация о наличии и вопросы по работе: aprkniga@gmail.com

20-летний опыт работы с научной и учебной литературой

- Издательская подготовка результатов научной деятельности (статьи, монографии, сборники трудов, учебные пособия)
- Разработка полиграфического дизайна научных журналов, книг
- Доставка по всему миру, хранение

A PUBLISHING

Общество с ограниченной ответственностью «А-проджект»
whatsapp | telegram: +7 (925) 1-777-090 e-mail: aprkniga@gmail.com www.a-pr.org

